ПОВОЛЖСКИЕ ЗЕМЛИ МЕЖДУ МОСКВОЙ И КАЗАНЬЮ

вопросы исторического развития в период XV-XVII веков

ПОВОЛЖСКИЕ ЗЕМЛИ МЕЖДУ МОСКВОЙ И КАЗАНЬЮ
вопросы исторического развития в период XV–XVII веков

Сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного 500-летнему юбилею сражения на Итяковом поле в 1524 году

Нижний Новгород – Свияжск
2026

УДК 908(470.341)
ББК 26.89(2Рос –4Ниж)
П 42

Рецензенты:
д. и. н. А. Е. Негин,
к. и. н. А. А. Сорокин

Редколлегия:
к. и. н., младший научный сотрудник ЛГИ НГУ Б. А. Илюшин,
археолог Е. В. Четвертаков, к. и. н. М. А. Несин

П 42 **Поволжские земли между Москвой и Казанью: вопросы исторического развития в период XV-XVII веков** [текст]: сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного 500-летнему юбилею сражения на Итяковом поле в 1524 году / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова, М. А. Несина – Нижний Новгород – Свияжск, 2026. – 146 с., илл.
ISBN 978-5-6056918-0-8

В сборник вошли статьи археологов и историков, посвященные истории и культуре народов Поволжья в XV–XVI веков, представленные в 2024 г. формате докладов на научно-практическом онлайн-семинаре, приуроченном 500-летнему юбилею сражения на Итяковом поле в 1524 году. Хронологические рамки определены спецификой периода московско-казанских войн.

ISBN 978-5-6056918-0-8 © Б. А. Илюшин, Е. В. Четвертаков, М. А Несин

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие……..……..4

Несин М. А., Илюшин Б. А. Сражение на Отяковом / Итяковом поле в 1524 году: состав и численность войск, датировка и продолжительность, локализация и значение …….....…...5

Инжутов А. А. Казанский поход 1552 г.: подготовка похода, маршруты и хронология движения войск к Свияжску……..…….....……39

Малышев А. В. Экклезионимы как «маркеры» маршрута похода Ивана IV Грозного на Казань в 1552 г……..……..…..……72

Аряев Л. Н. Пропавшая грамота. Татищевское известие о тайном договоре Василия Темного и Улу-Мухаммеда …….…….…….….95

Свечников С. К. Вопрос об идентификации личности «из нагай царя», приглашенного марийским сотником Мамич-Бердеем в 1555 г……..…….…..……105

Козлов Д. А. Иконка «св. Никиты-бесогона» с Коринского курганного могильника: вопрос о ношении предметов христианского культа у мордвы в XV-XVI вв....…….…….…...114

Давыдов А. И. Большой острог Нижнего Новгорода по чертежу 1699 г. ……...…130

Ермилова А. С., Втюрина К. Н., Степанова А. В., Шатый Г. А. Особенности изготовления рукоятей позднесредневековых ножей из раскопок Свияжска (по результатам реставрации) ….....…….…….…..139

ПРЕДИСЛОВИЕ

Летом 2024 года исполнилось 500 лет битве на Итяковом поле – одному из крупнейших русско-казанских полевых сражений XVI века и видной победе известного русского воеводы XVI в. И. В. Хабара Симского. Отборное казанское татарско-марийско-чувашское войско подстерегло русскую конницу на берегу р. Свияги на Итяковом поле, чтобы не дать пройти к Казани и соединиться под стенами ханской столицы с прибывшей на судах русской пехотой. Однако конница под командованием Хабара Симского успешно отразила неожиданное нападение неприятеля, разбила казанское войско и соединилась под Казанью с пешей ратью. Данный сборник содержит материалы семинара, приуроченного к пятисотлетию этих событий. В статье М. А. Несина и Б. А. Илюшина рассматриваются вопросы датировки, продолжительности, места и значения битвы, а также состава и численности войск. В работах А. А. Инжутова и А. В. Малышева рассматривается маршрут русских войск на пути в Казань в 1552 г. Военные события – не единственный обсуждаемый на семинаре аспект русско-казанских отношений XV–XVI вв. Статья Л. Н. Аряева посвящена гипотетическому договору великого московского князя Василия II с основателем первой династии казанских ханов Улу-Мухаммедом середины 1440-х гг. И, конечно, семинар традиционно не обходится без изучения истории и исторических деятелей разных народов Среднего Поволжья XV–XVI вв. Материалы Д. А. Козлова и С. К. Свечникова посвящены вопросам наличия христианских икон у мордвы и личности приглашенного марийским сотников в 1555 г. «царя» «из ногаи». Кроме того, рассматривались вопросы, связанные с историей фортификации Среднего Поволжья. Статья А. И. Давыдова посвящена острогу Нижнего Новгорода по чертежу 1699 г. Также на семинаре традиционно уделили внимание выявленным в ходе археологических раскопок предметам материальной культуры Свияжска. Так, материал А. С. Ермиловой, К. Н. Втюриной, А. В. Степановой и Г. А. Шатого посвящен ножам из раскопок Свияжска.

М. А. Несин, Б. А. Илюшин

М. А. Несин
ученый секретарь МОО «Историческое сознание», к.и.н
petergof-history@yandex.ru

Б. А. Илюшин[1]
младший научный сотрудник ЛГИ НГУ, к.и.н.
arunta-desert@yandex.ru

СРАЖЕНИЕ НА ОТЯКОВОМ / ИТЯКОВОМ ПОЛЕ В 1524 ГОДУ: СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЙСК, ДАТИРОВКА И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ, ЛОКАЛИЗАЦИЯ И ЗНАЧЕНИЕ

В данной работе анализируются сведения источников о дате, месте, продолжительности и значении сражения на Отяковом поле в 1524 г., о походе русских ратей на Казань в том же году, численности русского и казанского войск. Авторы выявляют упоминание даты 8 августа в известии Волоколамского летописца первой половины XVI в., как правило, известном ученым в кратком и неточном пересказе А. А. Зимина и отмечают, что эта дата является наиболее вероятной из всех, имеющихся в источниках. В приложении публикуется погодная запись данного источника за 7032 (1524) г., повествующая о походе великокняжеских войск на Казань. Итяково поле располагалось в низовьях Свияги, на левом берегу реки Свияги между устьем р. Бии и г. Свияжском. Значение сражения оценить трудно. Несмотря на однозначную победу великокняжеской конницы, она понесла в нем большие потери, что, вероятно, и привело к неудачному для русской стороны исходу войны.

Ключевые слова: битва на Итяковом поле, Василий III, И. В. Хабар-Симский, М. С. Воронцов, аталык Талыш, Сафа-Гирей, новгородцы.

Битва на Итяковом поле у реки Свияги произошла пять веков назад, на третий и последний год войны между коалицией Крымского и Казанского ханств и Великим княжеством Московским. Начиная с конца 60-х гг. XV в. великие князья московские вели политику по подчинению Среднего Поволжья, в чём имелся большой материальный интерес в виде контроля над торговыми путями, увеличения количества подданных и ясачных плательщиков, расширения земельного фонда. Тем более, что с момента образования Казанского ханства отношения между его первой династией и Москвой сложились враждебные. Хотя «казанские цари» со своим татарским войском сумели остановить русскую экспансию в регион, начатую ещё в домонгольское время, прерванную монгольским завоеванием и возобновлённую во время Великой Замятни, уже в 1487 г. ханство оказалось фактически подчинено Москве.

В период т. н. протектората между 1487 и 1505 гг., а также после московско-казанской войны 1505–1506 гг. отношения между двумя государствами были мирными. Но после

[1] Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири – от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)»

смерти бездетного хана Мухаммеда-Эмина в 1518 г. в казанские дела стали активно вмешиваться крымские Гиреи, поскольку имели интерес в укреплении дружественного (вассального) татарского юрта в противовес Москве. В 1521 г. крымский отряд изгнал московского ставленника из Казани и новым ханом стал Сахиб-Гирей. В том же году большое крымское войско дошло до Москвы, а казанцы напали на восточные окраины великого княжества, осаждали Нижний Новгород.

После убийства ногаями крымского хана и разгрома его войска весной 1523 г. Василий III пошёл было с войсками на Казань. Кроме того, важным поводом для похода было учиненное той же весной казанским ханом Сахиб-Гиреем массовое убийство христиан в Казани, великокняжеского посланника Василия Юрьевича Поджогина и то ли его людей, то ли арестованных и ограбленных 2 года назад русских купцов (ПСРЛ, 1859. С. 270; ПСРЛ, 1904. С. 43). Но из-за ожидания ранней зимы Василий III остановился в августе в Нижнем Новгороде, послав на казанские земли рати для разорения, а также приказал поставить в устье пограничной Суры крепость, ставшую позже г. Васильсурском (ПСРЛ, 1853. С. 264; ПСРЛ, 1859. С. 270; Нижегородский летописец, 1886. С. 32; ПСРЛ, 1904. С. 43–44; ПСРЛ, 1959. С. 312; Шмидт, 1951. С. 281-282; ПСРЛ, 1978, 14; Тихомиров, 1979. С. 163; ПСРЛ, 2000. С. 222; Трепавлов, 2024. С. 208–217).

Постниковский летописец к 1523 г. относит также и сражение на Отяковом поле (ПСРЛ, 1978. С. 14). Поэтому часть историков, начиная с А. А. Зимина, сочла это сражение реальным фактом и в историографии бытует представление о двух победах русского войска над казанцами на этом месте с разницей почти в один год (Зимин, 1972. С. 253, 263; Кузнецов, 1999. С. 74, 78; Бахтин, 2001. С. 251, 261; Волков, 2001. С. 73–74, 202. Примеч. 50; Кузнецов, 2002. С. 231, 234; Котляров, 2005. С. 188, 193; Филюшкин, 2010. С. 267–268; Волков, 2004. С. 90-91; Свечников, 2014. С. 132, 135; Михайлова, 2015. С. 37, 39, 42; Котляров, 2017. С. 200, 204). Однако, в последнее время Н. В. Белов и Б. А. Илюшин почти одновременно пришли к выводу, что было одно сражение 1524 г. а более ранняя датировка является ошибочной. Так, Н. В. Белов обратил внимание на содержащиеся в Продолжении хронографа 1512 г. конкретные сведения о протяженности похода 1523 г. конной и судовой ратей на Казанские земли – только до р. Цивили, и резонно заключил, что сражение на расположенном на берегу р. Свияги Отяковом / Итяковом поле не имело отношения к этому походу, а состоялось уже в 1524 г. (Белов, 2019. С. 204). Б. А. Илюшин, отметил, что ряд источников, подробно описывающих сражение на Итяковом поле, относит ее к походу 1524 г., а не к 1523 г.: «Никоновская, Типографская, Волоколамская летописи, Пафнутьевский и Казанский «летописцы», Русский хронограф, Разрядная книга 1475–1605 гг. и Герберштейн достаточно подробно описывают сражение на Свияге, на Итяковом поле, относя его именно

к 1524 г.», а «о бое 1523 г. молчат». Это «заставляет заподозрить ошибку в переносе» крупного полевого сражения 1524 г. на год раннее (Илюшин, 2021. С. 207–208). Думается, что выводы обоих исследователей хорошо дополняют друг друга. Победу в сражении с казанцами на Итяковом поле одержала именно русская конница Ивана Васильевича Хабара Симского в 1524 г., а не конница князя Горбатого, дошедшая годом раннее только до р. Цивили[2].

В 1523 г. у князя Горбатого не было резона разорять казанские земли до Свияги, приближаясь к ханской столице на несколько десятков километров: это было чревато быстрым ответным казанским набегом на Русь со срывом строительства приграничной крепости Васильгород. Поэтому можно определенно отнести сражение на Итяковом поле именно к лету 1524 г.

В Казани понимали, что грабительским набегом до р. Цивиль Василий III не ограничится и будет готовить новый поход на Казанское ханство. Казанский хан просил у родичей из Крыма прислать ему пушки и пищали, но не дождался, после чего уехал из Казани, вместо себя оставив племянника – малолетнего Сафа-Гирея (Бахтин, Хамидуллин, 2014, С. 305–306; Смирнов, 1887. С. 399).

Новая казанская кампания была начата «весной» в 1524 г. (ПСРЛ, 1859. С. 270; ПСРЛ, 1904. С 44). Судовой ратью командовали 11 воевод, конной – 10. Возглавлял конную рать и её Большой полк боярин (или в те годы ещё окольничий) Иван Васильевич Симский, имевший прозвища Хабар за удачливость и Дикой за необузданный нрав – герой обороны от татар Нижнего Новгорода в 1505 г. и Переяславля-Рязанского в 1521 г. Назначение, скорее всего, было связано с его удачливостью, хитростью и заслугами перед великим князем, поскольку ни родовитостью, ни соответствующим большим опытом он не отличался. Вторым воеводой был Михайло Семёнович Воронцов, также не обладавший значительным боевым опытом (Бахтин, 2017. С. 70–71; Зимин, 1988. С. 157–158; Филюшкин, 2010. С. 264–265). При анализе же всего воеводского корпуса выясняется, что из 10 воевод один не имел опыта воеводства, у двоих насчитывается по 2 назначения, у одного – 3, ещё у одного – 4, у двоих – 5, ещё у двоих – 6, и у одного – 7 назначений (т.е. основная масса воевод опыт имела небольшой). С непосредственным боевым контактом тут ещё хуже: достоверно его можно отметить только у пятерых, причём у троих – по 1 эпизоду, у двоих – по 2, и у одного – 3.

---

[2] Источники расходятся в показаниях, какой князь Горбатый возглавлял конницу в том походе. По сведениям хронографа редакции 1512 г. это был Борис Иванович (Шмидт, 1951. С. 281). «Казанский летописец», смешивающий реалии походов 1523 и 1524 гг., также под 7032 (1524) г. упоминает во главе великокняжеской конницы Бориса Суздальского Горбатого (ПСРЛ, 1903. Стб. 34), однако Нижегородский летописец упоминает во главе конной рати Андрея Борисовича Горбатого (Нижегородский летописец, 1886. С. 32). Трудно сказать, какая из этих версий достоверна – имевшиеся в научном обороте данные о биографиях обоих князей не дают ни для одного из них серьезных противопоказаний к участию в этом походе.

Шестеро из десяти воевод (включая главного) являлись представителями нетитулованной московской служилой аристократии, остальные – в основном служилые князья: двое князей Оболенских (Черниговских), один – Смоленский (из нововыехавших при Иване III) и один – из Ярославских, служивший, видимо, удельному князю Юрию Ивановичу. Иными словами, здесь мы видим преобладание лиц, не обладающих большим опытом воеводства, но лично преданных великому князю и происходящих из семейств, издавна служивших Москве. В назначениях воевод отразилась, несомненно, и местническая иерархия, но разница в уровне подготовленности судовых и конных воевод может выражать и отношение к коннице, как к сугубо вспомогательному контингенту (а в судовую рать вели многоопытные воеводы). Высшее командование могло считать, что для достижения конницей Казани и дальнейшего прикрытия осадной группировки вполне достаточно таких командиров. Территориальный состав великокняжеских служилых людей, шедших в поход, практически неизвестен. Исключение составляют уникальные сведения Типографской летописи о присутствии в конной рати Новгородской силы (т.е. конницы из новгородских детей боярских) (ПСРЛ, 2000. С. 222), и синодика конца XVII в., в котором приведены имена рязанских дворян, погибших в том походе (Древняя российская вивлиофика, 1788. С. 465–466). Новгородские дети боярские служили в основном на западе и принимали участие во всех наиболее значимых кампаниях московско-литовских войн (Бенцианов, 2019. С. 113). Перевод их на восточное направление говорит о важности похода и большой численности участвовавших в нём ратей. По мнению А. Н. Лобина, в первой трети XVI в. новгородские дети боярские могли насчитывать ок. 2 тыс. чел. (с учётом роста поместного землевладения и ок. 3 тыс. чел. на 1562 г.) (Лобин, 2011. С. 100–101). Однако в походе на Казань вряд ли участвовали все помещики – какая-то их часть могла оставаться «по домам» на случай прихода «воинских людей» из Литвы или Ливонии.

«Рязанцы», поднаторевшие в столкновениях со степными татарами, также были многочисленны. Известно, что в 1562 г. их насчитывалось не менее 626 человек (Записная книга. С. 119–154). В начале века их могло быть ок. 400 чел. Привычность к столкновениям со степняками и упоминание павших рязанцев в последовавшей во время похода конной битве на Свияге позволяют предположить присутствие их именно в конной рати. Известно также об участии в походе детей боярских из коломенской корпорации (Бенцианов, 2019. С. 183, 334, прим. 548; Древняя российская вивлиофика, 1788. С. 466). Коломенский служилый город в 1562–1577 гг. насчитывал ок. 310–318 человек (Записная книга. С. 119–154; Чернов, 1954. С. 77). В первой трети века их могло быть человек 200–250. Фигурирующие в источниках данные о численности русских ратей многократно преувеличены. «Казанский летописец» сообщает о 150 тыс. воинства (ПСРЛ, 1903. Стб. 34). Сигизмунд Герберштейн

привёл ещё большую цифру – 180 тыс. (Герберштейн. С. 179). Учитывая известные средние показатели по периоду Ивана Грозного, когда под командованием воеводы находились 4–5 сотенных голов, а также приблизительный состав т. н. сотен, можно приблизительно определить численность русских ратей. С учтём 11 воевод в судовой рати (плюс «наряд») и 10 – в конной, при расчёте получаем в судовой рати от 6600 до 8250 условных ратников (плюс несколько сот чел. с артиллерией), и в конной – от 6000 до 7500 чел. (из которых до 2,4 тыс., предположительно, составляли новгородские, коломенские и рязанские дети боярские). К их числу, вероятно, можно ещё добавить не менее полутора сотен татар из двора Шах-Али, которые упоминаются Герберштейном при описании военных действий под Казанью (Герберштейн. С. 178). Правда, он приводит сомнительные сведение о намерениях Шах-Али использовать целых полторы сотни своих конных татар для преследования всего лишь шестерых казанских всадников. Не исключено, что С. Герберштейн допустил ошибку, исходя из привычного представления о татарах как о конниках, а на самом деле люди Шах-Али прибыли вместе с ним в составе судовой рати, и теперь в пешем строю намеревались напасть на выезжавших из города казанских всадников. В общей сумме получаем приблизительно от 13 до 16–17 тыс. воинов конной и судовой ратях.

Противопоставить этому казанцы могли едва ли столько же воинов, причём со всего ханства. Ядром казанских вооружённых сил была ханская гвардия и отряды биев – профессиональные конные воины с полным комплектом вооружения. По статусу и качеству вооружения к ним были близки мурзы и казаки (рядовые воины, нёсшие службу с земельного надела или за жалование). Более многочисленным, но куда менее боеспособным было ополчение из татар, черемисов и других народов ханства, в значительной степени пешее. С учётом численности населения ханства (до 500 тыс. человек), сопоставимости мобилизационных возможностей ханства и великого княжества (до 1/50 населения могло быть набрано в войска), численности служилых казанских татар, чувашей и марийцев в Московском царстве после 1552 г. и общего количества содержимых на территории Казанского края комбатантов в XVII в., получается около 3–5 тыс. профессиональных воинов и ок. 10 тыс. ополченцев. Конные отряды из Ногайской Орды, скорее всего, не могли в большом количестве участвовать в войне на стороне Казани – некоторые ногайские мирзы были врагами крымских Гиреев (Илюшин, 2021. С. 230–231).

Источники по-разному датируют начало похода судовой и конной ратей. Постниковский летописец относит их выступление к маю (ПСРЛ, 1978. С. 14), не называя конкретных дат. Типографская летопись относит выступление судовой и конных ратей к 12 числу (ПСРЛ, 2000. С. 222), Волоколамский летописец – к 29 (РГБ. Ф 92. Д. 2. Л. 140 об). Софийская II летопись тоже сообщает об отправке судовой рати в мае и уточняет, что конная

рать Ивана Хабара была отправлена «после» нее (ПСРЛ, 1853. С. 264). Разряды датируют выступление флотилии за неделю / за день до Троицы (8 /14 мая), а конницы – на Троицу (15 мая) (Разрядная книга, 1966. С. 69; Разрядная книга, 1977. С. 189). Вероятно, правильное чтение – «за неделю», содержащееся в более ранней Разрядной книге 1475–1598 г. (Разрядная книга, 1966. С. 69), а не «за день», как указано в относительно поздней частной Разрядной книге XVII в. 1475–1605 гг. (Ср.: Разрядная книга, 1977. С. 189). С точки зрения текстологии проще понять, как поздний переписчик не понял плохо написанное слово (н?)де(л?) и по ошибке записал как «день», чем как «день» растянул на «неделю». Если Василий III действительно послал конную рать после судовой, то, вероятно, он рассчитывал на то, что приход русской флотилии с осадными орудиями подорвет боевой дух казанцев и прибытие русской конницы станет финальным аккордом, который практически сразу приведет к капитуляции города. На это указывает и назначение в судовую рать более многоопытных воевод, чем в конную. Интересно, что именно в составе конной рати находились такие невоенные лица, как брат убитого в 1523 г. казанцами русского посла Иван [Юрьевич] Шинога Поджогин и дьяк Афанасий Курицын, которым государь доверил росписи воевод по полкам (Разрядная книга, 1966. С. 70). Эти двое чиновников, дипломат и дьяк, явно были ответственны за составление договорной грамоты с Казанью. В отличие от претендента на казанский престол Шах-Али, они не были отправлены в составе судовой рати, которая должна была сидеть под Казанью в ожидании конницы, а поехали с конной, чтобы по прибытию к месту назначения, поскорее приступить к своим прямым обязанностям, составлению «докончания» с Казанью.

Но как бы то ни было, судовая рать, прибывшая к Казани к началу июля (Герберштейн, 1988. С. 177–178; РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 140 об.), потратила на дорогу больше месяца, а то и около 2-х. Этот факт удивлять не должен. По Типографской летописи, морозная зима в тот год продержалась до Троицы (15 мая), снег на Троицу сошел не весь, пахать и выпускать пастись скотину начали в Петрово говение (ПСРЛ, 2000. С. 222), то есть, не раньше 23 мая. Соответственно, судовой рати князя И. Ф. Бельского явно приходилось идти по более-менее освободившимся ото льда рекам очень неспешно и осмотрительно, чтобы не напороться на льдины (а при том, что в такой холодный май вода не могла прогреться, шансы массово спастись вплавь в случае кораблекрушения у ратников были невелики). Тем более, что именно в судовой рати находился московский кандидат на казанский трон, Шах-Али, который должен был быть благополучно доставлен под Казань. Поэтому князь Бельский не мог гнать свою флотилию с большой скоростью и шел к Казани так медленно. А конница И. В. Хабара Симского определенно увязла в поздней распутице. Тут может быть станет не лишним сопоставить её поход с темпом движения сухопутных

войск ненастным летом 1502 г. во время Грязевого похода князя Дмитрии Жилки на Смоленск, когда русские войска тоже еле брели, увязая в грязи в среднем со скоростью от 7 до 14 км в день (Несин, 2016. С. 139–140). Поэтому неудивительно, что она тащилась до р. Свияги больше 2-х месяцев и добрела на расположенное на берегу Свияги Итяково поле только к 8 августа.

Источники по-разному датируют сражение на Итяковом поле. Поэтому в историографии вопрос о дате остается нерешенным. Типографская летопись датирует его 24 июня (ПСРЛ, 2000. С. 222)[3], а Продолжение Хронографа редакции 1512 г. – 28 июля (Шмидт, 1951. С. 282).

Между тем, надо отметить, что сражение определенно произошло позднее июня. Австрийский дипломат барон С. Герберштейн, опиравшийся на сведения участника похода князя Семена Федоровича Курбского, шедшего в судовой рати, и т. н. краткий Волоколамский летописец (см. Прил. 1) первой половины XVI в. независимо друг от друга пишут о прибытии судовой рати под Казань в начале июля (хотя немного в разные дни, 7 или «г҃» (3) числа в «недлю» – в воскресенье), а великокняжеская конница одержала победу в столкновении с татарами / в бою с ѧ҃к (20 000) «избранными» татарами на Свияге уже после того как судовая рать подошла к Казани (Герберштейн, 1988. С. 177–178; РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 140 об.–141). Официальное великокняжеское летописание, рассказ которого отразился в таких памятниках, как Воскресенская и Никоновская летописи, тоже сообщает о том, что казанцы узнали о приближении конницы уже после прибытия под Казань судовой рати (ПСРЛ, 1859. С. 270; ПСРЛ, 1904. С. 44). Таким образом, сражение на Свияге определенно состоялось не в июне, а не раньше июля. Не говоря уж о том, что соединение конницы с судовой ратью под Казанью произошло уже в августе: Герберштейн относит начало осады города после прибытия под него русской конницы к 15 числу (Герберштейн, 1988. С. 178). Это тоже свидетельствует против июньской даты битвы на Итяковом поле: в противном случае получалось, что конница потратила на дорогу от Свияги к Казани больше полутора месяцев, а такое промедление не было отмечено в источниках, упоминавших о прибытии конницы под Казань.

---

[3] Некоторые исследователи ошибочно называют 24 июля (Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 307; Бахтин, 2017. С. 77; Белов, 2019. С. 207). Однако, в источнике упоминается 24 июня, и нет оснований утверждать, что летописец в данном случае допустил описку в названии месяца, имея в виду июльскую дату. Опираясь на ошибочную дату 24 июля, А. Г. Бахтин полагает, что в этот день конная рать вышла на Итяково поле, где ее уже поджидало казанское войско (Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 307; Бахтин, 2017. С. 77), а сражение началось уже 28 июля с атаки казанцев (Бахтин, 2017. С. 77). Но Типографская летопись относит к 24 июня именно сражение – «побиша великого князя воеводы конная рать татаръ на Свиязе многихъ, мѣсяца июня 24» (ПСРЛ, 2000. С. 222), не говоря уж о том, что ни один источник не упоминает четырехдневного стояния обоих войск перед боем. Поэтому попытку примирить содержавшиеся в источниках разные даты битвы стоит признать неудачной.

Вместе с тем, надо отметить, что есть третья датировка сражения, содержащаяся в рассказе Волоколамского летописца (рис. 1), в основном известном историкам в кратком пересказе А. А. Зимина (Зимин, 1972. С. 262–263). При этом, в ходе обращение к тексту рукописи можно заметить, то А. А. Зимин пересказал источник не совсем точно.

Так, А. А. Зимин ошибочно написал об участии в бою 2 тыс. избранных татар, вместо упомянутых летописцем ѧ҃к҃ (20 тысяч) (Ср.: Зимин, 1972. С. 262; РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 141). Не ясно, каким образом Зимин получил это число: неправильно прочитал в рукописи букву «к» (20) как «в» (2), или при написании монографии допустил описку, пропустив «0» в цифре «20»? Зато эти фантомные 2 тысячи избранных татар со ссылками на А. А. Зимина прочно укрепились в историографии (Бахтин 2012, С. 201; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 307; Михайлова, 2015. С. 42; Бахтин, 2017. С. 77; Володихин, 2020. С. 213; Илюшин, 2021. С. 238, 250), Правда, иронией судьбы, эта оценка оказывается более реалистичной, чем летописные 20 000: как-никак, речь идет не о каких попало, а об избранных, отборных, казанских воинах, которые, как видно из других источников, явились на Свиягу раньше русской великокняжеской конницы и неожиданно напали нее, то есть представляли собой небольшие отборные силы быстрого реагирования. Практически единственным современным исследователем, который при рассмотрении данного сражения ссылался на текст рукописи, а не на пересказ А. А. Зимина и называл верное число 20 000, является В. А. Волков (Волков, 2001. С. 202. Примеч. 50)[4] правда, он прочему-то считает, что в этом источнике сражение на р. Свияге датировано 24 августа, с чем никак невозможно согласиться, поскольку эта дата в источнике не упоминается (РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 141)[5], но августовская дата у этого боя в источнике действительно есть.

Кроме того, А. А. Зимин решил, что за неделю до Госпожина дня «когда [под Казанью] соединилась [русская] конная рать с пешей, произошел новый бой с русских войск с татарами. После него-то казанцы и «добили челом» воеводам» (Зимин, 1972. С. 262–263). А. Г. Бахтин, сославшись на А. А. Зимина, писал о начале осады Казани 8 августа (Бахтин, 2001. С. 261), очевидно, отняв неделю от 15-ого. В действительности, после упоминания об успешном для великокняжких воевод конной рати результате боя на Свияге с «ѧ҃к҃» (20 000)

---

[4] На этот казус с 2000 недавно также обратил внимание Н. В. Белов, не подкрепив свои рассуждения ссылкой на источник. По мнению Н. В. Белова, «неверно сообщенные Зиминым числовые данные выглядели весьма правдоподобно, а потому получили широкое распространение в работах после дующих историков» (Белов, 2022. С. 611. Примеч. 2). В действительности, вышеуказанные историки просто ссылались не на текст источника, а на его пересказ в книге А. А. Зимина.

[5] И вдобавок явно противоречит построениям самого В. А. Волкова, который, опираясь на сведения С. Герберштейна, пишет, что уже 15 августа войска соединились под Казанью и приступили к осаде города (Волков, 2001. С. 74–75; Волков, 2004. С. 92). Однако эта сомнительная дата сражения – 24 августа уже стала в качестве аксиомы распространяться в историографии (Вербицкий, Карпенко, Пелогейко, Семин, 2024. С. 30) при этом данные авторы тоже тут же пишут о соединении русских войск под Казанью уже 15 числа (там же).

избранными казанскими татарами, Волоколамский летописец отметил: «Бои был мсца августа за недлю до ѡспожина дни (за неделю до дня Успения Богородицы 15 августа, то есть 8 августа) и приступ (наступление, штурм / доступ, подход (СРЯ, 1995. С. 41–42))[6] был къ градоу конным и соудовым зане ж сьшлисѧ конная рат съ судовою» (РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 141). Надо полагать, что в августе за неделю до Госпожина дня произошел вышеописанный бой на Свияге, это дало возможность русской коннице дойти до Казани, соединиться с судовой ратью и та под прикрытием конницы смогла покинуть свой острог и бить по городу из привезенной на кораблях осадной артиллерии.

Таким образом, получаем еще одну летописную дату сражения на Итяковом поле, кроме известных из других источников 24 июня и 28 июля – 8 августа: от августовского Госпожина дня (Успения Богородицы, отмечавшегося на Руси 15 августа) отнимаем 7 дней и получаем 8 число (Второй Госпожин день, день Рождества Богородицы, который справляли 8 сентября, явно не подходит: если отнять от него неделю, получаем 1 сентября, а не «мсца августа»). И надо признать, что эта дата весьма правдоподобная: она наилучшим образом перекликается со сведениями С. Герберштейна о начале осады Казани 15 августа после соединения конницы и пехоты. После боя с казанцами на Свияге русской коннице было логично потратить порядка нескольких дней на разведку, прежде чем идти дальше к неприятельской столице. Поэтому было вполне нормальным прибыть к Казани через неделю после сражения на Свияге.

Итак, скорее всего сражение на Отяковом / Итяковом поле на берегу Свияги между великокняжеской конницей и казанским войском произошло уже 8 августа. В составе казанского воинства великокняжеский летописец отмечал помимо татар черемисов (марийцев) и чувашей (ПСРЛ, 1859. С. 270; ПСРЛ, 1904. С. 44). А. Г. Бахтин упоминает также мордву (Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 307; Бахтин, 2017. С. 77), однако, это не подтверждается источниками. Тем более, что она проживала далеко от Свияги и потому казанцам, уже в июле узнав о приближении русской конницы, навряд ли было целесообразно мобилизовать мордовский отряд для того, чтобы перехватить противника у этой реки. Пафнутьевский летописец отмечает, что казанцы пришли безвестно (внезапно) на воевод великого князя (Тихомиров, 1979. С. 163), а великокняжеское летописание и «Казанская история» (далее – КИ) сообщают, что казанцы прибыли на Свиягу раньше великокняжеских воевод – «сретоща» (встретили) их на Свияге (ПСРЛ, 1859. С. 270; ПСРЛ, 1904. С. 44) /

---

[6] С точки зрения современной грамматики напрашивается второе значение: был им доступ. Но, памятуя известные летописные обороты типа «был им бой», не исключаю, что здесь слово «приступ» употреблено в первом значении наступления, штурма. Также не исключено второе значение: доступ, подход, что, в принципе, существенно не меняет дела: для чего еще русским конной и пешей ратям был нужен доступ к городу, как не для нападения, не для артобстрела?

«ждуще рускія силы» (ПСРЛ, 1903. Стб. 35). При этом источники, сообщая о великокняжеской коннице, умалчивают о казанской конной рати. А КИ упоминает у казанцев только ладьи, а не коней (ПСРЛ, 1903. Стб. 36) (ладья в данном случае, возможно, не конкретный тип корабля, а обобщенное наименование судна любого типа, например, стругов; во всяком случае, в одном из списков КИ русская лодейная рать также фигурирует как струговые вои (ПЛДР, 1985. С. 348)). По мнению М. А. Несина, в этой связи казанцы, вероятно, не стали тратить время на переправу коней на правую стороны Волги, а быстро пришли на Свиягу на судах, объединились с такими же судовыми отрядами марийцев и чувашей и опередили приближающееся к Свияге русское конное войско, внезапно и слаженно напав на него на прибрежном Итяковом поле. Конница имела определенные преимущества в бою с пехотой. Поэтому для судовой рати логично было использовать фактор внезапности.

Источники обычно не упоминают командиров казанского войска в сражении на Итяковом поле 28 июля 1524 г. Исключением является КИ второй половины XVI в. Во главе казанского войска упоминаются первый воевода князь Отуч и «другой», второй (воевода) аталык (ПСРЛ, 1903. Стб. 35)[7]. Разумеется, аталык – не имя собственное, а должность ханского воспитателя. Имя аталыка источники умалчивают. Правда, один из писцов, вероятно, решил по-своему восполнить этот пробел. В одном из поздних списков КИ из собрания рукописей Ф. И. Буслаева, в ходе повествования о гибели аталыка в 1530 г., указано его имя Талыш (ПСРЛ, 1903. Стб. 38. Примеч. 33). М. Г. Худяков, опиравшийся в своей монографии на данное издание КИ 1903 г. в 19 томе Полного собрания русских летописей, приняд это на веру (Худяков 1923, с. 93, 187). Про аталыка Талыша пишут некоторые современные историки (Волков 2001, С. 78, 203. Примеч. 69; Бахтин, 2012. С. 221; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 307, 309; Измайлов, 2014. С. 525; Бахтин, 2017. С. 77), вероятно, взяв его у М. Г. Худякова, поскольку в данных работах опираются на более позднее издание КИ 1954 г., в коем это чтение отсутствует. Однако, этот список, в коем

[7] Разве что в одном списке КИ 1660 г. (РНБ. F. IV. 578), изданном в 7 выпуске Памятников литературы Древней Руси. Отуч и его звание воеводы пропущены. Поэтому «первым князем» и, фактически, главным воеводой, оказывается аталык (ПЛДР, 1985. С. 348). В списке Румянцевского музея Отуч и Аталык упомянуты как князья (ПСРЛ, 1903. Стб. 249). Эти чтения явно ошибочным – все списки КИ, сообщая о гибели в 1530 г. аталыка, не титулуют его князем, при том, что величают его «достохвальным казанским воеводой» и изображают настоящим богатырем, якобы способным полностью разрубить пополам человека в панцире и шлеме вдоль от головы до седла и убивать из лука за версту человека, зверя и птицу (ПСРЛ, 1903. Стб. 38–39, 255–256; ПЛДР, 1985. С. 352, 354). Так что определенно стоит отдать предпочтения версии остальных списков КИ, согласно которой казанское войско на Итяковом поле возглавляли два воеводы – первый воевода князь Отуч и второй [воевода] аталык. Другое дело, что в Вологодско-Пермской летописи в сообщении о гибели аталыка в 1530 г. в остроге с супругой, аталык фигурирует в качестве большего (главного) их (татар) князя (ПСРЛ, 1959. С. 314). Однако, такой высокий титул аталыка вызывает сомнение, поскольку официальное великокняжеское летописание, красочно описывая успехи великокняжеских воевод при захвате казанского острога, не сообщает об убийстве ими столь важной персоны в войске противника (ПСРЛ, 1859. С. 273; ПСРЛ, 1904. С. 47).

выделяют почерка второй половины – конца XVII в., определенно не является самым ранним списком КИ. Текст этого списка источниковеды тоже не считают самым древним и подлинным. Поэтому данное уникальное сведение об имени аталыка, отсутствующее во всех остальных списках, может быть поздней вставкой и некритически воспринимать его в качестве исторического факта нам кажется преждевременным. Поэтому предлагаем пока что оставить этого аталыка безымянным. Таким образом, речь идет о воспитателе нового 13-летнего казанского хана Сафа-Гирея, представителя крымской династии на казанском престоле. Очевидно, этот аталык был выходцем из Крымского ханства, недавно явившимся в Казань вместе со своим юным воспитанником, занявшим здесь трон. И если аталык не сделался советником Сафа-Гирея, то, во всяком случае, стал при нем одним из видных воевод. Не ясно, был ли под его началом на Итяковом поле небольшой крымский воинский контингент, или «крымские люди», которые несомненно хотя бы в небольшом количестве сопровождали крымского царевича Сафа-Гирея на казанский престол[8], оставались с новым

[8] Пафнутьевский летописец, по ошибке назвав Сафа-Гирея Саадет-Гиреем, и сместив его воцарение в Казани на 5 лет назад, в 1519 г. сообщает, что на пути в Казань касимовские татары перебили его людей и он еле ушел с матерью (Тихомиров, 1979. С. 161). Впрочем, летописец сообщает явно преувеличенные сведения о том, что в 1524 г. великокняжеские воеводы постарались ликвидировать Казанское ханство, что не случилось ввиду мольб казанской знати о мире и о последующем полном опустошении Казанского ханства ногаями (Тихомиров, 1979. С. 163). В действительности перед воеводами стояла задача всего лишь посадить на казанский трон московского ставленника, и они с этим не справились, потому навряд ли представляли собой реальную угрозу для казанской государственности. Вероятно, недаром исследователи не принимают на веру сведения данного источника о таких намерениях русских воевод. А вот к известию об опустошительном походе ногаев ученые иногда относятся с полным доверием и считают крупный набег ногаев одной из причин прибытия 15 ноября в Москву, к Василию III казанского посольства, просившего признать казанского хана Сафа-Гирея (Зимин, 1972. С. 265; Свечников, 2014. С. 136; Волков, 2001. С. 75; Волков, 2004. С. 92–93). Однако, «схожесть ситуации с разорением Крыма в 1523 г., путаница с именами крымского и казанского ханов, а также общий апологетический тон произведения позволяют предположить, что ногайского нашествия на Казань в 1524 году на Казанское ханство не было (хотя он и было возможным в тех военно-политических условиях)» (Илюшин, 2021. С. 264–265). Во всяком случае отсутствие упоминание об этом набеге в иных источниках дает основания считать сведения Пафнутьевского летописца о его грандиозных масштабах явно преувеличенными, ни до какого полного разорения ханства дело не дошло (при том, что в Ногайской Орде в то время соперничали разные князья с различным отношением к Гиреям, сомнительно, что она имела возможность собрать силы для разорения всего Казанского ханства). А казанские послы и без того вскоре после похода русских войск на Казань имели основания уточнить у Василия III, готов ли он смириться с тем, что Сафа-Гирей остался на троне и не будет ли он организовывать новые походы на Казань с целью посадить на престол своего ставленника Шаха-Али. Василий III подтвердил заключенным его воеводами мир с казанцами, передав, чтобы казанский хан следовал «слову», которое от его лица казанские старейшины дали первым воеводам судовой и конной ратей князю И. Ф. Бельскому и И. В. Хабару Симскому (Тихомиров, 1979. С. 164). Это отнюдь не означало, что Казань могла рассчитывать на реальную незамедлительную военную помощь Руси против ногайского вторжения или должна была оказывать со своей стороны военную помощь великокняжеским воеводам в войнах с противниками Василия III. Но, по крайней мере, вносило какую-то ясность в дальнейшие отношения Казани с Москвой и не давала основания ожидать появления под стенами Казани нового великокняжеского войска с попыткой посадить на престол московского протеже. Пафнутьевский летописец несомненно был неплохо осведомлен об участии И. В. Хабара Симского в составлении мирного договора с казанской знатью (что перекликается с вышеуказанными данными разрядов о нахождении в конной рати невоенных лиц, дипломата и дьяка, явно ответственных за составление «докончальной» грамоты с Казанью), и что сражение на Итяковом поле началось с внезапной атаки татар (что опять же перекликается с вышеуказанными независимыми сведениями иных источников, согласно которыми казанцы первыми прибыли на поле бое и встретили там великокняжеских воевод). Но, принимая во внимание тенденциозные сомнительные сведения данного источника о намерениях великокняжеских воевод уничтожить Казанское ханство и о полном разорении ханства

ханом в Казани. Поскольку сведения КИ о двух воеводах казанского войска на Итяковом поле – князе Отуче и аталыке – не являются заведомо невероятными – им нет основания не доверять[9]. Остается пользоваться этими сведениями, как правдоподобными, держа при этом в уме, что они могут быть не совсем точными.

Источники определенно сообщают о победе русской стороны и не упоминают о длительном бое, лишь КИ второй половины XVI в. сообщает о трехдневной продолжительности сражения (ПСРЛ, 1903. Стб. 35). Но это стоит признать явным преувеличением. Ведь прочие источники не сообщают о том, что сражение было многочасовым и тем более затянулось больше чем на день, или сопровождалось длительным стоянием обоих войск. Впрочем, если учесть, что это литературное произведение превращает двухдневную казанско-ногайскую осаду Нижнего Новгорода 1505 г. в месячную (Илюшин, 2018. С. 38; Несин, 2019. С. 489) то ни удивляться, ни доверять его уникальным сведениям о длительных боевых действиях не приходится. Очевидно, сражение на Отяковом / Итяковом поле закончилось в тот же день, что и началось и его надо датировать одним днем.

К сведениям КИ о событиях 1524 г. в принципе стоит относиться с большой осторожностью. Русские походы на Казанское ханство 1523 и 1524 гг. она объединяет в один поход 1524. Так, поход на Казань 1524 г. объявлен первым за много лет (что верно только для похода 1523), а князь Борис Горбатый, по сведениям Хронографа редакции 1512 г. возглавлявший конницу в походе 1523 г. (Шмидт, 1951. С. 281), оказался главным воеводой в 1524 г. (ПСРЛ, 1903. Стб. 34). Опять же в 1524 г. русские войска якобы под городом не стояли ни одного дня, ограничившись разорением земель горной черемисы больше (ср.: ПСРЛ, 1903. Стб. 36) очень напоминает поход 1523 г до р. Цивили (Шмидт, 1951. С. 282) с большим черемисским полоном (ПСРЛ, 1853. С. 264; ПСРЛ, 1978. С. 14). В этой связи неудивительно, что в КИ смешаны не только 2 похода 1523 и 1524 г., но в одной судовой рати с князем Иваном Палецким оказываются Михаил Юрьевич с артиллерией (ПСРЛ, 1903. Стб. 35[10], 248–249; ПЛДР, 1985. С. 346, 348), в связи с чем историки не пришли к единому выводу, о нападении черемисов на какую из русских флотилий по факту сообщается в КИ – на основную, под командованием князя И. Ф. Бельского (Кузнецов, 1999. С. 79; Кузнецов,

---

ногаями, надо весьма осторожно относится к рассказу о потере Сафа-Гиреем всех своих людей по пути на казанский престол.

[9] Н. В. Белов со ссылкой на Воскресенскую летопись, писал, что выходцы из Крыма и Ногайской Орды пришли к власти в Казани уже в 1530 г. (Белов, 2019. С. 211). Но в указанном источнике лишь отмечается, что к царю «пристали» «крымцы, нагаи» а также «тутошніе люди лихіе» (ПСРЛ, 1859. С. 275), то есть, казанцы, враждебные к московскому государю, однако не уточняется, что они это сделали «ныне», а не 6 лет тому назад.

[10] Соловецкий список имен воевод лодейной рати опустил.

2002. С.234; Володихин, 2020. С. 216–218[11]; Илюшин, 2021. С. 246–247), в которой, по данным разрядов и шел Михаил Юрьевич, командующий всей походной артиллерией (РК 1966, С. 69-70), или на вспомогательный судовой отряд князя Палецкого (Карамзин, 1819. С. 132–133; Соловьев, 1851. Стб. 1636[12]; Худяков, 1923. С. 92; Смирнов, 1948. С. 56–57. Примеч. 184; Бахтин, 1998. С. 72–74; Похлебкин, 2000. С. 105; Бахтин, 2001. С. 260–261; Котляров, 2005. 193–194; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 305–306; Бахтин, 2017. С. 77; Котляров 2017, С. 204–205; Белов, 2019. С. 208)[13], доставлявший этой основной судовой рати под Казань провизию, на который по независимым сведениям С. Герберштейна, неоднократно нападали черемисы (Герберштейн, 1988. С. 177–178)[14]. Поэтому уже не приходится удивляться наличию в КИ явно фантастической версии о потонувшей в Волге не доходя до Казани всей осадной русской артиллерии, из-за чего воеводам якобы было не с

---

[11] Впрочем, по версии Д. М. Володихина, И. Ф. Бельский шел в другом отряде, после М. Ю. Захарьина. А в судовой рати князя Ивана Федоровича Палецкого не было – Палецкий в походе не участвовал, так как ему якобы по статусу не полагалось командовать полевыми соединениями, в КИ и в «Записках Герберштейна» так был по ошибке назван его двойной тезка князь Иван Федорович Бельский (Володихин, 2020. С. 216–218). Исследователь исходил из того, что Палецкий не упоминался в других источниках, прежде всего в разрядах. Однако в них названы воеводы основных сил, которые должны были брать Казань. А в «Записках» С. Герберштейна» Иоанн Палецкий командует не основной, а вспомогательной ратью, доставлявшей под Казань провиант основной судовой рати и еще до соединения под Казанью конной и судовой ратей, стал возвращаться назад и снова попал в засаду черемисов (Герберштейн, 1988. С. 177–178).Таким образом в его обязанность не входило участие в осаде города. Поэтому его никак невозможно отождествить с Бельским, остававшимся под Казанью до снятия осады и заключившим мир с казанцами (ПСРЛ, 2000. С. 222; Тихомиров 1979, С. 164). Разумеется, Палецкий при этом не должен был быть удостоен упоминания в разрядах (как и другой некий начальник, снабжавший сидевшее под Казанью войско припасами «сухим путем», умерший от ран (Герберштейн, 1988. С. 177), которого Володихин не смог идентифицировать (Володихин, 2020. С. 218). Логичнее считать, что князь Палецкий участвовал в кампании в качестве начальника вспомогательной судовой рати, чем домысливать что оба источника независимо друг от друга спутали князя И. Ф. Бельского с человеком, не участвовавшим в походе и неуполномоченным никем командовать. (Другое дело, что ниже С. Герберштейн, как известно, ошибочно назвал подкупленного по слухам татарами снявшего осаду начальника Палецким (Герберштейн, 1988. С. 179). Похоже на то, что информатор Герберштейна допустил оговорку имея ввиду не князя Ивана Федоровича Палецкого, а другого князя Ивана Федоровича, первого воеводу князя Бельского, которого Василий III действительно подозревал в измене: по возвращению из похода, 20 сентября 1524 г. тот вынужден был за некий проступок перед государем, митрополитом и священным собором целовать крест и дать расписку в том, что он никогда не перейдет на службу к иноземному правителю и не будет иметь никаких сношений с иноземной знатью (СГГ, 1813. № 153. С.423–425). При этом, надо отметить, что в рассказе С. Герберштейна этот мнимый «Палецкий» с начальником вспомогательной флотилии «Иоанном Палецким» никак не отождествляется (Ср.: Володихин, 2020. С. 216)).

[12] По мнению И. И. Смирнова С. М. Соловьев включал войско Палецкого в состав основным сил и полагал, что Палецкий отделился от Бельского уже в Нижнем Новгороде (Смирнов, 1948. С. 57. Примеч. 184). В действительности С. М. Соловьев не писал о движении Палецкого в составе основной судовой рати, лишь отметив, что Палецкий должен был идти от Нижнего Новгорода вслед за «главным войском» (Соловьев, 1851. Стб. 1636). В этом смысле построения обоих ученых отнюдь не противоречат друг другу.

[13] При этом, некоторые историки вовсе ограничиваются ссылками на С. Герберштейна, не упоминая сведения КИ о нападении черемисов на русскую флотилию (Волков, 2001. С. 75, 202. Примеч. 52; Свечников, 2014. С. 134–135).

[14] Существует так же компромиссная версия И. Б. Михайловой, что отряд «грузовых кораблей» Палецкого от Нижнего Новгорода следовал в составе флотилии Бельского (Михайлова, 2015. С. 41–42). Но С. Герберштейн наиболее обстоятельно рассказывающий о злоключениях Палецкого относит их уже к тому времени, когда основная судовая рать стояла под Казанью (Герберштейн, 1988. С. 177–178), а в КИ Иван Палецкий указан именно как первый воевода судовой рати, а не командир идущего в ее составе вспомогательного отряда (ПСРЛ, 1903. Стб. 248; ПЛДР, 1985. С. 346). Поэтому в КИ налицо смешение 2-х флотилий князей Палецкого и Бельского в одну.

чем приступить к городу (ПСРЛ, 1903. Стб. 35–36) что прямо противоречит независимым сведениями С. Герберштейна и Постниковского летописца (ПСРЛ, 1978. С. 15[15]; Герберштейн, 1988. С. 178), согласно которым русские войска обстреливали Казань из пушек / били по городу[16].

Также крайне осторожно следует отнестись к сведениям КИ о том, что в ходе сражения на Итяковом поле конные победители преследовали казанцев до Волги и те утопли в Волге (ПСРЛ, 1903. Стб. 36). Ни один источник не привязывает сражение к Волге и при этом о многокилометровой погоне русской конницы за казанцами не сообщает. Тем более что Постниковский летописец отмечает, что татары потонули в той же Свияге (ПСРЛ, 1978. С. 14). Пафнутьевский летописец, сравнивающий это сражение с Куликовской битвой, в то же время не упоминает о многокилометровом преследовании татар, более того, русские воеводы для того, чтобы многих из них побить и некоторых из них взять в плен, не гонялись за ними, а только «начат женутся по них» – начали гоняться за ними (Тихомиров, 1979. С. 163). Это скорее следует понимать, как отсутствие продолжительной погони, и, возможно фактически как избиение на месте казанской пехоты русскими конниками. Впрочем, в повествовании КИ вероятно можно усмотреть аллюзии на Пространную летописную повесть о Куликовской битве: великое поле (которое в окрестностях Свияги отсутствует) и преследование татар до другой реки (в данном случае, конечно, не до Мечи, а до Волги) (Ср.: ПСРЛ, 1903. Стб. 35–36; Воинские повести Древней Руси 1985, С. 185–186). Вероятно, автор КИ в соответствии с Пространной летописной повестью о Куликовской битве тоже представлял казанское войско примерно стопятидесятитысячным, так как указал аж 42 000 павших в бою казанцев (ср.: ПСРЛ, 1903. Стб. 36; Воинские повести Древней Руси, 1985. С. 181)[17]. Конечно, это число надо признать явно завышенным. Как, впрочем, и сведения Волоколамского летописца об участии в сражениях 20 тысячах избранных (отборных) татар (РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 141) (не ясно, считая или не считая марийский и чувашский

---

[15] Аналогичный текст есть о данной кампании в Вологодско-Пермской летописи (ПСРЛ, 1959. С. 312), но там он приведен в сокращенном виде, к примеру, опущены упоминания конной рати и р. Свияге, что приводит к искажению смысла рассказа: получается что многих татар с Божьей помощью побили уже якобы не на Свияге, а под Казнью.

[16] Поэтому-то в историографии остается открытым вопрос, про злоключение какой из флотилий по факту идет речь КИ: несомненно, что если рассказ о потере осадной артиллерии, как-то отражает реальные события, относится к основной рати князя И. Ф. Бельского (Илюшин, 2021. С. 246–247), а поскольку артобстрел Казани все-таки состоялся, версия КИ об утрате русским войском всех осадных орудий является если не полным художественным вымыслом, то сильно преувеличенной. Поэтому для того, чтобы твердо признать историческим фактом нападение черемисов на флотилию князя Бельского и потерю ей какой-то части осадной артиллерии, пожалуй, недостаточно ограничиться путанным и недостоверными известиями КИ, а требуется найти дополнительный источник с независимыми сведениями об этих событиях.

[17] Близкую к КИ оценку приводит и, судя по всему, опирающаяся на ее текст «Скифская история» А. И. Лызлова, упоминая убитых более 40 тысяч татар и еще 37 князей и мурз (Лызлов, С. 58, 418–419). Последняя цифра, впрочем, не выглядит фантастической.

контингенты), несмотря на то, что эти летописные оценки некритически используют некоторые современные исследователи (Бахтин, 1998. С. 74; Бахтин, 2001. С. 261; Волков, 2001. С. 74, 202. Примеч. 50; Бахтин 2012, С. 222; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 307; Бахтин, 2017. С. 77). Ясно, что казанцы собирали небольшие силы быстрого реагирования из сравнительно немногочисленных отборных бойцов, способных действовать слажено и стремительно. У казанцев, узнавших о приближении русской конницы Хабара Симского уже не раньше июля, стояла задача прибыть на Итяково поле раньше противника и там его внезапно атаковать. К тому же значительная часть казанцев должна была оставаться оборонять город от стоявшей рядом в остроге судовой рати князя И. Ф. Бельского, и на Итяково поле выступила от силы половина конницы плюс ополчения черемисов и чувашей, а как было показано, общая численность боеспособных людей ханства вряд ли доходила до 20 тысяч (Илюшин, 2021. С. 60–70). Напомним, что по произведённым выше расчётам и русская конница могла насчитывать только до 7,5 тыс. воинов. Думается, с обеих сторон в сражении приняли участие около 10–12 тыс. человек. Масштаб, в общем-то, как у реальной Куликовской битвы, но не мифологизированной. Для своего времени и это была крупная битва. Кстати, сам характер передвижения по казанской территории вероятно косвенно говорит о значительном (и ожидаемом) численном перевесе русской конницы: как хорошо известно по литовским войнам, в XVI в. для русской стратегии характерно избегание крупных полевых сражений, а в походе воеводы непременно рассылали разъезды для проведывания значительных сил противника, дабы избежать «прямого дела», на которое шли только в крайнем случае и при уверенности в своей силе. Тут же конница шла без разведки (почему и наткнулась на неприятеля у Свияги), не опасаясь татар. Может быть И. В. Хабар Симский не надеялся встретить большое войско, ожидая, что противник будет сосредоточен на обороне Казани от судовой рати князя И. Ф. Бельского. Можно согласиться с оценками Б. А. Илюшина, согласно которым казанское войско составляло разве что отдельные тысячи, а не десятки тысяч воинов (Илюшин, 2021. С. 250). И убитые в сражении казанцы исчислялись не десятками тысяч, а максимум сотнями.

В первой половине XX в. на старинном татарском кладбище у д. Малая Атня, что находится в 50 км к северо-востоку от исторического центра Казани (в совр. Атнинском районе), была обнаружена могила человека, погибшего, видимо, в бою с русскими ратниками в 1524 г. (неясно, правда, на Отяковом поле или уже под Казанью). Эпитафия на надгробье гласит: «Тарих токуз йуз отузда Рамазан айында Ябынчы Табын Ак-Булат урус килге(нде) шахид булды. Нур Аллах кабир» («В 930 [году] в месяц Рамазан, Ябынчы Табын Ак-Булат, когда пришли русские, стал шахидом [мученически погиб за веру]. Да осветит Аллах [его] могилу»). Дата по Хиджре соответствует июлю-августу 1524 г. (Мухамедьяров,

2012. С. 122; Илюшин, 2021. С. 259). К сожалению другие сведения о потерях казанцев отсутствуют, хотя они должны были быть немалыми.

Неясно, где находилось Итяково поле. Надо отметить, что источники привязывают сражение к Свияге, а не к свияжскому устью и не к Волге. По сведениям официального великокняжеского летописания, сражение на Свияге всего лишь в 20 верстах от Казани (ПСРЛ, 1859. С. 270; ПСРЛ, 1910. С. 44). Оно повторено так же в частной поздней разрядной книге 1475–1605 г. (Разрядняа книга, 1977. С. 190) (уже, впрочем, замеченной мной недавно на заимствованиях из Воскресенской летописи (Несин, 2022. С. 44; Несин, 2022а. С. 117) и в Продолжении Хронографа редакции 1512 г., почти дословно повторяющих рассказ великокняжеского хрониста об этой баталии (Шмидт, 1951. С. 282). Но в великокняжеском летописании нет никакой привязки даже к Итякову полю. Похоже на то, что великокняжеский хронист, толком не зная место сражения, для ясности указал расстояние по прямой от устья Свияги до Казани, равнявшееся около 30 км или 20 путевым верстам. В XVI в. верста равнялась полутора км. Вот как описывается в разрядах, к примеру, отданное в 1557 г. Иваном IV распоряжение о постройке укреплений в устье Нарвы и Рассони в 15 км от Ивангорода: «Тово же году царь и великий князь велел поставить город на усть Руганы и Неровы реки на море для бусного приходу заморских людей в Ноугородцкой земле от Иваня города десять верст. А воеводы были для береженья князь Дмитрей Семеновичь Шестунов да Петр Петров сын Головин, а ставил город Иван Григорьев сын Выродков». Делим 15 км на 10 верст и получаем 1,5. Такие же версты можно найти в Новгородской II (Архивской) летописи. Под (7076) 1567 г. Веряжский Ям (Сергово) расположенный почти в 30 км. от В. Новгорода указан как находившийся в 20 верстах (ПСРЛ, 1841. С. 162). А в понедельник 29 октября 7080 (1571 г.) умерших от эпидемии новгородцев было велено возить «на деревню на Водопьяново за шесть верст по Волхову вниз». (Там же.С. 169). Деревня Водопьяново располагалась на правом берегу Волхова примерно в 9 км. от В. Новгорода. О ней напоминает одноименное озеро. Сама же деревня располагалась чуть выше по течению Волхова, на речной излучине. Опять же получаем примерно полуторакилометровую версту. Таким образом, верста московских разрядов и новгородского летописания второй половины XVI в. равнялась приблизительно 1,5 км. Поскольку источники не привязывают само место сражения ни к устью Свияги, ни к Волге, думается, что расстояние 20 верст до Казани могло быть достаточно условно и фактически относится не к самому месту битвы. Интересно, что осенью 1467 г. столкновение великокняжеских войск с татарами произошло на берегу Волги рядом с устьем Свияги (ПСРЛ, 2000. С. 186–187). То есть, там проходила дорога на Казань и устье Свияги могло использоваться в качестве ориентира для оценки расстояния от Свияги до Казани. А само сражение на Итяковом поле 28 июля 1524 г., вероятно, было не у Волги и

свияжского устья, а выше по течению Свияги. Ни один источник, упоминающий Итяково поле и интересующее нас сражением на нем, не дают привязки к устью Свияги или к Волге.

Надо отметить, что источники расходятся в сведениях о том, на какой стороне Свияги был бой. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. (в целом дословно повторяющее повествование великокняжеского летописания о сражении) добавляет, что русские с казанцами встретились на этой стороне Свияги (Шмидт, 1951. С. 288), то есть, левой, западной, ближней к Руси, а не к Казани, стороне реки. Правда, неясно, опирался ли летописец на какие-то уникальные сведения (из которых узнал дату битвы 28 июля). Или просто не имея сведений о форсировании русской конницей Свияги, рассудил, что бой в таком случае, был на этой стороне. Согласно КИ, русская конница вышла к Свияге на поле (ПСРЛ, 1903. Стб. 35). Что тоже явно подразумевает ближнюю к Руси левую западную сторону реки. В то же время по Герберштейну великокняжеская конница перед сражением переправилась через Свиягу (Герберштейн, 1988. С. 178). То есть, по его версии, бой был на правой, ближайшей к Казани восточной стороне реки. Там Герберштейн отмечал две «встречи» великокняжеской конницы с татарами, но при этом сообщал об одном «столкновении», окончившемся отступлением татар (там же), то есть, писал не о двух баталиях, а об одном сражении с двумя схватками. Неудивительно, что историки не пришли к единому выводу о том, где произошло интересующее нас сражение. В историографии высказывались разные версии о месте Итякова поля. Например, М. Г. Худяков его локализовал близ с. Утяково Свияжского уезда (Худяков, 1923. С. 93) В. В. Похлебкин тоже полагал, что Итяково поле находилось «у села Утякова», правда, перепутав левый «берег Свияги», на котором расположена эта деревня, с «правым» (Похлебкин, 2000. С. 105). К аналогичным выводам пришел А. Г. Бахтин, помещая Итяково поле на современном открытом пространстве между р. Свиягой и оз. Травным близ указанной деревни Утяково, которая ныне относится к Зеленодольскому району республики Татарстан (Бахтин, 2017. С. 79. Примеч. 65). Также были высказаны версии о расположении Итякова поля либо где-то близ устья реки Свияги (Белов, 2019. С. 204, 207), либо в самом устье – не то в районе Свияжска и некоего волжского острова (Акты Российского государства, 1998. С. 432) (публикаторы не ссылаются на упоминания такого острова в источниках и нам его тоже найти не удалось), не то непосредственно на месте самого будущего г. Свияжска (Алишев, 1995. С. 48). В то же время Б.А. Илюшин высказал версию о локализации Итякова поля на левой стороне Свияги близ деревни Кулганы Апастовского района республики Татарстан, где, по преданию, были похоронены татарские военачальники, погибшие в сражении с русскими. Поскольку надёжных сведений о других значительных русско-казанских баталиях на Свияге нет, а эта местность находилась на пути к перевозу через Волгу и рядом есть

небольшой лес, а татарское слово «итэк» как раз может означать «край леса», т. е. Итяково поле, «поле на краю леса», ученый предположил, что именно тут было сражение 1524 г. (Илюшин, 2021. С. 251). Другое дело, что кроме сражения на Итяковом поле на Свияге в ходе русско-казанских войн в XVI в. имели место и другие кровопролитные события. Например, в 1545 г. русские судовые рати побили на «Свияге» многих казанских людей, взяли в плен казанского мурзу Муртозу с сыном, а жену и прочих детей убили (ПСРЛ, 1965. С. 46). Это тоже могло лечь в основу сюжета указанного татарского придания.

Вместе с тем, следует отметить, что никто из исследователей сражения на Итяковом поле не обратил внимание на приведенный в Никоновской летописи перечень станов Ивана IV в походе на Казань 1552 г. Согласно нему, 18, 19 и 20 станы государя были на Карле, Буле, Бее (Бии) – левых притоках Свияги, 21 стан располагался на Итяковом поле, откуда Иван IV пошел к Свияжску и пришел в него 13 августа в субботу[18], а оттуда стал «перевозиться» (переправляться) через реку (ПСРЛ, 1904. С. 200–201). Вероятно, царь во многом придерживался обычного маршрута в русских конных войск на Казань в XV–XVI в., делая крюк к югу и поворачивая на север вдоль Свияги, двигаясь вдоль левого берега реки до ее устья. Осенью 1467 г. великокняжеские войска вышли к Волге на устье Свияги (ПСРЛ, 2000. С. 186–187), летом 1524 г. казанцы знали, где встретить великокняжескую конную рать воеводы Хабара Симского – на берегу р. Свияги на Итяковом поле, между устьем р. Бии и Свияжском. Летом 1530 г. «Казанские люди», совершавшие неоднократные нападения на идущую к Казани великокняжескую конницу (ПСРЛ, 1859. С. 273; ПСРЛ, 1904. С. 47), на Свияге захватили в плен Ивана Михайловича Кляпикова (ПСРЛ, 1959. С. 314); неизвестно, произошло ли это на Итяковом поле, или в другом месте, но понятно, что путь русской конной рати к Казани в то лето тоже пролегал вдоль Свияги. Надо полагать, что указанные сведения о станах Ивана IV, не характерные для летописания, опирались на разрядную документацию типа походного дневника и, таким образом, носят документальный характер. Из них очевидно, что Иван IV следовал по левой стороне Свияги, пересекая левые притоки, Карлу, Булу и Бию и переправился на правую сторону уже в самом устье, через крепость Свияжск. Таким образом, Итяково поле (на котором с 12 на 13 августа 1552 г. находился 21 стан Ивана IV) определено располагалось на левой стороне Свиги, в низовьях реки ниже устья Бии, но в то же время выше Свияжска: расстояние между Бией и Свияжском составляет порядка 60 км., что нетипично для интервалов между стоянками Ивана IV в этом походе, к тому же большая часть пути от Итякова поля до Свияжской крепости проходила вдоль Свияги по суше: с Итякова поля Иван IV «пошел» и «пришел» в Свияжск, а не

[18] Как видно по перечню станов Ивана Грозного, Итяково поле находилось к Свияжску гораздо ближе, чем д. Кулганы (прим. Б. А. Илюшина).

«перевозился» в него. Поэтому Итяково поле стоит поискать на левом берегу р. Свияги ниже устья р. Бии, но выше Свияжска. В этой связи стоит обратить внимание на то, что в низовьях р. Свияги примерно на полпути между устьем р. Бии и Свияжском в XVI в. писцовая межевая книга города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина 1565–1567 гг. отмечает три села Итякова (список писцовой межевой книги 1565–1567 гг., 1909): Большое Утяково / Итяково (совр. Городище), а также Малое и Новое Итяково на Свияге (ныне Утяково и Чулпаниха на левом берегу и у правого берега Свияги). Этимология этих топонимов не вполне ясна. Не исключено, что названия этих населенных пунктов и Итякова поля восходили к личному мужскому татарскому имени Итяк. Не в этих ли краях, на левой стороне реки в окрестностях деревень Городище и Утяково (бывших Большое и Малое Итяково) стоит поискать Итяково поле? В таком случае ближе к истине оказываются М. Г. Худяков и А. Г. Бахтин с той оговоркой, что за 500 лет ландшафт мог измениться и уверенно привязывать историческое Итяково поле к обозначенному Бахтиным современному открытому пространству можно будет только после будущих палеопочвоведческих изысканий (рис. 2).

Каково значение этой битвы? Безусловно, конница И. В. Хабара Симского одержала победу в полевом сражении над казанцами. Русские летописи сообщают только о побитых казанцах, не упоминая о потерях с русской стороны. Правда, синодик XVII в. упоминает 24 павших на Свияге служилых человек – это не просто более чем в два раза (ср.: Белов, 2019. С. 206), а почти в 5 раз превышает число погибших при осаде самой Казани (5 человек), перечисленных в этом источнике (Древняя российская вивлиофика, 1788. С. 465–466).

	Погибшие на Свияге под Казанью	**Павшие под Казанью.**
1	Федор Иванович Козлов Морозов	Иван Иванов сын Клушин Белеутов
2	Иван Иванович Сназин Арап	Истома Гаврилов сын Неплюев
3	Григорий Васильев сын Кокошкин Глебов	Андрей Михайлов сын Лазарев
4	Злоба Иванов сын Наумов	Косма (Кузьма) Констатинов сын Бурмасов
5	Григорий Тютков сын Лихарев	Василий Шушпан, рязанец
6	Яков Максимов сын Елагин	
7	Стефан Романов сын Креев	
8	Иван Иванов сын Борисов Трофимов	

9	Петр Иванов сын Шетнев	
10	Борис Федоров сын Новокрещенов	
11	Андрюша Судолов сын Линев	
12	Алеша Сомов сын Линев	
13	Василий Васильев сын Малечкин	
14	Митя Семенов сын Татищев	
15	Михаил Опадев	
16	Судак Андреев сын Огарев	
17	Федор Васильев сын Селиванов, рязанец	
18	Илья Михайлов сын Бешеный, рязанец	
19	Матфей Юров (Юрьев) сын Андауров, рязанец	
20	Андрей Котух Иванов сын Семенов, рязанец	
21	Андрей Семенов сын Кутяков	
22	Косма (Кузьма) Григорьев сын Лоткев	
23	Полуэкт Прокопьев сын Коротнев	
24	Его сын Александр	

По специальному упоминанию рязанцев можно предположить рязанское происхождение данного синодика (как в случае с более ранним синодиком по погибшим под Казанью в 1506 г., где перечисляются в основном вологодцы). Другое дело, что не все погибшие относятся к рязанцам. Так, Г. Тютков сын Лихарев был из коломенских помещиков (Бенцианов, 2019. С. 183, 334, прим. 548). Кроме того, известно о гибели «на Итякове» Быка Григорьева сына – одного из новгородских помещиков Аничковых (помечено, что он бездетен) (Акты Российского государства, 1998. С. 432; ПСРЛ, 1904. С. 301). По сведениям С. Герберштейна, в этом сражении понесли большие потери обе стороны, а не только татары. При этом Герберштейн также безоговорочно сообщает о победе русской стороны: «татары отступили, и (русская) конница соединилась с остальным войском» (Герберштейн, 1988. С. 178). В Волоколамском летописце рассказ о сражении на Свияге торжественно начинается с красной буквы (как начала погодных записей). Определённо,

книжник считал этот бой важным для кампании: победив казанское войско на Свияге, великокняжеская конная рать смогла соединиться с судовой ратью под Казанью и подступить к городу / начать штурмовать город, вынудив казанцев просить мира (РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 141). При этом описанием боевых действий под Казанью хронист уже не стал заниматься, резюмировав, что воинству великого князя всегда помогал Бог. Таким образом, победа русской конницы Хабара Симского дала возможность ей прийти под Казань и там соединиться с судовой ратью князя Бельского.

Действующий казанский хан, юный Сафа-Гирей этим летом был вынужден заключить с русской стороной мир[19]. Поскольку источники не упоминают о многодневной осаде Казани после соединения у города конной и судовой ратей, начавшаяся 15 августа осада города была снята до конца месяца; тем более, что уже не позднее 20 сентября главный воевода И. Ф. Бельский вернулся в Москву (СГГ, 1813. № 153. С. 423, 425), а источники не упоминают примеров прохождения войсками пути от Казани до Москвы быстрее, чем за месяц. Официальный великокняжеский хронист представляет это таким образом, что русские конная и судовая рати, сойдясь, стали приступать к городу, побили многих татар, и те, видя свое изнеможение, попросили мира и дали шертную грамоту на всех условиях Василия III (ПСРЛ, 1859. С. 271; ПСРЛ, 1910. С. 44)[20]. Правда, неясно, было это в действительности обусловлено прибытием под Казань русской конницы или нет – Герберштейн упоминает о том, что у казанцев до этого сгорел кремль (Герберштейн, 1988. С. 177), что перекликается со сведениями Волоколамского летописца о сгоревшем с понедельника на вторник (с 4 на 5 июля) городе (РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 140 об). Надо полагать, что сгорел не русский острог, а казанский кремль, так как русский острог последовательно упоминается в этом источнике именно как острог (Там же. Л. 140 об. – 141). Конечно, о полном сожжении кремля говорить не приходится, так как город не пал. Но, тем не менее, вполне возможно, что казанская крепость понесла серьезные повреждения, и у казанцев вне зависимости от прихода к городу русской конницы был резон в августе пойти на переговоры. Однако, казанский хан Сафа-Гирей так и остался на престоле, а московский ставленник Шах-Али не получил казанский трон. Поэтому в целом этот поход на Казань не не был удачным для русской стороны:

---

[19] Д. М. Володихин полагает, что победа в этом сражении имела тактическое значение – спасла находившуюся в остроге под Казанью судовую рать от верной гибели (Володихин, 2020. С. 216, 218). А. Г. Бахтин также считает, что победа конной рати на Итяковом поле спасла находившиеся под Казанью войска от уничтожения (Бахтин, 2017. С. 77). На сей счет можно только гадать: судовая рать успешно отбивалась в остроге от казанцев (РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 140 об. – 141), а вот если бы она не дождалась конницы, то смогла бы она благополучно выйти из острога к кораблям и уйти восвояси или нет, неясно.

[20] В составленной в XVII в. частной разрядной книге 1475–1605 гг. ошибочно утверждается о воцарении в Казани Шах-Али: «тогды бояре и воеводы царя Шиголея посадили на царство в Козани» (Разрядная книга, 1977. С. 191). Вероятно, поздний писец, заимствовавший из великокняжеского летописания сведения о принесенной татарами шерти, рассудил, что тем не иначе как пришлось принять на царство московского ставленника Шах-Али.

главная цель кампании (возведение на казанский трон московского протеже) не была достигнута. Прочного мира с Казанью также добиться не удалось – уже в конце 1520-х гг. снова началась война.

В этой связи историки со времен С. М. Соловьева (Соловьев, 1851. Стб. 1637), за отдельными исключениями, справедливо считают, что поход на Казань был неудачным для русской стороны. Разве что А. И. Филюшкин считает, что война закончилась в пользу России, поскольку Василий III в обмен на признание казанским ханом Сафа-Гирея перенес ярмарку из Казани в русский город Нижний Новгород (Филюшкин, 2010. С. 268). Впрочем, по факту речь шла не о реальном закрытии рынка в Казани, а всего лишь о запрете Василия III русским купцам приезжать в Казань (Тихомиров, 1979. С. 164; Герберштейн, 1988. С. 179), на торговцев из других стран это не распространялось. Поэтому рассуждения о том, что от переноса ярмарки Казанское ханство потерпело больше убытков, чем Русь представляются неверными (ср.: Волков, 2001. С. 75; Волков, 2004. С. 93). Известно, что от «такого перенесения ярмарки Московия претерпела ущерб не меньший, чем казанцы, так как следствием этого явились дороговизна и недостаток очень многих товаров, которые привозились по Волге от Каспийского моря с астраханского рынка, а также из Персии и Армении, в особенности же превосходной рыбы, в том числе белуги, которую ловят в Волге выше и ниже Казани» (Герберштейн, 1988. С. 179). Не исключено, что Василий III вынужден был пойти на этот экономически убыточный для Руси шаг во избежание повторения событий лета 1505 г. когда казанцы по приказу своего хана Мухаммед-Эмина избили русских купцов в Казани. В таком случае можно ли однозначно говорить об удачном для Руси окончании войны, если великий князь не мог гарантировать безопасность своих подданных в ханской столице и не был уверен, что может их защитить от произвола со стороны казанских властей? Кроме того, опровергнуть представления о неудачном для Руси итогах похода попытался Н. В. Белов (Белов, 2019. С. 210–211). Исследователь прежне всего сослался на неаргументированное мнение И. Б. Михайловой, что «военные кампании 1523 и 1524 гг. имели существенное значение для укрепления восточных границ России, усиления ее влияния во взаимоотношениях с Турцией, Крымом, Казанским ханством, возвращения последнего «под руку» московского государя». Однако, Михайлова в той же статье отмечала, что русское войско не восстановило московский протекторат над Казанью (Михайлова, 2015. С. 43). Это надо признать справедливым: оставление на казанском троне ставленника крымского хана Саадет-Гирея Сафа-Гирея явно шло в разрез установленной со времен Ивана III традицией назначения казанских ханов государями всея Руси. Нет никаких надежных данных о том, что с 1524 г. казанцы оставались обязанными соблюдать другие важные условия прежнего московского протектората: платить дань (Бахтин, 2001. С. 190, Илюшин,

2022. С. 80; Несин, 2024. С. 94), пошлины (См: Котляров, 2005. С. 148–149; Котляров, 2010. С. 25; Илюшин, 2022. С. 79, Несин, 2024. С. 94–95. Прим. 30) и участвовать в московских военных походах (Сб. РИО, 1884. № 30. С. 115; Сб. РИО, 1892. № 71. С. 335; Зимин, 1950. С. 13; ПСРЛ, 1982. С. 50, 97; ПСРЛ, 2004. С. 332). О каком укреплении восточных границ России и укреплении ее влияния на Казанское ханство, и тем более возвращении его под власть московского государя в этой связи есть основания безоговорочно утверждать? Даже устройство в 1523 г. маленькой крепости Васильгорода на казанской стороне р. Суры трудно однозначно охарактеризовать как значительное укрепление рубежей, хотя Митрополит Даниил заявлял, что великий князь «тѣмъ городомъ всю землю Казанскую возьметь», а русский посол в Литве Григорий Загрязский должен был говорить, что этот город был поставлен для того, чтобы государю из него было «ближе съ Казанью свое дѣло дѣлати, людемъ бы егоближе ходити къ Казани» (Акты, 1836. № 172, С. 144; Сб. РИО, 1892. № 96. С. 682). Н. В. Белов в указанной работе воспринял данные заявления некритически и заключил, что, «теперь в распоряжении Василия III был надежный плацдарм для дальнейшего наступления на Казань» (Белов, 2019. С. 205, 229. Примеч. 169). Однако, по оценке Н. Ф. Демидова, «послѣдующія событія нас убѣдятъ, что увѣренія этихъ вельможъ были не вполнѣ основательны» (Демидов, 1884. С. 14–15). Действительно, маленькая крепость у слияния р. Суры и Волги не стала базой русских походов на Казань и даже не выставляла отряды для участия в них. О каком плацдарме в этой связи может идти речь? Как ныне отметил С. К. Свечников, «состоявшийся уже в следующем 1524 г. крупномасштабный поход показал, что форпост в устье Суры построен слишком далеко от Казани (238 км по Волге), и рассчитывать на него бесполезно. В частности, нагруженная в Нижнем Новгороде припасами флотилия И. Ф. Палецкого, стала лёгкой добычей черемис, устроивших две засады где-то между Васильгородом и Казанью…. Примечательно, что в источниках нет ни единого упоминания о Васильгороде в связи с походами на Казань в 1524 и 1530 гг. По словам П. В. Чеченкова, в Васильгород назначались воеводы невысокого статуса; лишь с 1546/47 г. в условиях нового наступления на Казань статус назначаемых в Васильгород военачальников стал повышаться. Однако и в этот период опорой наступательной политики Ивана IV оставался Нижний Новгород. Впервые о Васильгороде как базе снабжения сообщается под 1549 г. в разрядных книгах. При этом (возможно, из-за слишком больших объемов припасов) «казанского запасу берегли» на в самой крепости, а «за городом». Не исключено, что эти запасы хранились в складских помещениях Сурского торга. Зимой 1549/50 г. состоялся очередной поход русских войск на Казань, который вновь оказался безуспешным во многом из-за оторванности от баз. После этого похода, как известно, было принято решение основать крепость в непосредственной близости к Казани – Свияжск. Так Васильгород

утратил даже номинальный статус передового русского укрепления в казанском направлении. Васильгород не проявил себя и в качестве оборонительного форпоста. Казанские войска обходили его стороной; в источниках нет ни единого упоминания нападения на него. Васильгорода нет и в приведенных в Никоновской летописи списке городов, опустошённых казанцами в 1535–1545 гг.» (Свечников, 2024. С. 29). Как пограничный разведывательный пункт Васильгород был тоже малоэффективен и даже в единственном известном случае разведывательной деятельности местных воевод, в 1552 г. расследование выявленного ими происшествия было поручено не им, а воеводам Свияжска (там же, С. 32–33). Таким образом, при внимательном анализе источников видно, что ни надежным плацдармом для дальнейшего наступления на Казань, ни «надежным оплотом русской военной силы на восточном «казанском» рубеже» (Белов, 2019. С. 205; Белов, 2021. С. 128) этот город не стал. Зато, по-видимому, оценки И. Н. Берсеня Беклемишева и С. Герберштейна, что его основание обострило отношения с казанцами (Акты, 1836. № 172, С. 144; Герберштейн, 1988. С. 134), в известной мере оказались верны (Свечников, 2024. С. 27)).

Также Н. В. Белов ссылается на утверждение итальянца Паоло Джовио, писавшего в 1525 г. со слов русского посла Дмитрия Герасимова, что казанцы повинуются московитскому государю и иногда по его усмотрению избирают себе правителя. Но Василий III в принципе распространял в западных странах недостоверные сведения о результатах похода 1524 г. Как отметил Б. А. Илюшин, весной 1525 г. посол в Литву [Федор Афанасьев] должен был «откровенно врать» насчёт итогов прошлогодней кампании (Илюшин, 2021. С. 265). По наказу государя ему следовало говорить так: «которые лихіе люди въ Казани государю нашему измѣнили, и государь нашъ къ Казани посылал воевод своих и лихих достав, государь наш велел казнити. А царя [Сафа Гирея] государь нашъ на Казани посадилъ из своихъ рукъ потомъ ужъ, какъ государь нашъ князь великій Иванъ и государь нашъ великій Василей сажали на Казани напередъ того царей изъ своих рукъ» (Сб. РИО, 1892. № 98. С. 695). Разумеется, все это не соответствовало действительности: великокняжеские воеводы не смогли посадить на казанском престоле ставленника Василия III Шаха-Али и великому князю пришлось с этим смириться. О казнях основных противников Василия III тоже говорить не приходится: город не был взят. Столь явная дезинформация определенно свидетельствовала о неудовлетворенности Василия III итогом войны (к слову, это, пожалуй, первый случай в отечественной истории, когда власть изображала результат кампании столь превратно). Это возвращает нас к традиционной оценке похода 1524 г. как неудачного для русской стороны. Ясно, что Василию III не удалось восстановить над Казанью прежний московский протекторат. Стоит также обратить внимание на любопытную концовку рассказа Волоколамского летописца об этом походе: казанцы бьют челом великокняжеским воеводам

на условиях Василия III, вместе с тем, воеводы великого князя Василия Ивановича возвращаются не здравы все, как обычно говорится в летописях, а «поздорову (!) всѣ» (РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 141–141 об). Быть может, летописец, отдав дань официальной московскую версии о победе русской стороны, все же дал понять, что великокняжеские воеводы были вынуждены уйти из-под Казани подобру-поздорову, не налагая на казанских татар никаких серьезных обязательств по отношению к Василию III? О том, что выражение «поздорову» употреблялось в XVI в. в значении «подобру-поздорову» наглядно свидетельствует приведенная в КИ речь казанцев, обращенная к воеводам преемника Василия III, Ивана IV: «Отступите прочь отъ града нашего поздорову, безумныя воеводы московскія, другіи же градъ Свияжскіи даите намъ…» (ПСРЛ, 1903. Стб. 96; ПЛДР, 1985. С. 439. Перевод Т. Ф. Волковой).

Не послужили ли одной из причин такого итога войны понесенные русской конницей потери в сражении на Итяковом поле? Поэтому значение этого сражения для данной кампании в настоящий момент трудно оценить однозначно. 8 августа 1524 г. русская конница И. В. Хабара Симского определенно одержала победу над казанским войском в сражении на Итяковом поле. Но не исключено, что эта победа в каком-то смысле являлась Пирровой.

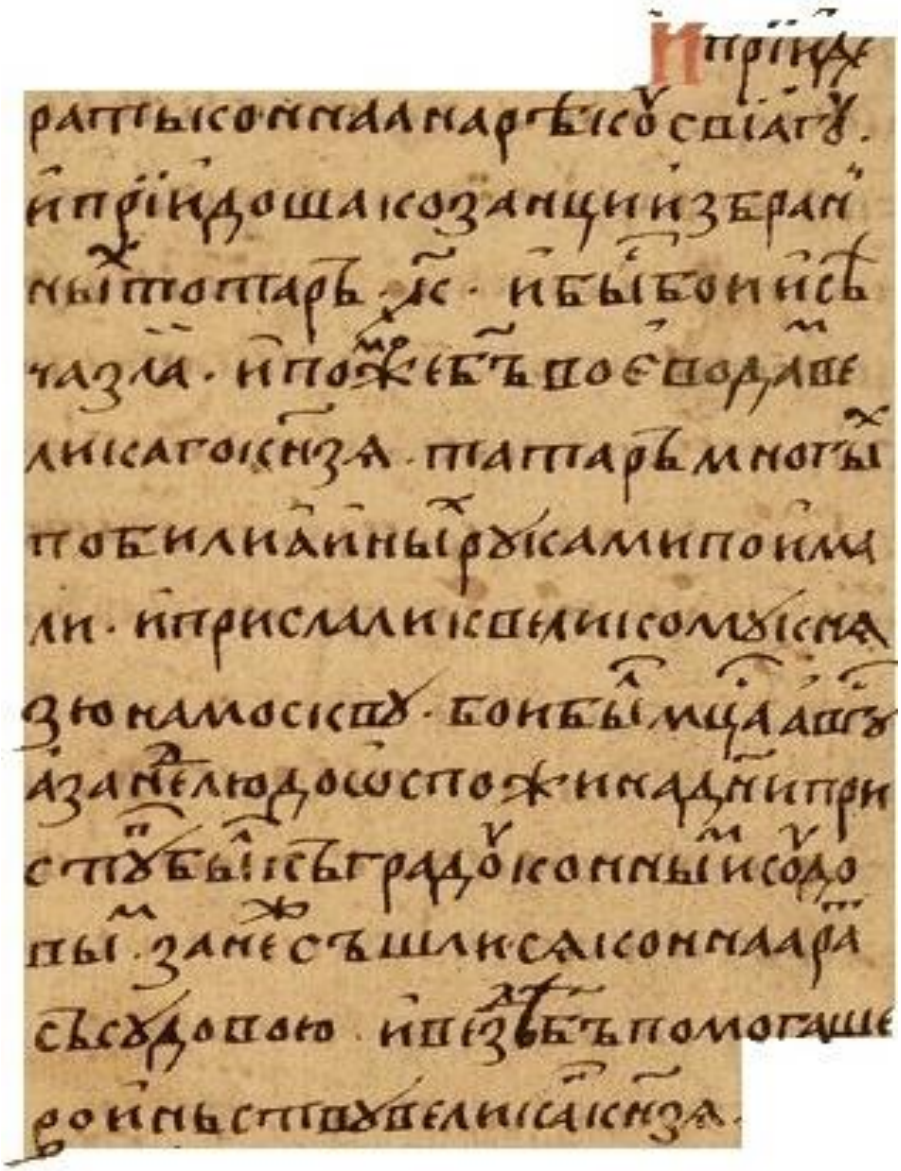
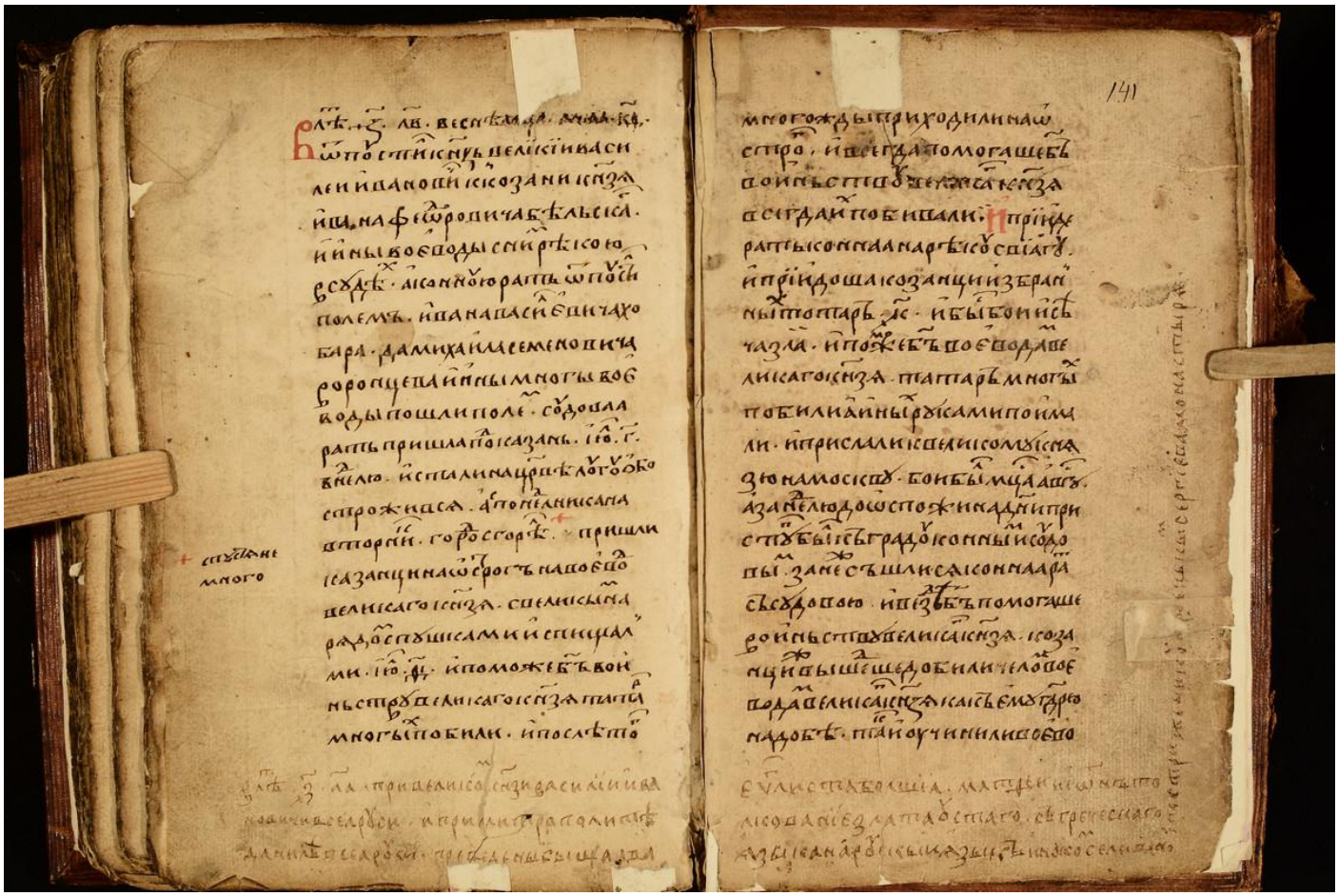


Рис. 1. Фрагмент рукописи Волоколамского летописца о бою на Итяковом поле (РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 141).

Рис. 2. Схема расположения 3-х Итяковых сел в XVI в.
1 - Большое Утяково / Итяково (Городище); 2 - Малое Итяково (Утяково);
3 - Новое Итяково (Чулпаниха)

Приложение 1.

Публикация рассказа погодной записи Волоколамского летописца за 7032 (1524) г., содержащей рассказ о русском походе на Казань 1524 г. и о сражении великокняжеской конницы с казанскими татарами на р. Свияге



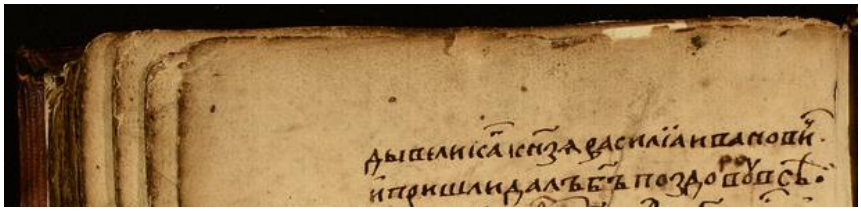


Рис. 3. Фрагменты рукописи Волоколамского летописца, содержащие погодную запись за 7032 (1524) г. о походе великокняжеских воевод на Казань 1524 г.

В лѣт ҂ѕз҃ лв [7032] веснѣ мца [месяца] маа҃ кф [29] ѿпоустил [отпустил] кнзь [князь] велїкїи Василеи Иванович к Козани кнзѧ Ивана Феѡдоровича Бельскга [Бельского] и ины воеводы с ним рѣкою в судѣх а конноую рать ѿпоустил полемъ Ивана Василевича Хобара [Хабара] да Михаила Семеновича Воронцева и ины многы воеводы пошли полем. Соудавая рать пришла под Казань їюл҃ г҃ [3] в недлю [в неделю, в воскресенье] и стала на Ц҃рвѣ [Цареве] лоугу обостроживсѧ. А с понедлника на вторник [с 4 на 5 июля] город [очевидно, казанская крепость, Кремль] сгорѣл + [на полях тем же почерком: + спустѧ немного] пришли казанци на ѡстрогъ на воевод великаго князѧ с великым нарѧдом с пушками и с пищалми їюл ҃ѳї [19] и поможе Бъ [Бог] воиньству великаго кнзѧ татар многых побили. И послѣ тог многажды приходили на ѡстрог и всегда помогаше Бъ воиньствоу великаго кнзѧ всегда их побивали. И прїиде рать коннаа на рѣкоу Свїагу и прїидоша козанци избранных тотаръ ҂ѕк҃ [20000] и быс бои и сѣча зла и поможе Бъ воеводам великаго кнзѧ татаръ многых побили а иных руками поимали и прислали к великому кнѧзю на Москву. Бои был мсца августа за недлю до ѡспожина дни и приступ был къ градоу конным и соудовым зане ж съшлисѧ конная рат съ судовою. И вездѣ Бъ помогаше воиньствоу великаго кнзѧ. Козанци ж вышедше добили челом воеводам великаго кнзѧ какъ ему г҃дрю надобѣ. Так и оучинили воеводы великаго кнзѧ Василїа Иванович и пришли далъ Бъ поздорову всѣ.

(При публикации древнерусского текста слова разделены пробелами в соответствии с нормами современной орфографии. Концы предложений в соответствии с правилами современной пунктуации обозначены точками. В скобках даются пояснения к древнерусским числам и некоторым словам, понимание которых может быть затруднительным для современных читателей).

Краткий Волоколамский летописец первой половины XVI в. доведен до 1526 г. и содержит приписки до 1534 г. Это памятник волоколамского происхождения (Клосс 1971, С. 246; Клосс, 1974. С. 111–112). Летописный рассказ о русском походе на Казань 1524 г. очень информативный, в нем наиболее обстоятельно описано сидение под Казанью судовой рати до прибытия конной и приведено относительно большое количество дат; в частности, есть несколько календарных дат, к одной из которой (3 июля), кстати, привязан правильный день недели (воскресенье). Это заставляет предположить, что хронист использовал официальную документацию. На это же указывает тот факт, что, по словам летописца, конная рать была отправлена на Казань «полем», а данное выражение применительно к конным казанским походам XVI в. как правило, характерно для разрядных записей и великокняжеского московского летописания. «Полем» в разрядной документации назывались земли в районе р. Оки и за Окой, даже лежащие в лесной зоне; разрядные росписи «полем» включали в себя

такие лесные города, как Коломну, Серпухов, Осетр (Зарайск) (см. напр.: Разрядные книги, 1966. С. 70, 72–75 и др.). В октябре 1552 г. конные войска под началом князя Михаила Ивановича Воротынского шли, по данным разрядов, от Казани в Нижний Новгород «полем» (там же, С. 138), хотя их путь лежал в лесной зоне – «берегом» Волги через расположенный у слияния Суры и Волги Васильгород (ПСРЛ, 1904. С. 222), нынешний Васильсурск. Просто эти земли расположены от Москвы за Окой. Подобное значение «поля» встречается также в сочинении князя А. М. Курбского, который отмечал, что поокский Муром находится у поля, и при этом южнее него по пути в Казань упоминал мордовские леса (Курбский, 2015. С. 32). Он употреблял это слово в двойном значении – местности за р. Окой и лесостепи за мордовскими лесами, обозначенной им как великое поле дикое.

Концовка рассказа о данной кампании довольно любопытная: казанцы бьют челом великокняжеским воеводам на условиях Василия III, вместе с тем, воеводы великого князя Василия Ивановича вернулись не здравы все, как обычно говорится в летописях, а поздорову (!) все. Быть может, летописец, приведя официальную московскую версию о победе русской стороны, все же намекнул, что великокняжеским воеводам пришлось уйти из-под Казани подобру-поздорову, фактически не накладывая на казанских татар никаких серьезных обязательств и не восстановив над Казанским царством прежнего московского протектората (со времен Ивана III предусматривавшего нахождение на казанском троне московского протеже, а также обязанности казанцев платить дань и участвовать в московских военных походах)? Как уже отмечалось выше, рассказ о сражении на Свияге торжественно начинается с красной буквы (как начала погодных записей). Очевидно, хронист считал этот бой важным для кампании: победив казанское войско на Свияге, великокняжеская конная рать смогла соединиться с судовой ратью под Казанью и подступить к городу / начать штурмовать город, вынудив казанцев просить мира. Боевые действия под самой Казанью, имевшие место после боя на Свияге, хронист не описывает, кратко отмечая, что великокняжескому воинству везде помогал Бог. Как было сказано выше, источник приводит уникальную дату сражения: за неделю до Госпожина дня (8 августа), которая наилучшим образом перекликается со сведениями С. Герберштейна о начале осады Казани русскими войсками 15 числа после соединения конницы с судовой ратью. Не исключено, что информатором волоколамского книжника был второй воевода конной рати, участник сражения на Итяковом поле М. С. Воронцов. Примечательно, что в судовой рати был назван только первый воевода князь Иван Федорович Бельский, а в конной – и первый, Иван Васильевич Хабар и второй, Михаил Семенович Воронцов, несмотря на то, что судовая рать была главнее по статусу: ее первый воевода был главным военачальником над всеми участвовавшими в походе войсками и, в отличии от первого воеводы конницы, был

представителем княжеского рода. Текст данной погодной записи был впоследствии почти дословно повторен в Новгородской Большаковской летописи (далее – НБЛ), сохранившейся в списке XVII в. и в 2005 г. опубликованной Е. Л. Конявской (Конявская 2005, С. 374)[21]. Н. В. Белов отмечал, что Волоколамский летописец являлся одним из источников НБЛ (Белов, 2022. С. 611–612). Это, конечно, касается и публикуемого здесь рассказа Волоколамского летописца о походе на Казань 1524 г. Интересно, что в НБЛ это известие повторено с небольшими сокращениями, вроде пропусков упоминания о начале похода на Казань весной, и имени великого князя, воеводам которого добили челом казанцы (Конявская, 2005. С. 374). Эта информации была не важна для описания похода (и так понятно, что он начался весной: 29 мая, а раз воевод отправил поход великий князь Василий Иванович, то его воеводам и добивал челом противник). Поэтому похоже на то, что поздний переписчик, в целом дословно повторяя публикуемое здесь известие Волоколамского летописца об этом походе, опускал некоторые излишние подробности, которые и так ясно вытекают по смыслу из текста летописного повествования, а для людей, не являвшихся современниками описываемых событий и участвовавших в них лиц, и вовсе не имели принципиального значения.

Список источников и литературы

Алишев С. Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.

Акты Российского государства: архивы Моск. монастырей и соборов, XV – нач. XVII вв. Москва: Ладомир, 1998. 733 с.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. 1: 1294–1598. СПб.: В Типографии 2 отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. 548 с.

Бахтин А. Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 1998. 192 с.

Бахтин А. Г. Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д-ра ист. наук. М.: МГПУ, 2001. 568 с.

Бахтин А. Г. Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола, 2012. 660 с.

Бахтин А. Г. Воевода И.В. Хабар-Симский // Военно-исторический журнал. № 6. 2017. С. 72-79.

Бахтин А., Хамидуллин Б. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 289–358.

Белов Н. В. Начало военно-политической карьеры Шах-Али: на пути к казанскому походу 1524 г. // История военного дела: исследования и источники. 2019. Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв. 2019. Ч. II. С. 206.

[21] Е. Л. Конявская полагает, что в НБЛ «поход на Казань под 7032 г. описан с подробностями, которых нет в других летописях» (там же. С. 337). Это ошибка вполне понятна: более раннее аналогичное повествование Волоколамского летописца в основном известно ученым в кратком и не вполне точном пересказе А. А. Зимина.

Белов Н. В. Еще раз о Федоре Юрьевиче Щуке Кутузове, воеводе Василия III // Novogardia. 2021. № 1. С. 116–146.

Белов Н. В. Неопубликованные памятники отечественного летописания в работах В. А. Волкова по русской военной истории XV–XVII вв. // Русская история. Избранные труды. М., 2022. С. 608–623.

Бенцианов М. М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М.: Центрполиграф, 2019. 351 с.

Вербицкий А. А., Карпенко П. П., Пелогейко А. В., Семин В. Ю. Русско-казанская война 1523–1524 гг. // Социогуманитарные коммуникации. № 3 (9). 2024. С. 27–32.

Воинские повести Древней Руси. Л.: Лениздат, 495 с.

Волков В. А. Войны Московской Руси конца XV–XVI вв. М.: Русский мир, 2001. 230 с.

Волков В. А. Войны и войска Московского государства (конец XV – первая половина XVII вв.). М.: Эксмо, Агоритм, 2004. 572 с.

Герберштейн С. Записки о Московии. М.: МГУ, 1988. 430 с.

Демидов Н. А. Исторический очерк Василь-Сурского уезда Нижегородской губернии. Ниж. Новг.: Типография Ройского и Душина, 1884. 76 с.

Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. Москва: Типография Компании типографической, 1788. 506 с.

Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив, Том V. М.; Л. 1950. С. 3–39.

Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVI в. М.: Мысль, 1972. 452 с.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI вв. М.: Наука, 1988. 350 с.

Измайлов И. Л. Структура власти в позднезолотордынских государствах // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 521–531.

Илюшин Б. А. «Война лета 7014»: Московско-казанский конфликт 1505–1507 гг. Нижний Новгород: Стимул–СТ, 2018. 128 с.

Илюшин Б. А. Мухаммед-Эмин – «царь» казанский: биографический. очерк. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 168 с.

Илюшин Б. А. Казанские войны Василия III: монография. Казань: Логос, 2021. 428 с.

Илюшин Б. А. Меж Казанью и Москвой. Нижегородский край в эпоху казанских и черемисских войн Нижний Новгород: ННГУ, 2022. 350 с.

Карамзин Н. М. История Государства Российскаго. Т. 7. СПб: в типографии Н. И. Греча, 1819. 358 с.

Клосс Б. М. О времени создания Русского хронографа // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 26. Л., 1971. С. 244–255.

Клосс Б. М. Иософо-Волоколамский монастырь и летописание конца XV – первой половины XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 6. Л., 1974. С. 107–125.

Конявская Е. Л. Новгородская летопись из собрания Т. Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 322–383.

Котляров Д. А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: у истоков национальной политики России. Ижевск: изд. Дом «Удмуртский университет», 2005. 314 с.

Котляров Д. А. «Служащий царь» казанский хан Мухаммед-Амин и великие князья всея Руси // Вестник УдГУ. История и филология. Вып. 3. 2010. С. 23–31.

Котляров Д. А. От Золотой Орды к Московскому царству: вхождение народов Поволжья в состав России. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 352 с.

Кузнецов А. Б. Внешняя политика Российского государства в первой трети XVI в. Саранск: Типография «Красный Октябрь», 1999. 255 с.

Кузнецов А. Б. Русско-казанские отношения в 1521–1524 гг. // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции: Материалы IV Сафаргалиев. науч. Чтений. Саранск, 2002. С. 73–81.

Курбский А. М. История о делах великого князя московского. М., Наука, 2015. 968 с.

Лобин А. Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2011. 251 с.

Лызлов А. Скифская история / Подг. текста, комм., указ. А. П. Богданов; отв. ред. Е. В. Чистякова. М.: Наука, 1990. 520 с.

Михайлова И. Б. Москва и Казань: военные кампании 1523 и 1524 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 4.№ 2. С. 35–44.

Мухамедьяров Ш. Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) / Репринтное воспроизведение кандидатской диссертации (Институт истории АН СССР, г. Москва, 1951 г.). Сост. и отв. ред. Р. Г. Галлям; авторы предисл. Р. Г. Галлям, С. М. Исхаков, А. А. Бурханов. Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. 276 с. + 4 с. вкл.

Несин М. А. Из истории логистики русских войск в XV-начале XVI в. (Отзыв на работу В.В. Пенского «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени») // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VIII. С. 134–166.

Несин М. А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг.// История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. X. С. 432–491.

Несин М. А. Русский поход на Казань 1478 года // Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн: сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного годовщине битвы на Константиновом поле 1549 года / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. Нижний Новгород, 2022. С. 40–46.

Несин М. А. Казанский поход на Вятскую землю и русский поход на Казань 1478 года // Актуальные проблемы региональной истории. Памяти учителей: Мария Михайловна Мартынова (1922–2003), Борис Григорьевич Плющевский (1912–1998), Николай Николаевич Латышев (1892–1953), Никифор Павлович Павлов (1922–2008): материалы III Всерос. науч. конф. (Ижевск, 14–15 апреля 2022 г.) / отв. ред. и сост. Л. Н. Бехтерева, В. В. Пузанов, Д. В. Репников. Ижевск: УдГУ, 2022. С. 107–120.

Несин М. А. К истории взятия Казани в 1487 году: проблемы хронологии и особенности организации похода // Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн: сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. Нижний Новгород; Свияжск, 2024. С. 78–104.

Нижегородский летописец. Нижний Новгород: тип. Губ. правл., 1886. 144 с.

Похлебкин В. В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII-XVI вв. 1238–1598 гг.: (от битвы на Р. Сить до покорения Сибири). М.: междунар. Отношения, 2000. 189 с.

Памятники литературы Древней Руси. Вып.7. М.: Художественная литература, 1985. 624 с.

ПСРЛ. Т. 3. СПб: Типогафия Э. Праца, 1841. 346 с.

ПСРЛ. Т. 6. СПб: Типогафия Э. Праца, 1853. 358 с.

ПСРЛ. Т. 8. СПб: Типография Э. Праца, 1859. 302 с.

ПСРЛ. Т. 13 СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1904. 302 с.

ПСРЛ. Т. 19. СПб.: ПСРЛ. Типография И. Н. Скороходова, 1903. 496 с.

ПСРЛ. Т. 24. М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с.

СРЛ. Т. 25. М.: Языки русской культуры, 2004. 488 с.

ПСРЛ. Т. 26. М.; Л.: АН СССР, 1959. 415 с.

ПСРЛ. Т. 29. М.; Л.: АН СССР, 1965. 391 с.

ПСРЛ. Т. 34. М.: Наука, 1978. 303 с.
ПСРЛ. Т. 37. Л.: Наука, 1982. 228 с.
Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 616 с.
Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Наука, 1977. Т. 1. Ч. 2. 188 с.
РГБ. Ф. 92. Д. 2. 143 Л.
Сборник Императорского Русского Исторического Общества Т. 35. СПб.: Типография Ф. Елеонского и К°, 1892. 870 с.
Сборник Русского исторического общества. СПб.; Типография Ф. Елеонского и К°, 1884. Т. 41. 588 с.
Свечников С. К. Присоединение Марийского края к Русскому государству: монография. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. 268 с.
Свечников С. К. Васильгород в период русско-казанских войн 1523–1552 гг. // Сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. Нижний Новгород; Свияжск, 2024. С. 21–36.
Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 20. М.: Наука, 1995. 288 с.
Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. 772 с.
Смирнов И. И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. 1948. Т. 27. С. 18–66.
Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М.: Тип. Н.С. Всеволожского, 1813. 643 с.
Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга первая. СПб: Товарищество «Общественная польза, 1851. 1276 стб.
Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 гг.). Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1909. 143 с. URL: https://xn--80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/content/spisok-s-piscovoy-i-mezhevoy-knigi-goroda-sviyazhska-i-uezda-pisma-i-mezhevaniya-nikity
Тихомиров М. Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Русское летописание. М., 1979. С. 158–171.
Трепавлов В. В. История Ногайской орды. 4-е изд. М.: Квадрига, 2024. 1048 с.
Филюшкин А. И. Василий III. М.: Молодая гвардия, 2010. 346 с.
Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Государственное издательство, 1923. 302 с.
Чернов А. В. Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв. (С образования централизованного государства до реформ при Петре I). М.: Воениздат, 1954. 224 с.
Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. М., 1951. Т. 7. С. 254–299.

А. А. Инжутов,
независимый исследователь, директор МБУК «Шатковский музей»
al.injutow2010@yandex.ru

КАЗАНСКИЙ ПОХОД 1552 г.: ПОДГОТОВКА ПОХОДА, МАРШРУТЫ И ХРОНОЛОГИЯ ДВИЖЕНИЯ ВОЙСК К СВИЯЖСКУ

Статья посвящена истории организации и осуществления первой части Казанского похода 1552 года – движения войск к Свияжску: хронология, стратегия, воеводский корпус, движение к цели. Выдвигается версия маршрута движения войск через Рязань и Мещеру.

Ключевые слова: Иван IV, XVI в, Казанский поход 1552 г., воеводы

Казанский поход 1552 г. неоднократно становился темой исследований, что подтверждает его особую роль не только в завершении противостояния между Москвой и Казанью, но и в истории России. В исторической науке, несмотря на исследования по данной теме, она остается по-прежнему актуальной. Одним из важных факторов победы стала организация этой масштабной военной кампании, ее планирование, переброска армии и артиллерии, стратегия движения войск, их рассредоточение и согласованное движение к цели. Рассматривая поход как одну из операций Казанской войны, стоит обратить внимание, что его необходимость возникла неожиданно в начале весны 1552 г., в результате провала плана «мирного присоединения» Казанского ханства к Москве, наметившегося после подписания мирного договора в 1551 году. План военной компании, принятый на первом этапе, в дальнейшем оперативно корректировался с учетом изменения текущей ситуации.

В ходе переворота в Казани к власти пришла партия сторонников возобновления войны с Москвой во главе с князем Чапкуном Отучевым. 9 марта 1552 г. подстрекаемые князем Исламом Нарыковым, князем Кебеком и мурзой Аликеем Нарыковым, горожане восстали (ПСРЛ. Т. XIII. С. 177). Простояв у ворот Казани несколько часов, князь Микулинский со смешанной русско-татарской свитой и русским гарнизоном вынужден был вернуться в Свияжск. Переворот был неожиданным, но какое-то время еще была надежда уладить возникшие недоразумения, поэтому русские не предпринимали силовых действий. Однако начавшиеся военные действия казанских отрядов в Правобережье Волги по освобождению территории от русских отрядов не оставили шансов на мирное урегулирование конфликта.

Известие в Москве о произошедшем перевороте было получено 24 марта, накануне праздника Благовещения Пресвятой Богородицы. Сообщение государю доставил Иван Васильевич Шереметьев (ПСРЛ. Т. XIII. С. 177).

Начинается планирование и подготовка военной компании. Не теряя времени, были отданы первые распоряжения по усилению гарнизона в Свияжске. В Свияжск отправляется

«на судах с ледом» отряд из детей боярских и казаков во главе с дворецким Данилой Романовичем Юрьевым (Захарьин-Юрьев), который по прибытию должен был отпустить с Свияжска окольничего Владимира Морозова и передать указание Шах-Али отправиться «с царицей» (Сююмбике) и сыном Утямиш-Гиреем в Городок (ПСРЛ. Т. XIII. С. 177).

В апреле на большом совете обсуждаются планы предстоящей военной кампании: «И призывает государь к себе братию своею, князя Юрия Васильевича и князя Володимира Андреевича, и бояр своих и воевод и советует с ними о своем походе х Казани» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 177). Летопись сообщает о совете государю не участвовал в походе: «В совете же бяше много различьных слов, якоже бы государю не самому быти» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 177 – 178). Но царь был настроен решительно и настоял на своем личном участии в походе (ПСРЛ. Т. XIII. С. 178). В Казанском летописце дополнено, что в совете участвовали «и вся князи местныя, и вся великия воеводы, и вся благородныя своя велможи» (ПСРЛ. Т. XIX. С. 99). В результате был утвержден предварительный план военной компании, выбраны пункты сбора войск, распределены силы и определено направление движения. Так, часть войск должна была двигаться к Казани на судах, на судах отправлялась артиллерия, припасы царские и всего войска. Сам государь в подходящее для этого время с войском на Казань должен был отправиться «Полем». Было выбрано два центра сосредоточения войск. При их выборе было учтено возможное участие в войне не только казанских, но и крымских войск и ногайских отрядов. Один центр прикрывал южное направление и состоял из двух пунктов сбора войск. Это были города на р. Оке Коломна и Кашира, где собирались служилые люди из дальних городов, Великого Новгорода и других городов, кроме Московских. Между Коломной, стоявшей на «Ногайском шляхе» и Каширой, стоявшей на «Крымском («Муравском») шляхе» – 60 км. Войска могли оперативно прийти на усиление друг друга. Другим – восточным центром сосредоточения войск, назначался Муром, откуда уходила к Казани сакма, дорога к Казани «Полем». В Муроме должны были собираться служилые люди Московских городов (ПСРЛ. Т. XIII. С. 178).

По данным Казанского летописца, вскоре после совета, по всем городам были разосланы грамоты о сборе войск в Москве: «Раслав же листы по всей области державы своея по градам на собрание воинственного чина» (ПСРЛ. Т. XIX. С. 103). Повесть о Казанском взятии указывает три города: Новгород, Псков, Смоленск, обозначая остальные «все грады своя» «во всей Руской земли» (Белов Н. В, Микитчук М. Д. С. 130, С. 139). Казанский летописец сообщает и о прибытии войск и их смотре, который продолжался несколько дней на площади перед царскими палатами, после чего, 12 воевод «с великою силою», были отправлены к Казани (ПСРЛ. Т. XIX. С. 103 – 104).

В Свияжск было решено направить судовую рать под командованием князя Александра Борисовича Горбатого-Шуйского, князя Петра Ивановича Шуйского и других воевод, артиллерию (у наряда – боярин Михаил Яковлевич Морозов), боеприпасы и продовольствие: «Да и многие свои запасы послал на прекормление воинству, и ключников своих отпустил со всем дворовым запасом» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 178).

В апреле прибывший из Свияжска Михалка Шипилов доложил о благополучном прибытия в Свияжск рати Д. Р. Захарьина - Юрьева, об эпидемии в городе («цынга и язва»), множестве заболевших и умерших, и о волнениях горных людей, в том числе, что по речке Цивили «верхние люди в город не ездят» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 178). Возможно, на выбор дальнейшего сухопутного маршрута от Мурома с большим отклонением к югу, за Алатырь, и повлияли данные события – охват района Цивили волнениями. Обход этой территории с юга устранял опасность втягивания войск на марше в военные столкновения с восставшими.

Принимается решение срочно отправить из Нижнего Новгорода тех людей, которые уже успели собраться, под командованием князя А. Б. Горбатого-Шуйского и князя П. И. Шуйского, «следовать им наспех в Свияжск». М. Я. Морозов остается в Нижнем дожидаться прибытия артиллерии. Остальные, еще не пришедшие на сбор дети боярские должны были отправиться вместе с артиллерией. Командовать ими был назначен боярин Семен Константинович (Заболоцкий) (ПСРЛ. Т. XIII. С. 179).

Одновременно была предпринята блокада Казани путем контроля всех речных артерий ханства. На Каму был отправлен отряд, состоящий из детей боярских, стрельцов, казаков и вятчан под командованием боярина князя Михаила Васильевича Глинского с окольничим Иваном Ивановичем Умнаго (Колычова). Также с Вятки на Каму был отправлен отряд «с Вятцкими и Устюжскими волостителями» под командованием Паука Заболоцкого. С вятчанами было велено идти Григорию Сукину. Князь М. В. Глинский был должен поставить людей по всем перевозам по Каме и по Вятке. Свияжские воеводы должны были взять под контроль Волжские перевозы, чтобы воинские люди не смогли проникнуть в Казань и выйти из города (ПСРЛ. Т. XIII. С. 178). По свидетельству Казанского летописца, эти отряды были отправлены 9 мая (ПСРЛ. Т. XIX. С. 104).

Вторая группировка войск под командованием А. Б. Горбатого-Шуйского и П. И. Шуйского, отправленная поспешно в Свияжск, достигла цели. От А. Б. Горбатого-Шуйского с грамотами государю прибыл сын боярский Иванко Кочергин. В грамотах сообщалось о продолжении эпидемии, о полном отложении Горной стороны и соединения из с казанцами, о прибытии отрядов на Вятку, о столкновениях с отрядами казанцев около Свияжска и на Каме, о гибели казаков, пленении и казни в Казани атамана Севрюги, гибели детей боярских нижегородцев и стрельцов, казни в Казани русских пленников (ПСРЛ. Т. XIII. С. 178). Но

самым важным было известие, что на царство в Казань пришел Едигер (Ядгар-Мухаммед), а с ним 500 человек. Казанским ханством стал править правитель, который вместе с Иваном IV участвовал в зимнем походе 1547 – 1548 гг. на Казань.

Касаясь событий об отправке войск в Свияжск в апреле, в разрядных книгах в другом контексте сообщается о составе войск и их командующих. Так, с князем П. И. Шуйским были отправлены еще 4 воеводы: боярин Семен Константинович Заболоцкий, кн. Дмитрий Михайлович Жижемский, Борис Иванович Салтыков, кн. Григорий (Голова) князь Петров сын Звенигородский. Цели их отправки – «на годование» (РК 1605. С. 408-409). Из них П. И. Шуйский, Б. И. Салтыков, Г. П. Звенигородский по росписи должны были командовать войсками за пределами города «на вылоске». С. К. Заболоцкий и Д. М. Жижемский оставались в самом городе. Годовавшие в Свияжке С. И. Микулинский Пунков с войском должны были присоединиться к судовой и конной рати под командованием кн. Александра Борисовича Горбатого и отправиться вместе к Казани.

Об отправке войск кн. А. Б. Горбатого-Шуйского и дворецкого Д. Р. Захарьина - Юрьева «в судовой рати в плавных судех» под Свияжск в разрядных книгах сообщено отдельно. По прибытию войск в Свияжск, они должны были отправиться под Казань до «государева приходу» (РК 1605. С. 409).

Важно отметить большое значение в кампании 1552 года «судовой рати» – переброски войск по рекам. Операции по Оке и по Волге начались сразу с известия «об измене» казанцев и продолжались в течение всей кампании.

В первую очередь, были переброшены войска для укрепления гарнизона Свияжска, для подавления волнений среди горных людей на Правобережье и для похода на Казань. Надо полагать, что состав переброшенных по рекам войск, был значительным. Когда перед походом на Тулу, Иван IV делал смотр войск в Коломне, летописец, записав, что «поля Коломенские не смогли вмесить войско» (ПСРЛ. Т. XIII. С.189), также отметил, что значительная часть войска была уже в Свияжске и Муроме. Кроме войск, водным путем, в Свияжск, осуществлялось снабжение: доставлялись артиллерийские орудия, боеприпасы, снаряжение и продовольствие (Таблица 1).

Князь А. Б. Горбатый-Шуйский и дворецкий Д. Р. Захарьин-Юрьев должны были возглавить рать под Казань до прихода государя. Роспись полков планировалась следующая. В большом полку: князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский и дворецкий Данила Романович Захарьин-Юрьев, в нем же князь Юрий Меньшой Андреевич Пенинской Оболенский. В передовом полку: князь Семен Иванович Микулинской, Семен Васильевич Шереметев. В полку правой руки: князь Петр Иванович Шуйский и князь Давид Федорович Палецкий. В полку левой руки: князь Петр Семенович Серебряный и князь Григорий Голова

князь Петров сын Звенигородский. В сторожевом полку: князь Василий Семенович Серебряный и князь Иван Петров сын Звенигородский. В конной рати: в большом полку князь Федор Иванович Троекуров и князь Василий Семенович Мезецкий. Наряд (артиллерию) возглавлял Михаил Яковлевич Морозов, с ним были воеводы Иваном и Федор Ильины дети Челищева, Иван Иванов сын Протопопов, и дворцовой дьяк Шестак Воронин (РК 1605. С. 410).

Анализируя командный состав среди полков и конной рати, мы видим С. И. Микулинского, который годовал в Свияжске, 4 воевод, прибывших на судах (А. Б. Горбатый, Д. Р. Захарин - Юрьев, П. И. Шуйский, Г. П. Звенигородский). 6 из перечисленных воевод должны были прийти вместе с войсками под Свияжск из Мурома «полем».

К тому времени в Муроме стояли три полка: большой полк под командованием кн. В. С. Серебряного, передовой полк под командованием С. В. Шереметева и сторожевой полк под командованием окольничего кн. Д. Ф. Палецкого. По указу государя, 9 мая из Мурома эти полки должны были выдвинуться «полем» к Свияжску по следующей росписи (РК 1605. С. 411).

Большой полк: князь Василий Семенович Серебряный и окольничий князь Давид Федорович Палецкий, в нем же князь Юрий Меншой Андреевич Пенинской Оболенский (боярин Владимира Андреевича). Передовой полк: Семен Васильевич Шереметев и Назарий Семенов сын Глебов. Сторожевой полк: князь Федор Иванович Троекуров и князь Василей князь Семенов сын Мезецково (РК 1605. С. 411).

Эти войска из Мурома в Свияжск должны были прийти «наперед государева царева и великого князя приходу». «А итти было князю Василью Серебряному с товарищи под Казань з бояры и воеводы со князь Олександром Горбатым по росписи». Однако выступление войск было отложено. Как сообщают записи разрядных книг: «И боярин князь Василей Семеновичь Серебряной с товарищи по сей росписи не шли, а шли из Мурома полем не по сей росписи, а были росписаны с царем и великим князем по полком, как государь шол х Казани из Мурома полем (РК 1605. С. 411).

Подводя итоги планирования первых шести недель после известия об измене в Казани, можно сделать следующие выводы: участие царя в походе было решено, пока собирались войска на южных направлениях (Кашира, Коломна) и сосредотачивались силы в Муроме, в Свияжск уже была отправлена судами крупная группировка войск с артиллерией и запасами. Были блокированы речные переправы. Подготовлен план похода из Свияжска по блокированию Казани после прихода судовых ратей и войск, отправленных из Мурома полем. Но поход из Мурома и из Свияжска, планировавшийся до прихода государя, был отменен (рис. 1).

Не последнюю роль, в этом, могли сыграть известия об угрозе нападения крымских татар, приходе в Казань на царство Ядгар-Мухаммеда и ногайских воинов, и возможности присоединения к крымско-турецкому антирусскому союзу многотысячного ногайского войска. Еще в октябре, до переворота в Казани, промосковски настроенный ногайский мурза Исмаил сообщал о прибытии турецкого, крымского и астраханского посольств (Бахтин, 1998. С. 117). Весной 1552 г. из Астрахани сообщали, что ногайский князь Юсуф, враждебно настроенный к России «послал к [И]смаил мирзе: яз де перекочюю Волгу, а возму с собою Такбилди царевича астраханского, да поедем воевать на Русь» (Бахтин, 1998. С. 117). Таким образом, военная кампания предполагала борьбу на нескольких направлениях, не только с казанцами, но и с крымцами, и с ногаями.

В мае (видимо, в конце месяца) происходит очередной совет о походе на Казань, на котором уточняются детали похода: «Тово же году помыслив государь царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии с своею братьею, со князь Юрьем Васильевичем и со князь Володимером Андреевичем, и с отцом своим преосвященным митрополитом Макарием всеа Русии, и со всеми боляры своими, и приговорил, как ему, государю дела своего беречь от недруга своего от крымскаво царя и как ему итти на свое дело и на земское х Казани» (РК 1605. С. 412). Принимавший участие в совете Шах-Али предложил вернуться к тактике зимних походов, советуя подождать до зимы, потому что «Казаньская земля в великих крепостех, в лесах и в озерех и в ржавцев зимою добро будет воевати» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 184). Однако зимняя кампания уже была невозможна в силу того, что часть войск, артиллерии и припасов уже была отправлена в Свияжск «многие люди с воеводами уже отпущены на судах, а также наряд большой и запасы» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 184), по местам дислокаций полков собирались служилые люди.

Во время совета уточняется путь государева полка: «И приговорил государь з братиею и со царем и з боляры: идти ему, государю, на Коломну, да с Коломны на Муром да на Саканьское городище чрез Поле к Свиязскому городу» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 184). Шах-Али, получивший от царя щедрые пожалования и дозволение взять в жены казанскую царицу Сююмбике, был отправлен водным путем, видимо в Касимов. Организована дальнейшая переброска запасов и снаряжения служилых людей на судах к Мурому и к Свияжску (ПСРЛ. Т. XIII. С. 184).

Записи разрядной книги показывают, что было спланировано выступление и движение войск: с Москвы на Коломну выход планировался «в первой четверг, заговев Петрова посту, июня в 17 день» (РК 1605. С. 412). Придя в Коломну, следовало ожидать известий о возможном нападении крымцев до Петрова дня, т.е. 29 июня, после чего, в случае получения точных сведений, что нападения не ожидается, или же не получения никаких

известий о предполагаемом нападении, следовало выступить на Казань: «а не будет вести про крымского царя до Петрова дня, и царю и великому князю, положа упование на бога, тожь итти х Казани с Петрова дни; а итти ему с Коломны в Муром, а из Мурома итти полем» (РК 1605. С. 412 – 413).

В мае была сформировано командование полков и их роспись. Большой полк: князь Иван Федорович Мстиславский, князь Михаил Иванович Воротынский. Передовой полк: князь Иван Иванович Пронский, князь Дмитрий Иванович Хилков. Правая рука: князь Петр Иванович Щенятев, князь Андрей Михайлович Курбский. Левая рука: князь Дмитрий Иванович Микулинский, Дмитрий Михайлович Плещеев. Сторожевой полк: князь Василий Семенович Серебряный, Семен Васильевич Шереметев. В государевом полку дворовые воеводы князь Владимир Иванович Воротынский и Иван Васильевич Шереметев (РК 1605. С. 413-414).

Для трех полков была расписана и своя дислокация. И. Ф. Мстиславский был отправлен в Коломну, где и формировался Большой полк. Полк правой руки стоял в Кашире. Командование Сторожевого полка было в Муроме, где собирались служилые люди Московских городов. Пока Сторожевой полк формировался в Муроме, разрядные книги упоминают еще один сторожевой полк, действовавший на южном направлении, которым командовали боярин князь Дмитрий Иванович Немой - Оболенской и Михаил Иванович Вороной-Волынский (РК 1605. С.414)

16 июня, согласно плану выступления, царь выдвинулся из Москвы в Коломну «16 июня в четверток первыа недели Петрова поста» «на память святого чюдоворца Тихона, епископа Амафусийскаго, в день неделный (ПСРЛ. Т. XIII. С. 184, РК 1605. С. 413). На ночлег Иван IV остановился в селе Остров, (ПСРЛ. Т. XIII. С. 187), где он и получил известия от станичника о том, что крымские войска уже переправились Северский Донец и находятся на окраинных землях Русского государства. 19 июня царь прибыл в Коломну. В Коломне царю докладывают о том, что крымское войско двигается в сторону Рязани и Коломны. Как стало известно позднее, крымский хан выдвинулся на Москву, предполагая, что основные русские войска уже направились в Казань и лишь под Рязанью, узнав, что основные войска стоят в Коломне, под влиянием окружения, решил напасть на Тулу.

Для обороны от прихода крымцев, царь отправляет находящиеся с ним полки занять переправы на берегах р. Оки: большому полку – под Колычевым, передовому – под Ростиславлем, левой руке – под Голутвиным. Царевича Шах-Али отправляет в судах в Городок.

21 июня было получено известие от гонца о приходе крымских татар к городу к Туле. Тотчас же отправлены полки: правая рука с Каширы, передовой полк из-под

Ростиславля, большой полк из-под Колычева (ПСРЛ. Т. XIII. С. 188), и сторожевой полк (РК 1605. С. 416). 22 июня начинается осада Тулы, подкрепление прибывает 23 июня, Девлет Гирей отходит от Тулы (рис. 2).

В этот же день государь получает в Коломне сообщение об осаде Тулы большим войском с артиллерией. Представляет интерес описания в летописи смотра полков перед отправлением государя в Каширу, откуда был прямой путь к Туле.

Царь повелевает воеводе большого полка И. Ф. Мстиславскому (часть полка, видимо, не была отправлена в Тулу) и воеводам полка левой руки строить полк на полях (они должны были идти впереди государева полка и переправиться через реку Оку) (ПСРЛ. Т. XIII. С. 189) О численности войска летопись сообщает, что поля Коломенские не смогли вместить войско: «И собрася полк великаго государя столь множество, но и поля Коломеньскые их не вмещаху, бывые же с государем многые люди, которые во многых ратех бывали и множество людей видали, а столь величеству полка не видали…» (ПСРЛ. Т. XIII. С.189) Одновременно подчеркивается, что на смотре было не все войско, что с государем на Коломне были «бояре его и жилцы и выбором дети боярские, а в полкех Новгородцкие люди». Значительная часть войска – дворяне и дети боярские уже были в Свияжске, другая часть – в Муроме, где были собраны люди Московских городов (ПСРЛ. Т. XIII. С.189).

Государев полк не дошел до Каширы 30 верст (Жуков, 2019. С. 413), когда получил сообщение гонца из Тулы, сообщавшем о разгроме крымцев и побеге Девлет Гирея. Царь возвращается в Коломну.

1 июля вернулись воеводы, посланные под Тулу. Принимая во внимание доклад станичников, что Девлет-Гирей не планирует возвращаться, а наспех добирается в Крым, преодолевая 60 – 70 верст в день, и что угроза со стороны крымцев миновала, совет, подтверждает путь царя на Владимир и Муром, и принимает решение о разделении маршрута ратей на два направления. Часть войск отправляется на Рязань и на Мещеру. Сойтись войска должны были в «Поле за Алатырем»: «И учал государь мыслити з братом своим со князем Владимиром Андреевичем и з боляры и с всеми воеводами, как итти х Казани ина которые места; и приговорил идти государь надвое, вмещениа для людем, а самому государю идти на Володимер и на Муром, а воевод отпусти на Резань и на Мещеру, а сходитца на Поле за Алатарем» (ПСРЛ. Т. XIII. С.191).

Допуская возможность повторного нападения с юга крымских татар с Девлет-Гиреем, командование оставляет часть войск в Коломне и в Калуге: «а на Коломне царь Иван Васильевич всеа Русии оставил для крымского царя приходу боярина своего князя Юрья Михайловича Булгакова со многими людьми, а в Колуге боярина своего князь Юрья Ивановича Темкина-Ростовского со многими же людьми» (Жуков, 2019. С. 414).

Люди из Сторожевого полка отправляются в Одоев. Воеводы Д. И. Немой-Оболенский и М. И. Вороной-Волынский входят в Государев полк (РК 1598. С. 136).

3 июля (на 4 дня позже было запланированного) царь отправляется из Коломны во Владимир с государевым полком и полком левой руки (ПСРЛ. Т. XIII. С.191, Жуков. С. 414).

На Рязань и на Мещеру были отправлены большой полк, передовой полк и полк правой руки. Опубликованные А. Е. Жуковым ранее неизвестные «Разрядные записи о Казанском походе» из сборника библиотеки Российской академии наук (далее – БАН) (ф.16, оп.17, № 34), содержат множество подробностей о походе 1552 г (Жуков, 2019. С. 405 – 428). Там же приводиться информация о маршруте войска после Рязани, не встречающаяся в других источниках: «А с Рязани велел ити на Тульцу и стати на Вижасе. А срок им учинин стати на Ужасе и с людми збиратися в третеи четверг по Петрове дни» (Жуков, 2019. С. 414). Рассмотрим это сообщение подробнее, когда вернемся к маршруту южного правого фланга войска.

Во Владимир государь идет 6 дней и приходит в Владимир 8 июля, в пяток (от 190 до 210 км за 6 дней, в среднем 33 – 35 км в день в зависимости от маршрута), где получает сообщение из Свияжска, что эпидемия в гарнизоне прекратилась. День войска отдыхают во Владимире и 10 июля выступают в Муром по дороге через Судогду. 13 июля в среду, войско государя пришло в Муром (130 км, 33 км в день).

Разрядные записи БАН сообщают, что Иван IV получил известие из Гороховца от Федора Абрамова сына Палецкого, а тот получил сообщение из Нижнего Новгорода от князя Григория Мещерского, что «Казанские многие люди приходили к Нижнему Новугороду и языки поимали, а иных казнили люди, чают воровские места» (Жуков, 2019. С. 415). Далее: «И по тем вестям послал царь Иван Васильевич для Казанских людей за Тетюши воевод своих Семена Васильевича Шереметева со многими людьми. За Тетюшею ж в Волосове велел стояти Михаилу Иванову сыну Воронову со многими же людьми» (Жуков. С. 415). Отсылок к этой отписке в других источниках не обнаружено (Жуков, 2019. С. 415). Данная информация показательна тем, что казанские отряды действовали по правобережью Волги, доходя до Нижнего Новгорода и угроза нападения на русские полки на марше из Мурома «полем» была реальна. Для предупреждения внезапного нападения, пока рати стояли в Муроме, «за Тетюшу» отправлен второй воевода сторожевого полка - С. В. Шереметев с частью войска. Предполагаем, что в записях «Тетюшею» названа река Тёша, правый приток Оки, чье устье находится в 7 км ниже Мурома. В 6 км напротив Мурома находится и д. Волосово, куда был направлен М. И. Воронов (Вороной-Волынский) с еще одним многочисленным военным отрядом. Похожее искажение Тёши на Тетюшу встречается в разрядных записях о походе 1547 – 1548 гг. «А велел князь великий царю Шиголею, а с ним

воеводам своим со всеми людьми итить х Козани на Сакону да на Тешу (Тетюшу – *в Эрмитажном списке разрядных записей*) а сниматися с собою велел ему на Цывили» (РК 1605. С. 346). Полагаем, что, два военных отряда были направлены, соответственно, на перекрытие двух дорог, по которым казанцы могли подойти к Мурому, по дороге из Нижнего по правому берегу Оки, и по сакме – дороге через Саканский лес из полевых просторов Утишья и Межпьянья.

В Муроме царь пробыл неделю. В это время прибывает Шах-Али, и Иван IV отправляет его в судах на Казань. Вместе с ним отправил на судах воеводу Петра Андреевича Булгакова «с товарыщи да детей боярских и стрельцов многих» (ПСРЛ. Т. XIII. С.198). То есть мы видим очередную организованную отправку рати на судах. Казанский летописец дополняет, что с Шах-Али пришли из Касимова его силы «варвар 30 000» и два астраханских царевича Кайбула и Дербыш-Алей, а с ними татар 20 000 (ПСРЛ. Т. XIX. С.112). Сведения о численности отправленных ратей следует считать завышенными.

В это время в Муром прибыл из Свияжска Ивана Вокшерин с сообщением о походе воевод на восставших горных людей по Правобережью Волги – «села горние воевали» и о прекращении восстания: «И горние люди по Свиягу - реку вниз и по Волге воеводам добили челом, государю правду дали и к городу Свияжьскому пошли и з женами и детми» (ПСРЛ. Т. XIII. С.198).

Разрядные книги уточняют ход кампании против восставших, сообщая, что походов было два: «Тово же году ходили воеводы казанские горные черемисы воевать в Казанскую черемису. В большом полку князь Семен Иванович Пунков Микулинской да князъ Федор Борисович Рамодановской. В передовом полку боярин Данило Романович Юрьев да Борис Иванович Салтыков. В сторожевом полку князь Петр Семенович Серебряной да князь Григорей Голова князь Петров сын Звенигородцкой Того же году вдругорядь ходили воеводы воевать в черемису по полком. В большом полку князь Петр Иванович Шуйской да князь Федор Борисович Рамодановской. А в передовом и в сторожевом полку были те же воеводы по тому же первому розряду» (РК 1605. С. 418 – 419)

Приведение к покорности населения, проживавшего вдоль Свияги, разрешало задачу маршрута последнего отрезка пути к Свияжску. Путь по реке Свияге был свободен.

Выше мы сообщали об отправке войск на левый берег Оки сразу по прибытию в Муром для предупреждения внезапного нападения. Как следует из текста летописи, отправка войск на другой берег Оки продолжилась и в последующие дни: «А рати всей велел возитися за реку Оку по многим перевозам» (ПСРЛ. Т. XIII. С.198).

15 июля началось выступление части войска на восток. Первым был отправлен ертуол во главе с князем Юрием Ивановичем Шемякиным и князем Федором Ивановичем

Троекуровым. С ними были отправлены дети боярские и посошные люди, мостить мосты на речках и ржавцах (ПСРЛ. Т. XIII. С.199).

20 июля в память святого пророка Ильи, после молебна в церкви Рождества Пречистые и великим чудотворцам царь вышел из Мурома к Казани: «поеде за Оку-реку на Саканьской лес. А за собою государь велел идти левой руке да сторожевому полку да княже Володимиру Андреевича боярину и воеводе с людми князю Юрью Андреевичу Пенинскому - Оболенскому (ПСРЛ. Т. XIII. С.199).

Полком левой руки командовали князь Дмитрий Иванович Микулинской и Дмитрий Михайлович Плещеев. В сторожевом полку, сформированным в Муроме – князь Василий Семенович Серебряный и Семен Васильевич Шереметев. В государевом полку дворовыми воеводами у государя были боярин князь Владимир Иванович Воротынской и Иван Большой Васильевич Шереметев (РК 1605. С. 420)

После переправы реки Оки, как следует из разрядных книг, государь остановился в лугах и «розрядил у себя выборные в полку головы Семена Васильева сына Яковлевича, Микиту да Ивана Васильевых детей Шереметева, князя Ивана князь Иванова сына Кашина Сухова, да Петровых детей Головина Василья да Петра да Михаила Иванова сына Воронова, а с ними пустил государь голов и детей боярских безмесно» (РК 1605. С. 418).

«И пошол государь х Казани полем на Сокольское городище» (РК 1605. С. 418). «И шол государь к своей отчине, к новому городу Звияжскому, полем из Мурома…» (РК 1605. С. 420). Стандартная фраза – «полем из Мурома», заключала в себе вполне определенный маршрут по дороге – сакме. Эти тюркским словом обозначались пути, использовавшиеся в торговых, дипломатических и военных целях. По этому пути не раз ходили московские воеводы на Казань и это был один из путей нападений казанцев на Муром.

Князь Андрей Курбский, второй воевода полка правой руки в «Истории о делах великого князя московского», вспоминая трудное возвращение по правобережью Волги из Казани, также подтвердил путь царя по хорошей дороге: ««а кони наши все послал не тою доброю дорогою, еюже сам шол х Казани, но водле Волгу зело притрутными стезями, по великим горам лежащими…» (Курбский, 1915. С. 64).

Подробно маршрут и реконструкцию сакмы (Государевой, Царевой) в пределах территории Арзамасского уезда, на основании источников XVI – XVII вв. представил Е. И. Парадеев в своих работах (Парадеев, 2019; Парадеев, 2022). Дорога была проложена с таким расчетом, что избегала больших препятствий: крутых оврагов, подъемов и спусков, болот, проходя лесные массивы в наиболее узких по ширине местах и максимально используя степные участки. Так, например, из 360 км пути между Муромом и устьем Барыша на Суре путь через лес составлял около 110 км (около 30%), причем больше трети (78 км) составлял

Муромский, он же Саконский лес. Подводя итог пути до Суры, летописец пишет, что «от града Мурома государь шел частым лесом и чистым полем» (ПСРЛ. Т. 29. С. 188).

Хотя Муром был назван Курбским, лежащим от поля «уже х краине х Казанским пределом» (Курбский, 1915. С. 17), т. е пограничным городом у края казанских владений, дорога до Суры проходила по территории, заселенной мордвой, которая принадлежала Москве. С. Герберштейн указывал, что «река Сура разделяет владения царей московскаго и казанскаго», и что народ мордва, проживающий на восток и на юг от реки Мокши «состоит под властью московскаго князя» (Герберштейн, 1866. С. 100). Самая известная группа мордвы, проживавшая на этой территории в верховьях Теши – кирдановская, известна в источниках с конца XV в. Бассейн р. Пьяна составлял окраину Нижегородских земель.

Разрядные записи БАН сообщают, что всего у государя на пути от Мурома к Казани было 22 стана. Там же встречаем подробности, связанные с обеспечением безопасности государя на маршруте. Станы царя охранялись: «А стерегли, идучи х Казани, по станом у царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии шатра головы, а с ними князи и боярские дети, дворовые столники, и стряпчие, и жилцы по статьям» (Жуков. С. 415). Всего указано 8 статей с персоналиями охранявших. Кроме того, по дорогам, на пути царя, ставили сторожи. (Жуков, 2019. С. 417).

В Никоновской летописи указаны места стоянок царя и события, происходившие на этих стоянках. Путь до Суры представлен в Таблице 2 (рис.3).

Е. И. Парадеев обратил внимание, что 10 из 14 станов были приурочены к рекам, еще три – к озерам. Два стана – к городищам (Парадеев, 2019. С. 16). В летний поход армия остро нуждалась в питьевой воде, как для людей, так и для скота. Причем, за исключением крупных рек, небольшие речки, видимо, не могли покрыть потребностей в чистой воде, на что указывает сообщение Казанского летописца: «и тяжек явися ему путь тои и всему воинству его: от конских бо ног взимаему на высоту песку, и не бе видети солнца и небеси и всего воинства идущаго, и тоска велика все воинество обдержаще; мнози же человецы измороша от солнечного жара и от жажды водныя, исхоша бо вся дебри и блата, и малыя реки полские не тецаху путем своим, но развие мало воды в великих реках обреташеся, во глубоких омутех, но и то сосудами, корцы, и котлы, и пригорщами в час един до суха исчерпаху, друг друга бьюще, и угнетающе, и задавляюще; ини же росу лизаху и тако жажду свою утоляху» (ПСРЛ. Т. XIX. С. 115). С другой стороны, это сообщение не согласуется с информацией Никоновской летописи, когда 18 августа, на Казани реке было велено многие мосты мостить, «бо огда время дождиво были воды в реках великы» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 202), а также информацией Александро-Невской летописи, что «все бесчисленное воинство всякими потребами изобиловаху», «на поли убо всяким благовонным овощем довляхуся, от

животных же лоси яко самозаннии на заколения прихождаху, в реках же множество рыб ловяху» (ПСРЛ. Т. 29. С. 188)

Все же, исходя из наличия крупных водных объектов на пути, видимо, варьировалось и расстояние между переходами. Оптимальнее было сделать переход либо короче, либо длиннее, но так, чтобы остановка обязательно должна была быть у воды. В среднем, скорость войска составляла около 20 км в день до реки Пьяны и 28 км в день после реки Пьяны, практически в основном при движении по степной местности, а в среднем 26 км в день. Представляет интерес и сообщение Александро-невской летописи о том, что местное население поддерживало армию провизией, помогало инженерными работами по обустройству станов и мостов: «Живущии же в тамошних странах Черемиса и Мордва и прочии, иже прежде враждебни, тогда же покаряхуся и приходяще к благочестивому царю великому князю, дающеся во всю его волю государеву, и вся потребная приношаху, хлеб и мед и говяды, ова дарованием, иная же продаваху, и мосты на реках делаху, и везде станы строины бяху, и все бесчисленное воинство всякими потребами изобиловаху» (ПСРЛ. Т. 29. С. 188).

В датировке станов существует одна нестыковка, на которую обращали внимание все исследователи. 20 июля царь выдвинулся из Мурома, а 1 августа у государя был 11 стан на речке Мяни, где в день Медового спаса «Государь на воде стоял и воду святили». То есть имеем между датами 13 ночей и 11 станов. А значит где-то на станах были две дневки (остановка на целый день для отдыха). Возможно, дневка была на р. Пьяне, когда возводились мосты на реке, а также на рч. Мяни, и дата 1 августа отражает не прибытие войск к речке, а следующий день, когда совершались обряды водосвятия и войско не передвигалось (Парадеев, 2019. С. 17 – 18).

Важным для логистики похода является присоединение к основным полкам, шедшим с государем, дополнительных отрядов. На Пьяне – всех Городецких князей, мурз и татар под командованием Ак-сеита Черевсеева, шедшего из Городка «на Монсыров угол». Стан «Мансыров угол» существовал в Кадомском уезде в XVII – XVIII вв. (Беляков, 2019а). Он располагался по правобережью Мокши. Оттуда, А. Черевсеев с отрядом направлялся к Тёше по дороге, впоследствии упоминаемой как Кадомская (Инжутов, 2024. С. 123 – 125), после чего вышел на маршрут сакмы и присоединился к войску на Пьяне. Этот отряд был отправлен вместе с ертуолом, шедшим впереди войска. На Алатыре к войскам присоединился отряд Темниковских татар и мордвы во главе с князем Еникеем Темниковским, двигавшихся из Темникова по правобережью Алатыря. Они пришли на Алатырь до прихода основных полков и подготовили для войска три моста.

Когда войско остановилось на 13 стан на реке на Большом Саре, к царю пришло сообщение от командующих полков южного фланга войска, что они стоят на той же реке выше по течению и ждут дальнейших распоряжений: «И тут прислали к государю бояре и воеводы его князь Иван Федорович Мстиславской с товарыщи, что они пришли вверх тое же рекы Сары, дал Бог здорово, и государь им как велел к собе прийти? И велел им государь идти прямо к Суре-реке и возитися выше себя для тесноты людем, а к собе им велел быти за Сурою-рекою на полях» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 199). Таким образом, южный фланг должен был переправиться через реку Суру выше переправы войск, шедших с царем, а встреча объединенных войск назначалась за рекою Сурой на полях.

Прежде чем рассмотреть дальнейший путь объединенных войск, вернемся к южному правому крылу войска.

На Рязань и на Мещеру были отправлены большой полк, передовой полк и полк правой руки. В передовом полку командующие воеводы князь Иван Иванович Пронский Турунтай и князь Дмитрий Иванович Хилков. В правой руке – князь Петр Михайлович Щенятев и князь Андрей Михайлович Курбский. В большом полку – князь Иван Федорович Мстисловский и князь Михаил Иванович Воротынский (РК 1605. С. 419-420). Разрядные записи БАН дополняют, что с воеводами этих полков «многим людям и новгороцким помещиком велел ити х Казани на Рязань» (Жуков, 2019. С. 414).

Решение о пути южного фланга было принято 1 июля. После Рязани маршрутом для войска указывалась Мещера – бассейн Цны и Мокши, откуда войска должны были прийти в поле за Алатырем, т. е. в левобережье Суры.

А. М. Курбский, второй воевода полка правой руки, впоследствии писал, что после битвы под Тулой войско отдыхало восемь дней и «по осми днях, сам поиде с воинством х Казани» (Курбский, 1915. С.17). В число этих дней, получается, входил и переход после битвы к местам дислокации в районе Коломны, т.к. сам (царь) выступил уже 3 июля, соответственно, и остальные войска, в т.ч. и южный фланг не мог задерживаться дольше.

Разрядные записи БАН дополняют особенности выдвижения южного фланга: «А с Рязани велел ити на Тульцу и стати на Вижасе. А срок им учинин стати на Ужасе и с людми збиратися в третеи четверг по Петрове дни» (Жуков, 2019. С. 414). Эти записи уточняют маршрут на Рязань, а после Рязани указывают некое место на «Тульце» и на «Вижасе» («Ужасе»), где был организован сбор войск, с определенной датой – «третий четверг по Петрове дни», т.е. 14 июля.

Место «Талица» впервые упоминается еще в договорной грамоте 1381 г. между великим князем Дмитрием Ивановичем с рязанским великим князем Олегом Ивановичем. В статье 8 договора зафиксирована уступка Олегом Рязанским Москве мест, среди которых

есть Талица: «А что места Талица, Выползов, Такасов, та места князю великому Дмитрию…» (Кучкин, 2003. С. 258, С. 344).

В. А. Кучкин предположил, что это место находится «на юг от Оки» (Кучкин, 2003. С. 259). А. В. Дедюк отметил существование двух речек Талиц в бассейне р. Цны, Талицкого бортного ухожая «на реке Цне», приписанного к с. Березово, указанного в писцовой книге Верхоценской дворцовой волости 1621/22 гг. письма Федора Чеботова, а также существование в этой волости д. Талица и предположил, что именно там и находилась Талица московско-рязанского договора (Дедук, 2018. С. 335).

Действительно, место для сбора войск должно было находиться в хорошо защищенном месте в пределах Русского государства, на юго-востоке от Рязани, которое было хорошо известно и к которому вели пути. Его следует искать в западной части Мещеры – Мещерского уезда, включавшего в то время в свой состав территории будущих Шацкого, Касимовского, Кадомского и Темниковского уездов.

Наиболее удобным в логистике местом для сбора войск к юго-востоку от Рязани подходили места на р. Цне в районе устья р. Выши и ниже по течению, располагавшиеся к северо-востоку от Шацких ворот, под прикрытием засеки. В районе устья Выши часть сел принадлежала московским князьям уже с 1503 г., образуя ядро, вокруг которого формировалась Верхоценская волость (Напольникова, 2017. С. 47). С этого времени появляются и жалованные грамоты московских князей татарским князьям и мурзам на владения в этом регионе. В одной из грамот, датируемой между 1503 и 1505 годами, выданной Акчюре Адашеву, упоминается великого князя село Купля, которое располагалось у устья р. Выши (Напольникова, 2017. С.48). К середине XVI в. здесь проживали значительные группы населения, разные в этническом и религиозном отношениях: русские крестьяне, бортники, служилые татары и мордва.

В 19 км ниже устья Выши, на Цне и находилась д. Талица, отмеченная на картах 1787 г и 1788 г. между с. Березово и Новое Березово (Топографическая карта Шацкого уезда 1787 г., Генеральная карта Тамбовского наместничества 1788 г.). На последующих картах деревня больше не была обозначена, но на атласе А. И. Менде через Старое Березово проходит овраг Большая Талица, а Большое Березово и Новое Березово разделяет овраг Мокрая Талица. Оба оврага впадают в Цну. Напротив, за Цной, располагался Талицкий бортный ухожай, одним из рубежей которого было озеро Ажа «…верхней рубеж от реки от Черные вниз по Цне, по обе стороны, по Киреево столбище, и по осиновой залес, по озеро по Праху, и по старой затон. А от затону по озеро по Ажу, а от Ажи вверх речки Арги по Аргинское селище…» (Напольникова, 2017. С. 108).

Таким образом, эти окрестности Талицы (Тульцы), видимо и имелись в виду, как место следования полков южного фланга, которым следовало «стать» на «Вижасе» («Ужасе»). Озеро Ажа вряд ли подходит для стана, так как находилось в лесу на правом берегу Цны. Но среди правых притоков Цны на атласе А. И. Менде обозначен овраг Ужевский, впадающий в Цну напротив д. Ужево. Большая дорога проходит с севера параллельно этому оврагу и именно в этом месте и пересекает Цну (рис. 4).

Таким образом, и в логистическом плане, и с большой вероятностью, локализованное по топонимическим данным, указанное место у Цны являлось местом для сбора войск полков южного фланга. По аналогии с Муромом, за Цной к востоку простирался Цненский лес, который и должны были преодолеть войска сразу после выступления, также, как и Муромский (Саконский) лес должны были в начале похода преодолеть войска, идущие на северном фланге с царем.

Чтобы попасть на Цну, войска преодолели 82 км от Коломны до Рязани и еще 180 км от Рязани до Цны, что при скорости 30-35 км в день составило бы 8 – 9 дней. Если принять время выступления из Коломны синхронно с царем, 3 июля, время перехода (8 – 9 дней) плюс 2 дневки, то дата – «третий четверг по Петрове дни», т.е. 14 июля, вполне соответствует времени сбора трех полков с целью дальнейшего похода от пределов Русского государства на соединение с полками государя (царь прибыл в Муром 13 июля). Войска находились на одном меридиане, только в 165 км друг от друга. После этого, также, как и войска в Муроме, южные полки имели время на отдых перед маршем в поле. Не позднее 20 июля – даты выступления полков из Мурома, можно предположить и выступление войск южного фланга.

А. М. Курбский впоследствии сообщал: «А нас тогда послал со треманадесять тысящей люду, чрез Резанскую землю и потом чрез Мещерскую, идеже есть Мордовский язык. Потом препроводясь, аки за три дни, Мордовские лесы, изидохом на великое дикое поле и идохом от него по правой руце, аки в пяти днях конем езду; понеже мы заслониша его тем воиском, еже с нами шло, от Заволских Татар [бояшебося он, да не приидут на него безвесно те княжата Нагаиские] (Курбский, 1915. С. 17).

В сообщении Курбского указана вторая цель разделения полков - южный правый фланг находился в пяти переходах от царских войск, заслоняя их от возможных нападений Заволжских татар, т.е. ногаев. Ногайская орда являлась еще одним потенциальным союзником Казани. Их верховным правителем (бием) был Юсуф, к которому в марте прибыли гонцы с Казани с просьбой направить к ним Ядгар-Мухамеда. 15 июля уже в Муроме царю докладывал служилый татарин Сенка Тутаев, что крымский хан предложил бию объединится с ним и выступить против русского царя «А при них ис Крыма пришли в

Нагаи послы к Юсуфу князю и ко всем нагаиским мирзам, 30 человек, с тем, чтобы с царем содиначились на царя и великого князя, людей бы от себя войною посылали. А крымский царь по тому ж людей своих учнет посылати» (Парадеев, в подгот.). Но нападения ногайцев не произошло. Е. И. Парадеев привел следующие причины: это экономические интересы (продажа лошадей в Москве – неотъемлемая часть торговых отношений с Ногайской ордой), отсутствие среди знати внутри Ногайской Орды единства; каждый преследовал свои интересы, некоторые были лояльны к Москве. Свою роль сыграл и Исмаил-мирза, который не поддерживал агрессию против Русского государства. Кроме того, дочь бия Юсуфа – царица Сююмбике с сыном Утямиш-Гиреем находилась при Шах-Али (Парадеев, в подгот.).

Путь южного фланга войска проходил в том числе по дорогам, используемым ногайцами для торговли или нападений на Рязанские и Мещерские места. Под Мещерской землей понималась территория Мещерского уезда, включавшего в себя бассейны Цны и Мокши. Согласно выводам исследователя исторической географии Мещеры А. В. Белякова в это время границы Мещерского уезда на востоке и юго-востоке были условны, бортные ухожаи мордвы и татар уже в середине XV в. простирались вплоть до р. Суры, а также вероятно, часть лесных массивов использовалась чересполосно с казанскими татарами (Беляков. Историческая география мещеры в XVI – XVII вв. 2019). Мордовские леса, упоминаемые в сообщении А. М. Курбского, это леса к востоку от Цны – Цненский лес, где находились бортные ухожаи мордвы. Путь через лес прошел, вероятнее всего, по одной из дорог, пересекающих лес в широтном направлении. При выходе из леса дорога уходила на юго-восток, в степи, в бывший Наручадь (Наровчат, Мохши), и в направлении будущих Нижнего Ломова и Керенска (совр. Вадинск). В 1680 г. при описании укреплений в Большом Цненском лесу указана большая дорога из Щацкого через реку Цну в Керенск, в Верхний и Нижний Ломов (Лебедев, 2006. С. 24). В этом же описании дано название двух дорог – Большой Ломовской и Казачьей, а также упомянуты с. Вадалово и деревня на Парце да на Лаудане, построенная Федором Ваильевым сыном Зубова (совр. Зубова Поляна) (Лебедев, 2006. С. 24). Видимо не случайно здесь, на важном направлении, на р. Вад, были поставлены Авдаловские ворота в засечной черте, местонахождение которых исследователи связывают с с. Авдалово (Лебедев, 2006. С. 12; Лезина, 2024. С. 195). Путь через леса составил три дня, после чего войска вышли на «великое дикое поле» – степные пространства в левобережьях рек Мокша и Исса, соединявшихся на севере с степными участками долины р. Инсар (Инзеры), правых притоков Алатыря и р. Большой Сары.

Если проанализировать размещение степных участков, связанных друг с другом от р. Парцы, притока р. Вад в направлении р. Большой Сары, учесть ландшафт местности, приняв во внимание пологие долины рек и самые ранние дороги, упоминаемые в источниках

и позднее зафиксированные на картах, а также направление возникших позднее засечных черт и расположение поставленных на дорогах в засеках ворот и крепостей, то можно наметить основные направления маршрута войск южного фланга.

Через лес, по сообщению Курбского, войско прошло за три дня, преодолев 80 км. На выходе из леса стан мог быть на р. Студенец, левом притоке р. Парцы. Около 80 км за три дня через Цненский лес «изидохом» вполне сопоставимо со скоростью движения северного фланга (77 км через Муромский (Саканский) лес). Значение скорости похода полков южного фланга, сопоставимое со скоростью пути полков с царем, не позволяет предполагать, что войска выступили на несколько дней ранее даты 20 июля.

Таким образом, 22 июля войско вышло в степи. В верховьях Большой Сары войско было уже вероятно 2 августа, потому что посланнику от воевод еще понадобилось время, чтобы преодолеть 35 км и донести известие государю о своем прибытии. Соответственно, за 11 дней войскам предстояло пройти 250 – 260 км по степи, что с учетом двух дневок и 9 дней движения при средней скорости 25 – 30 км в день было вполне осуществимо.

В связи с отсутствием письменных свидетельств, автор выдвигает версию возможного маршрута движения войск левого фланга от Цны до Суры (Таблица 3, рис. 6).

В представленную версию включены две предполагаемые дневки. Путь укладывается в существовавшие степные участки, то или иное отклонение обусловлено реальными препятствиями, мешавшими быстрому темпу движения. Так, сначала отклонение к северу должно было быть вызвано обходом лесов по правобережью Мокши, затем по степному коридору вдоль левого берега Иссы войска вышли в степные пространства между Иссой и Инсаром, и снова, «языки» степей позволили пройти к степям к югу от Алатыря (Рис.5). Маршрут войска проходил большей частью по основным дорогам, сложившимся еще в золотоордынское время, ведущих из Казани, Укека, Прикаспия, Крыма. Используя разные их сегменты, войска прошли по ним к цели маршрута максимально быстро. Это участки дорог: в Ломовскую степь, участок Нагайской (Астраханской) дороги от Темникова на будущие города Инсар и Пензу, участок Крымской дороги от Каменного брода через Иссу на р. Инсар и окрестности Саранска (Лебедев, 2006. С. 8). В общих чертах эти дороги существуют на ПГМ Инсарского, Саранского уездов и геометрической генеральной карте Симбирской губернии. На этих путях при строительстве засечных черт в XVI-XVII вв. были поставлены ворота в засеках и крепости (Авдаловские ворота, Инсар, Саранск). Кроме того, Ландкарта Пензенской провинции 1730 г. и ПГМ конца XVIII свидетельствуют о лесных массивах, сохранившихся к тем временам, соответственно, существовавших в XVI веке, являвшихся препятствием для прохождения войск. Еще раз подчеркну, что это гипотеза, и могут быть ошибки в определении дат и мест стоянок, стоянок могло быть больше, если

войска вышли раньше 20 июля, но, в целом, представленное направление маршрута наиболее оптимально из других потенциально возможных.

Можно предположить, что этот путь был известен как станичникам, несшим сторожевую службу, так, возможно и некоторым воеводам, хотя в летописях и разрядах прямого указания на подобный поход не встретилось. Возможно, этим же маршрутом был совершен поход отряда из Мещеры на Волгу в 1551 г. когда «из Мещеры послал государь Полем пеших казаков на Волгу Севергу да Елку, а с ними 2500 казаков, а велел им, пришедши на Волгу, суды поделати да поити вверх по Волге воевати Казаньскых мест» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 164). То есть казаки должны были придти на некое место на Волге, на юге ханства, а оттуда подниматься уже вверх по реке, разоряя окрестности, отвлекая на себя силы (атаман Северга попал в плен весной 1552 г. и был казнен в Казани (ПСРЛ. Т. XIII. С. 178).

Всего поход южного фланга, по сообщению А. М. Курбского, длился пять недель, что фактически, с учетом отдыха, составляет действительно 33 дня (с 3 июля по 4 августа). Войска в походе испытывали голод и нужду, продовольствие закончилось за 9 дней до конца пути, то есть в районе р. Иссы. Спасало войско рыбная ловля и охота (Курбский, 1915. С.17). Что еще обращает внимание – сообщение «в пустых тех полях», то есть Курбским не отмечено какое - либо проживавшее население, и это, в отличие от движения северного фланга, отличало путь южного фланга. Но и в этом случае стоит отметить, что поселения, если и были, располагались под прикрытием оврагов и лесов, вследствие общих факторов, влиявших на расселение. Например, о расположении марийских и черемисских сел Курбский писал: «…у них села при великих крепостях ставлены и незримы, аще и поблизку ходящим», то есть пройдя поблизости, можно не всегда заметить поселение, что относилось, в том числе и к мордовским селам (Курбский, 1915. С. 18).

14 стан на пути движения войск с царем был на реке Суре под Баранчеевым городищем (ПСРЛ. Т. XIII. С. 199), у устья р. Барыш. На Суре государя встретили посланные из Свияги от воевод Никита Трофимов и Роман Пивов «а с ним горние люди Янтуду-мырза да Бузкей да Кудабердей с товарыщи» (ПСРЛ. Т. XIII. 200). Они сообщили, что была еще одна экспедиция воевод П. И. Шуйского и Д. Р. Захарина - Юрьева в последние очаги восстания, которые были ликвидированы «и горние люди все государю добили челом и приложилися к Свиязскому городу» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 200). Таким образом, остро стоявший в период весенне – летней кампании вопрос «измены» горних людей был решен. Иван IV простил горных людей, отдав распоряжение на реках мостить мосты и расчищать тесные места по дороге, что и было выполнено впоследствии «они же тако учиниша, на всех реках мосты мостили» (ПСРЛ. Т. XIII. 200). В Свияжск был послан Васка Тетерин, с наказом

воеводам встретить объединенное войско на Свияге за два перехода от Свияжска (ПСРЛ. Т. XIII. С. 200).

Вопрос о переправе через Суру в районе Борончеева городища был поднят Е. Парадеевым (Парадеев, 2019. С. 80). Им же был указан район Промзина городища, как наиболее удобного места для переправы войска, располагавшегося выше по течению р. Суры. Кроме выгодного географического положения (минимальная ширина лесного массива на правом берегу Суры), на это указывает ряд факторов. В «Книге Большому Чертежу» именно от Парамзина городища сделаны промеры до других объектов, включая устье Суры, существование перевоза в селе Поромзино городище подтверждается Писцовой книгой Карсунского и Симбирского уездов 1685 – 1686 гг. (Парадеев, 2019. С. 81). Видимо, этим перевозом через Суру пользовались и в более ранние время, так через этот перевоз переправлялось в 1489 г. ногайское посольство, направлявшееся от Волги от устья Чермешана «полем до Суры до Папулы до мордвина» (Гераклитов, 2011. С. 94).

Наконец, 15 стан, «на речке Кивате», располагался южнее слияния Суры и Барыша.

Часть войск, в том числе полки южного фланга, переправлялись через Суру в районе Промзина городища, так как по указу государя от Большой Сары они шли прямо к Суре и должны были переправляться выше по реке, чем войска, что шли с царем «возитися выше себя для тесноты людем, а к собе им велел быти за Сурою-рекою на полях» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 199). Для переправы войск, возможно, для тех, что переправлялись у Боранчеева городища, по свидетельству летописи, на реке на Суре поделаны были «многие мосты» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 200). Лишь когда государь перешёл реку Суру, к нему, уже в полях, пришли воеводы И. Ф. Микулинский «с товарищи» с правой стороны: «И перешел государь Суру-реку, и тут на полях пришли к государю справа воеводы его государевы боярин и воевода князь Иван Феодорович Мстиславьской с товарыщи» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 200). После объединения войск был сформирован порядок дальнейшего следования к Свияжску. Впереди ертуол, за ним Передовой полк, за ним Государев полк, следом Большой полк, замыкал колонну Сторожевой полк. Полк правой руки и полк левой руки, соответственно двигались справа и слева от государева полка (ПСРЛ. Т. XIII. С. 200).

Дальнейший путь войска пролегал по территории, еще формально числившейся за Казанским ханством, но фактически, где проживало население, присягнувшее Москве. Путь к Свияжску сведен в Таблицу 4.

В заключительные 9 дней похода войско прошло 238 км со средней скоростью 30 км в день и совершило одну дневку сразу после перехода р. Суры.

Местность, по которой проходили войска, по описанию А. М. Курбского, представляла дикое поле, чередовавшиеся с дубравами и изредка лесами: «И от тое реки шли

есмя воиском 8 дней, полями дикими и дубровами, негде же и лесами» (видимо, Курбский не принял в расчет дневку). В отличие от пути через пространство между Цной и Сурой, он сообщает и о расположении поселений местных жителей: «а сел со живущими зело мало, понеже у них села при великих крепостях ставлены и незримы, аще и поблизку ходящим» (Курбский, 1915. С. 18).

Отметим, что все же большая часть пути войска проходила по «дикому полю». Первоначально войско двигалось на северо-восток по степным пространствам, в которых попадались острова дубрав. Широко, от Барыша до Карлы раскинулись степи, далее сужаясь к Буле, позволявшие войску беспрепятственно совершать 30-км переходы в день. От р. Булы до р. Бия степь представлена участком по левому пологому склону долины р. Свияги. Далее она прерывалась р. Кубня. На этом направлении на ПГМ Свияжского уезда показана большая дорога. Левый берег р. Кубня был лесистый, за 7-км лесной полосой левого берега на севере и находилось «поле Итяково». В «Писцовой и межевой книга города Свияжска и его уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина 1565 – 1567 гг.» встречаем деревню Меньшее Итяково, принадлежащее Богородицкому монастырю, бывшее ранее мордовским, и сельцо Большое Итяково, в которой проживали татары и чуваши (Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда…).

И лишь последний переход представлял путь, чередовавшийся полями, дубравами и лесами. От поля Итякова маршрут мог направляться в район расположения д. Албабы и д. Рязанова Новая (в описании границ земель д. Албабы, смежными с землями д. Рязанова Новая и Молвина в писцовой книге упоминается Московская дорога (Парадеев, 2019. С. 81). Также Московская дорога в писцовой книге встречается у д. Ашесыры, расположенной около р. Бувы (ныне в этих местах есть населенные пункты Большие и Малые Ачасыры (Парадеев, 2019. С. 81). На последнем отрезке пути войска прошли рядом с деревнями Большое и Новое Хозяшево в которых, по сообщением писцовой книги, «жили в войну казаки и чуваша казанские люди» (Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда…).

Путь войска сопровождался прибытием к царю делегаций от населения, проживающего в Правобережье Волги. Первые отряды чувашей и марийцев встретили царя у Суры, большая делегация прибыла к государю на стан на Чивле. Это же отмечал и А. М. Курбский: «Егда же переплавишася Суру реку, тогда и Черемиса Горняя, а по их Чюваша зовомые, язык особливый, начаша встречати, по пяти сот и по тысеще их, аки бы радующеся цареву пришествию…» (Курбский, 1915. С. 18).

Для войск южного фланга голод прекратился с прибытием на Суру и встречей с северным флангом войска: «И того дни хлеба сухаго наядохомся со многою сладостию и

благодарением, ово зело дорогаго купующе, ово позычающе от сродных, и приятел, и другов» (Курбский, 1915. С. 17). В дальнейшем проблемы питания не возникало: «И ту уже нам привожено и, по странам ездя, добывано купити хлеба и скотов. Аще и зело дорого плачено, но нам было, яко изнемоглым от гладу, благодарно…» (Курбский, 1915. С. 18).

После выхода со стана на Бее, за два дня перехода до города, выполняя наказ государя, государевы полки встретила отряды, прибывшие из Свияжска. Один полк возглавляли трое воевод, прибывших весной в Свияжск, другой полк четверо воевод, годовавших в Свияжске, третий полк составляли горние люди, князи, мурзы, казаки, черемисы, чуваши.

В субботу 13 августа, в праздник Успения Богородицы, царь вошел в Свияжск, где его встречали князь «Петр Иванович Шуйской ди Семен Константинович Заболотской с товарыщи, и дети боярские и стрелцы и все люди» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 201). «И воеводы встретили государя со всеми полки в пятницу, августа в 13 день. И государь прииде к городу Свияжскому в суботу, в препразнество пречистые богородицы честнаго и славнаго ея успения. И стал государь в шатрех от Вязовых гор в лугах и бояром своим ближним велел стати от города Свияжского на все стороны по семи верст, воеводам же велел стати по достоянию, что вблизи за множество людей стати невместимо. И стояли государевы ратные люди верст по пятнатцати на все стороны» (РК 1605. С. 421).

Продуманные решения планирования кампании 1552 года привели к успеху первой части похода. План похода, практически без потерь, был выполнен, переброска на большое расстояние воинских контингентов была успешно завершена при четком и максимально детально организованном марше в жаркое летнее время. Войска подошли к непосредственному театру военных действий без потерь и готовыми к предстоящим сражениям. Важную роль играли при этом военно-сторожевая разведка - "яртуол", инженерное обеспечение продвижения, помощь местного населения, а также знание военных путей на обширных территориях Поволжья. За два месяца войска преодолели от 1000 до 1100 км. Немаловажное значение имело использование водных путей в доставке тяжелой артиллерии, снаряжения, запасов и оперативной переброске части войск. Одновременно, в течение весенне-летнего периода были устранены угрозы со стороны крымских татар - военным путем, со стороны ногайских татар – дипломатическим путем, и военно-дипломатическими усилиями приведены вновь под власть Москвы народы, проживавшие на территории Правобережья Волги непосредственно у решающего театра военный действий.

Список источников и литературы

Александро-невская летопись// Полное собрание русских летописей. Т. 29. М., 1965. 389 с.

Бахтин А. Г. XV – XVI века в истории Марийского края. Йошкар – Ола. 1998. 192 с.

Белов Н. В., Микитчук М. Д. Летописная Повесть о Казанском взятии XVII века // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 3 (15). С. 113 – 150.

Беляков А. В. (2019) Историческая география мещеры в XVI – XVII вв. // Российская история. – 2019. – Выпуск 1 С. 72-85. URL: https://russian-history.ru/s086956870004242-7-1/

Беляков А. В. (2019а) Формирование границ в Мещере (история одной ошибки) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 289-294.

Генеральная карта Тамбовского наместничества 1788 г. URL: http://www.etomesto.ru/map-tambov_namestnichestvo-1788/?y=54.180035&x=41.991062

Гераклитов А. А. Кирдановская мордва // Гераклитов А. А. Избранное: в 2 ч. / Гераклитов А. А.; редкол.: В. А. Юрченков и др.; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовии. – Саранск, 2011. Ч. 1. С. 94 – 98.

Герберштейн С. Записки о Московии. СПб., 1866. – [2], VI, 230, XIV с.: 24.

Дедук А. В. Московско-рязанское порубежье XIV – начала XVI в.: методика локализации. Дисс… канд. ист. наук. М. 2018. 341 с.

Жуков А. Е. Разрядные записи из сборника БАН, 16.17.34 как источник по истории Казанского похода 1552 г. // Slověne. 2019. Vol. 8, № 1. С. 405 – 428.

История о Казанском царстве (Казанский летописец) // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XIX. СПб., 1903. 302 с.

Инжутов А. А. Казанский поход 1547-1548 гг. Хронология похода. Маршруты движения войск // Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн [текст]: сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. – Нижний Новгород; Свияжск, 2024. С. 115 – 132.

Курбский А. М. История о Великом князе Московском. СПб. 1915.

Кучкин В. А. Договорные грамоты Московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М. 2003. 367 с.

Лебедев В. И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза. 2006. 124 с.

Лезина Е. П. Темниковская засека: пограничная служба и пограничная черта в системе защиты «украины» Русского государства в XVI – первой трети XVIII в. // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 2. С. 191–202. URL: https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.02.191-202

Напольникова П. Г. Цнинская мордва. Вхождение в состав Московского государства в XVI – первой четверти XVII века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тамбов. 2017. 206 с.

Парадеев Е. И. Пара слов о Царевой сакме. СПб., 2019. 92 с. [Электронный ресурс]. URL: http://paradeev.com/wp-content/uploads/2019/08/Пара-слов-о-Цареве-сакме.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

Парадеев Е. И. Восстановление маршрутов старинных дорог XVI - XVII веков на основе сведений о межах // Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн: сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного битвы на Константиновом поле 1549 года/ под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. Нижний Новгород, 2022. С. 106-142.

Парадеев Е. И., в подгот. Ход заключительной военной кампании против Казанского ханства.

Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XIII. СПб., 1904. 302 с.

ПГМ Инсарского уезда // http://www.etomesto.ru/map-mordoviya_insarskiy-uezd/?ysclid=m7cd04vw79970123290

План Саранского уезда 1805 года // http://www.etomesto.ru/map-mordoviya_saranskiy-uezd-1805/

ПГМ Свияжского уезда // https://raremaps.ru/vse/kazanskaya-guberniya.html?ysclid=m7cdarf253263487219

Геометрическая генеральная карта Симбирской губернии // http://www.etomesto.ru/map-ulyanovsk_simbirsk-gub-1797/?ysclid=m7cd5hc3m6662137479

Разрядная книга. 1475 – 1598 гг. М.: Наука, 1966. 615 с.

Разрядная книга 1475 – 1605 гг. Т. 1. Ч. 3. М.: Наука, 1977. С. 408 – 559.

Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда, письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Димитрия Андреевича Кикина (1565 – 1567 г.). Казань, 1909. URL: http://krotov.info/acts/16/2/1565sviyazhsk.htm?ysclid=m7avmc98j7183263284.

Топографическая карта Шацкого уезда 1787 г. URL: http://www.etomesto.ru/map-ryazan_shatskiy-uezd-1787/?ysclid=m7wdvw3hvx36056527&y=54.193771&x=41.985134.

Таблица 1. «Судовая рать» в походе 1552 года.

Событие, связанное с отправкой «судовой рати»	**Дата отправки, дислокация**	**Командующие**	**Состав отправляемых войск/состав грузов**	**Указания**	**Примечание**
Известие о произошедшем перевороте, получено 24 марта «навечерие Благовещениа Пречистыа»	Начало апреля «на судах с ледом»	Д. Р. Захарьин-Юрьев	Дети боярские, казаки	Отпустить с Свияжска В. Морозова и передать указание Шах-Али отправиться «с царицей» и сыном Утямиш-Гиреем в Городок	Доложено о прибытии на место государю в апреле
Решение военного совета		А. Б. Горбатый-Шуйский, П. И. Шуйский, М. Я. Морозов	Войска/ артиллерия	«Да и многие свои запасы послал на прекормление воинству, и ключников своих отпустил со всем дворовым запасом»	
Доклад М. Шипилова: - об эпидемии в Свияжске; - о волнениях горных людей, в том числе по речке Цивили	апрель (из Нижнего)	А. Б. Горбатый-Шуйский, П. И. Шуйский	Кто успел собраться (дети боярские)	«следовать им наспех в Свияжск».	Доложено о прибытии на место государю
Доставка артиллерии в Нижний Новгород		С. К. Заболоцкий, М. Я. Морозов (артиллерия)	Дети боярские		В мае на совете сообщено: «многие люди с воеводами уже отпущены на судах, а также наряд большой и запасы»
Послание митрополита Макария войску в Свияжск	21 мая отправлено в Нижний Новгород		Войска/ артиллерия	Послание должно было быть доставлено в Свияжск	К этому времени артиллерия, по крайней мере, часть ее, еще не была

					доставлена в Свияжск
Военный совет	май		Припасы и снаряжение	Отправка к Мурому и к Свияжску	
	13-19 июля, из Мурома	Шах-Али, П. А. Булгаков «с товарыщи».	Дети боярские, стрельцы, люди Шах-Али, астраханские царевичи Кайбула и Дербыш-Алей с татарами	Очередная организованная отправка рати на судах	

Таблица 2. Путь войск от Мурома до Суры в походе 1552 г.

Номер стана	Местоположение	Событие (ПСРЛ. Т. XIII. С.199).	Дата, указываемая в летописи	Дата реконструируемая	Расстояние перехода от предыдущей стоянки
1	на лесу на реке Велетме от города пол-30 верст		20.07.1552		20
2	на Шилекше			21.07.1552	27
3	под Саканьским городищем			22.07.1552	30
4	на Поле на Ирже			23.07.1552	24
5	на Авше-речке			24.07.1552	20
6	на Кевсе			25.07.1552	30
7	на озере на Икше			26.07.1552	17
8	на озере, не дошед Пианы-рекы	«к государю пришел из Городка Ак-сеит Черевсеев со всеми Городецкыми князьями и мурзами и Татары, а шел Сеит на Монсыров угол; и государь ему велел итти с ертуолом вместе. И на Пьяне государь велел мосты поделати многие и пошел»		27.07.1552-28.07.1552	30
9	на Дубровке-озере			29.07.1552	30
10	на речке на Медянке			30.07.1552	30
11	на речке на Мяни	«и тут государь на воде стоял и воду святили»	01.08.1552	31.08.1552-01.08.1552	35
12	на Алатаре-реке	«и тут пришел к государю Еникей князь Темниковский с всеми Темниковскими татары и Мордвою, а на Алатаре зделал до государя три мосты»		02.08.1552	20
13	на реке на Болшом Саре	«и тут прислали к государю бояре и воеводы его князь Иван Федорович Мстиславской с товарыщи»		03.08.1552	30
14	на реке Суре под Баранчеевым городищем			04.08.1552	20

Таблица 3. Предполагаемый путь войск через Мещеру до Суры в походе 1552 г.

Номер стана	Местоположение	Комментарий	Предполагаемая используемая дорога	Дата реконструируемая	Расстояние перехода от предыдущей стоянки
1	р. Вад	Переход через лес	Дорога в направлении будущего Нижнего Ломова	20.07.1552	33
2	р. Лундан, приток р. Парцы (совр. Зубова Поляна)	Переход через лес	Дорога в направлении будущего Нижнего Ломова	21.07.1552	22
3	р. Студенец, приток р. Парцы (совр. Спасск)	Переход через лес, выход в степь, в район Спасска	Дорога в направлении будущего Нижнего Ломова	22.07.1552	27
4	р. Парца	Движение на современные Абашево к верховьям р. Парца	Остановка на «Ногайской дороге»	23.07.1552	16
5	р. Паньжа	Выход к нижнему течению р. Паньжа		24.07.1552	24
6	р. Мокша	Движение к северу, чтобы обойти лесной массив и пересеченную местность к востоку от р. Мокша. Подготовка к переправе через р. Мокшу		25.07.1552-26.07.1552	20
7	р. Исса, у устья р. Инсарки (место, где в будущем будет основана крепость Инсар)	Переход в долину р. Исса, движение вверх по долине по степному участку	Путь по Ногайской дороге	27.07.1552	30
8	р. Исса, Каменный Брод (либо современная Исса)	Продолжение движения по левому берегу Иссы (чтобы обойти лесной массив на правом берегу Иссы)	Путь по Ногайской дороге	28.07.1552	25(33)
9	р. Ускляй, приток р. Инсар, приток р. Алатырь	Переход через степной участок между р. Иссой и р. Инсар (Инзера) и выход в басс. р. Инсар (выход в басс. р. Сура)	Путь по Крымской дороге	29.07.1552	32 (24)
10	р. Инсар (в районе совр. г. Саранск)	Переправа через р. Инсар и движение по левому берегу (степной участок)	Путь по Крымской дороге	30.07.1552	20
11	р. Аморда	Переход на правый берег р.		31.08.1552	25

		Инсар, путь к р. Аморде, правому притоку р. Инсар			
12	р. Нуя (совр. п. Комсомольский)	По степному участку долины руч. Аморда, правого притока р. Аморда выход к р. Нуя		01.08.1552	25
13	на реке на Болшом Саре	По степному участку по краю присурских лесов выход к р. Большая Сара. Отправлено сообщение государю о прибытии на р. Большую Сару		02.08.1552-03.08.1552	33
14	на реке Суре под Баранчеевым городищем	«И аки бы по пяти неделях со гладом и нуждою многою, доидохом Суры, реки великие, на устья Борыша речки, идеже и он в том же дни с воиски великими прииде» (Курбский. С. 17).		04.08.1552	35

Таблица 4. Путь войск от Суры до Свияжска в походе 1552 г.

Номер стана	Местоположение	Событие (ПСРЛ. Т. XIII. С. 200-201)	Дата, указываемая в летописи	Дата реконструируемая	Расстояние перехода от предыдущей стоянки
15	на речке Кивате	«тут царь благочестивый дневал на Благолепное Преображение Господа нашего Иисусу Христа»	05.08.1552-06.08.1552		21
16	на Якле			07.08.1552	35
17	на Чивлы	«и тут государя встретили многие горние люди, а били челом о своем отступлении: сказывают, страхом от государя отступили, что их воевали казанцы. И государь их пожаловал, проступкы их отдает, и ести зовет и удовляет ествою и питием, отпущает их по их селом, являет им готовым быти с собою, государем, на Казань; они же обещаются государю служити»		08.08.1552	36
18	на Карле			09.08.1552	36
19	на Буле			10.08.1552	30
20	на Бее	«И как государь пошел с стану, и туто его, государя, встретили с Свиаги воеводы его государевы. А шли воеводы на три полкы». В первом полку воеводы и бояре, которые пришли весной на Свиягу (князь А. Б. Горбатой, Д. Р. Юрьев, Б. И. Салтыков), во втором воеводы, что годовали (князь С. И. Микулинский, князь П. С. Серебряной, окольничий Ф. Г. Адашев, князь Ф. Б. Ромодановский), в третьем полку многие горние люди, князи, мурзы, казаки, черемисы, чуваши.		11.08.1552	16
21	на поле на Итякове	«а с Ытякова государь пошел к Свиязскому городу»		12.08.1552	30
22	Свиязский град			13.08.1552	34

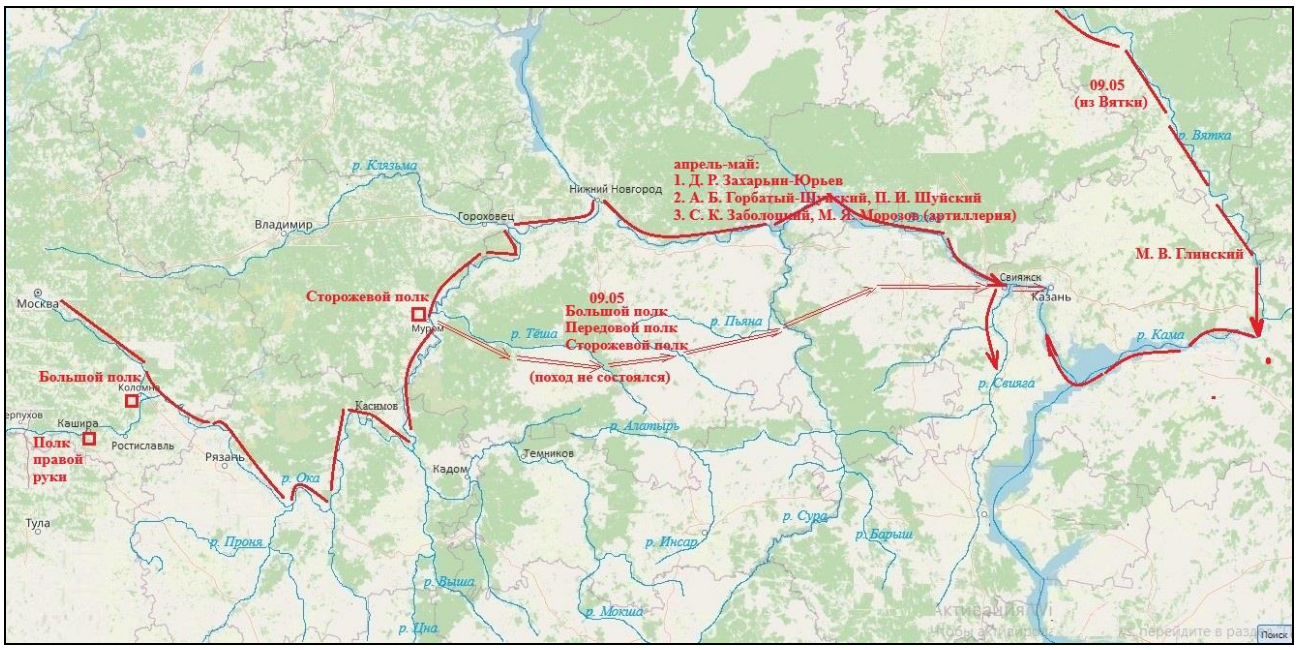


Рис. 1. Схема первого этапа похода 1552 года.

Рис. 2. Схема отражения набега крымских татар в июне 1552 года.

Рис. 3. Схема движения войск в походе 1552 года.

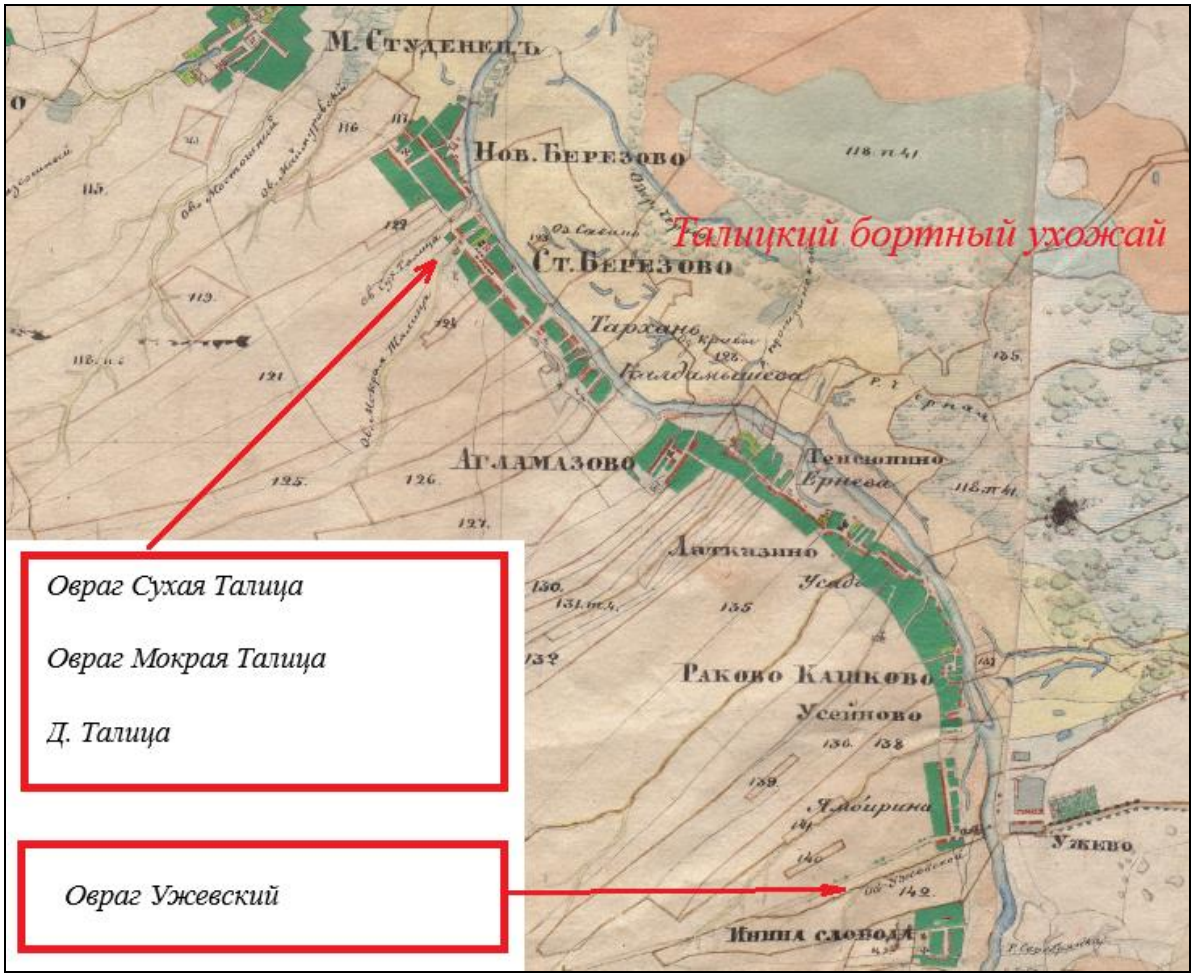


Рис. 4. Район д. Талица на топографическом межевом атласе Тамбовской губернии 1860 года.

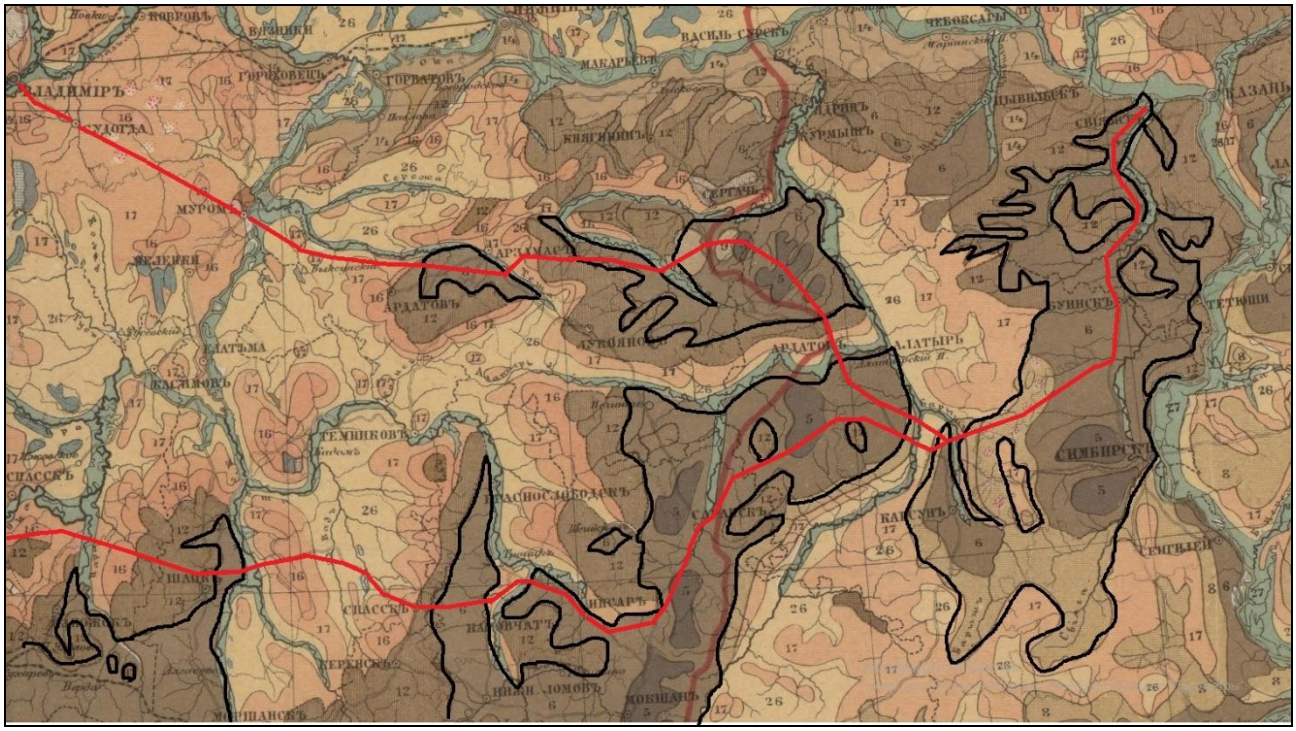


Рис. 5. Наложение маршрута движение войск на почвенную карту.

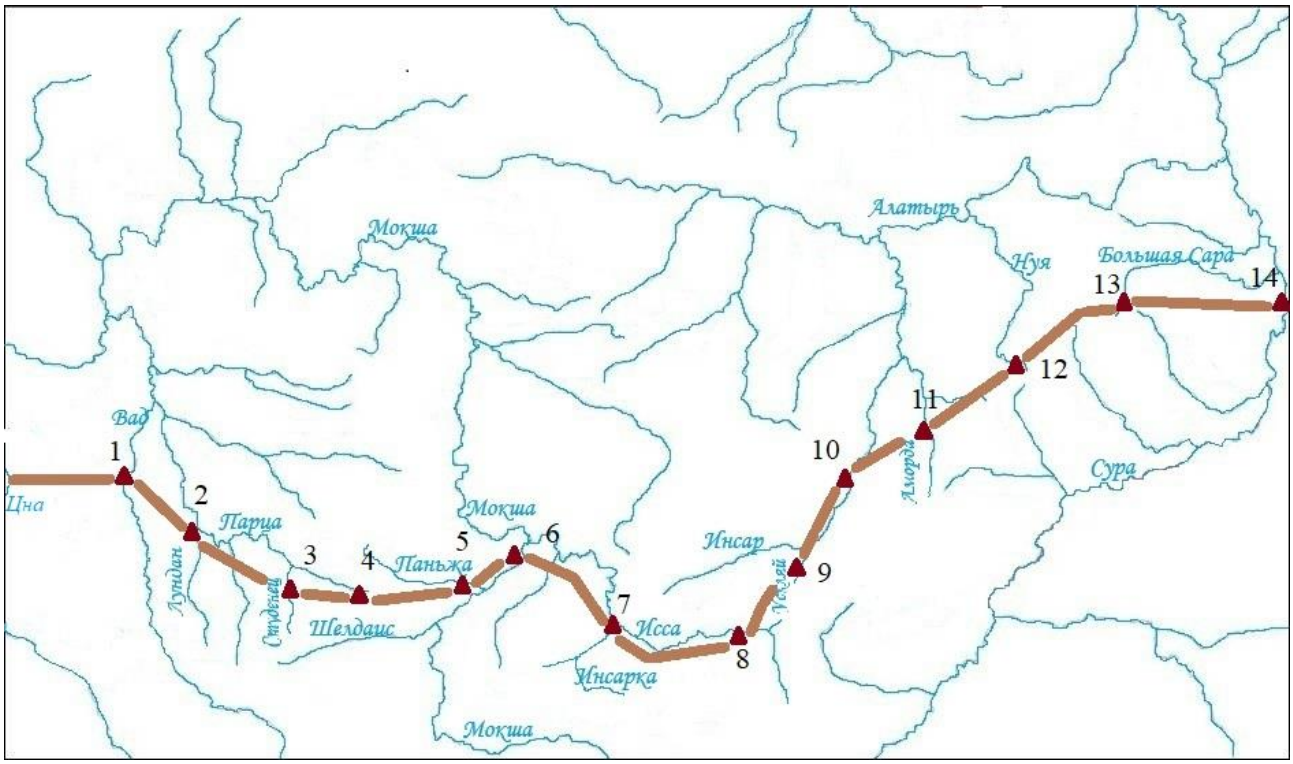


Рис. 6. Схема движения войска от р. Цны к р. Сура (версия автора).

А. В. Малышев
член Союза краеведов России, действительный член
общества «Нижегородский краевед»
ma2502@mail.ru

ЭККЛЕЗИОНИМЫ КАК «МАРКЕРЫ» МАРШРУТА ПОХОДА ИВАНА IV ГРОЗНОГО НА КАЗАНЬ В 1552 Г.

В статье предлагается новый метод реконструкции маршрута и установления царских станов Ивана IV Грозного в казанском походе 1552 года, с помощью экклезионимов.

Ключевые слова: Иван IV Грозный, поход на Казань, 1552 год, экклезионимы Архангела Михаила

Поход Ивана Грозного на Казань в 1552 г. по-прежнему остаётся в фокусе исследований. Основным этапом этого похода был путь от Мурома к Свияжску. Места стоянок войска московского государя в казанском походе подробно указаны в Патриаршей летописи, но сам маршрут до сих пор остаётся невыясненным. Между тем, актуальность его уточнения востребована как для проведения дальнейших исследований, так и для развития туристического потенциала регионов.

Изучение маршрута русского войска по территории современных Нижегородской и Ульяновской областей, республик Татарстана, Мордовии и Чувашии началось ещё в XIX в. Из последних работ хотелось бы отметить «оригинальную» версию арзамасского историка А. С. Петряшина (Петряшин, 2020. С. 107-122). Большую работу в этом направлении провёл исследователь из Санкт-Петербурга Е. И. Парадеев (Парадеев, 2019). Но до сих пор многие детали похода остаются не выясненными, и в данной работе мы предлагаем версию связанную с изучением религиозно-культовых топонимов *(экклезионимов)* расположенных на этом «царском пути».

Нет сомнения, что Иван IV был человеком очень религиозным и глубоко верующим, даже до степени некоторой экзальтации. В целом религия в обществе того времени играла ведущую роль, в связи с чем любые действия монархов, так или иначе обуславливались религиозными мотивами и в том числе мотивами эсхатологическими, представлявшими эти действия как часть борьбы с силами зла (Михайлова, 2013. С. 207-208).

Казанский поход 1552 г., безусловно, имел глубокое религиозное наполнение, и в этом наполнении важно указать на роль и место Небесного архистратига Михаила – одного из семи архангелов. Архистратиг Михаил − главный антагонист сил зла, полноценный символ борьбы с ними. По мнению Д. М. Буланина Архангел Михаил, будучи полномочным исполнителем воли Всевышнего в отношении людей, в средневековой Руси функционально

был приравнен к Богу. Существовал настоящий культ этого архангела, пришедший из Византии. Как считает учёный, особенное значение культ Михаила Архангела приобрел в древнерусской культуре XVI в (Буланин, 2023. С. 12, 14,16). Возможно, и сам православный царь в какой-то мере соотносил свою миссию с миссией Небесного архистратига, ведь начиная с XIV в., Архангел Михаил считался небесным покровителем рода московских князей Даниловичей. «Грозный воевода сил небесных» в борьбе за добро был яростен и жесток, и неслучайно исследователи отмечали, что Архангел Михаил был для Ивана Грозного «учителем», образцом монаршего поведения (Панченко, Успенский, 1983. С. 54-78).

В 1551 г. при строительстве крепости в рязанской земле была обретена икона Архангела Михаила, из-за чего сам город был назван Михайловым (Михайлов. Собор…). Чудесное обретение, возможно определило то, кто будет Вышним покровителем будущей кампании (ПСРЛ Т. XIII, 1904. С. 168). Известно, что в войсковом обозе находились походные церкви, которые были поставлены потом ввиду осаждённой Казани. Одной из этих церквей был храм во имя архистратига Михаила.

Нет сомнения, что по пути следования царя устраивались храмы и часовни, так как практика строительства церквей-обыденок, то есть сооруженных за один день, была известна на Руси. Мы полагаем, что в основном эти культовые объекты посвящались архистратигу Михаилу – победителю злых сил.

Экклезионимы именно в честь этого архангела могут являться своеобразными «маркерами» стоянок царя. Конечно, надеяться на то, что до нашего времени дошли хоть какие-то храмы или постройки XVI в. бессмысленно, однако известно, что в именовании православных церквей есть своя преемственность. То есть, когда на месте обветшавшего или сгоревшего храма строился новый, то освящался он, или один из его приделов, как правило, в честь того же ангела, праздника, иконы или святого, какой носил его предшественник.

Как указал летописец в среду 20 июля (здесь и дальше все даты даны по ст. стилю) Иван IV перешёл через Оку, и уже 13 августа прибыл в Свияжск, то есть в пути войско находилось в общей сложности 25 дней. За этот переход, как указал летописец, царь совершил 21 остановку, то есть 4 дня были потрачены на каких-то станах в связи с теми или иными обстоятельствами, которые мы рассмотрим в исследовании. Вдобавок, у нас есть некоторые даты царских остановок указанные в летописи, и упоминаемые исследователями надписи на артефактах оставшихся от похода, которые также помогут пролить свет на график движения царского войска. Отметим, что летописец чётко привязывал станы к источникам воды – рекам или озёрам, что в первую очередь объяснимо необходимостью снабжения большого войска водой, но также и сравнительной редкостью в те времена в этих

краях крупных городов и знаковых мест, которые могли бы послужить ориентиром для современников и потомков. Только 3-й стан «под Саканськым городищем», и последний 21-й «на Итяковом поле», указаны без привязки к водным объектам, что само по себе говорит о значимости этих топонимов для современников.

Итак, в среду 20 июля русская армия начала переправу через Оку. Летописец однозначно указал, что после форсирования Оки, царь «того дни», то есть того же 20 июля ночевал уже на месте 1-го стана. По оценкам современных историков общая численность царской армии составляла порядка 45-55 тысяч бойцов (Белов, 2023. С. 103). Многочисленное войско двигалось достаточно широким фронтом, и, несомненно, использовало все возможные пути следования, для чего и понадобились проводники из местного населения известные из преданий. Также и любой армейский стан не был узко ограниченной площадкой, а занимал довольно большую территорию, по оценке И. А. Милотворского «в 6-7 вёрст длиною» (Милотворский, 2005. С. 210-211).

1-й царский стан был «на реке Велетьме от города пол-30 вёрст» (ПСРЛ Т. XIII, 1904. С. 199). Это означает, что войско отошло от Мурома на 25 вёрст. В старину в русском счете существовала такая мера как «пол». Она означала половину последнего десятка (Каптерев, 1939. С. 159). Следовательно, войско отошло от Мурома где-то на 27 км. Как правило, исследователи применяют это расстояние ко всему маршруту царского войска, полагая, что и расстояние между другими станами было равно этой величине. Однако в этот день было потрачено время на переправу через Оку, следовательно, расстояние между другими станами, при условии движения в течение всего светового дня могло быть большим.

Отметим, что следование войска вдоль левобережья Велетьмы, через 25-27 км пути позволяло выйти к водоразделу Велетьмы и Тёши, откуда после отдыха, и переправы через первую, уже можно было двигаться по левобережью последней. Вслед за Е. И. Парадеевым предположим, что направление движения русского войска от муромской переправы было устремлено к тому месту, где стоит современное село Саваслейка Кулебакского р-на Нижегородской обл (Парадеев, 2019. С. 21). И характерно, что современный храм в Саваслейке именован в честь Архангела Михаила. При этом известно, что первый деревянный храм в селе был построен в нач. XVIII в (Саваслейка. Церковь…). Допускаем преемственность этого храма от самой первой часовни или церкви-обыденки устроенной здесь по приказу Ивана IV.

От 1-й стоянки царское войско вышло уже к левобережью Тёши, и 2-й стан царя находился рядом с устьем речки Шилокши, где сейчас расположено село Шилокша Кулебакского р-на Нижегородской обл. Храм Михаила Архангела в селе Шилокша, был построен сравнительно поздно – в 1915 г (Шилокша, Церковь…). Однако Макарий

упоминал, что 2-й стан Грозного, находился «на том месте, где теперь находится церковь в селе Выксунского завода» (Макарий, 2005. С. 189).

П. И. Мельников, посещавший Шилокшу, указал, что она была заселена работниками с Выксунского завода (Живова, Малышев, 2024. С. 201-202). Таким образом «церковь в селе Выксунского завода» и указание Макария на 2-й стан говорят о том, что церковь, на месте где стоит Шилокша существовала, только сведения о ней не сохранились. На Шилокше царь провёл ночь с четверга 21 июля на пятницу 22 июля. Расстояние между Саваслейкой и Шилокшей по дороге равно 30 км, и, очевидно, что расстояние в 30-35 км и будет составлять длину перехода в течение светового дня, при условии отсутствия задержек и помех.

Место 3-го стана Ивана Грозного летопись указывает «под Саканьскым городищем». Сегодня это село Саконы Ардатовского р-она Нижегородской обл., а данное городище, именуемое жителями Сакон «Городок» находится в устье речки Саконки впадающей в Тёшу слева. Сейчас рядом с ним стоит церковь Живоначальной Троицы с двумя приделами: Св. Василия и святого Николая Чудотворца. Два этих придела основаны в память двух церквей существовавших в Саконах в XVII-XVIII вв. – церкви Св. Василия Кесарийского, и церкви Николая Чудотворца. Никольская церковь была построена здесь первой, из-за чего село в документах XVII в. называлось «Саконы, Никольское тож» (Базаев, 2015. С. 279).

Как видим, никакого «намёка» на Михаила Архангела в названиях этих церквей нет. При этом Макарий допускал, что стана Ивана IV в Саконах не было, и это допущение, скорее всего, верно (Макарий, 2005. С. 194). Дело в том, что летопись указывает нам, что 3-й царский стан находился «под… городищем», что можно истолковать как «рядом с городищем», или недалеко от него. Царская стоянка могла быть устроена рядом с Саконами, чему есть подтверждение, если следовать нашей версии.

В своих исследованиях посвящённых царскому походу Н. М. Щегольков указал, что на дверях существовавшей в Саконах до 1872 г. деревянной церкви сохранялась надпись, сделанная самим Иваном IV, о том, что он проходил здесь 24 июля 1552 г (Щегольков, 1911. С. 12). Если войско вышло из Мурома 20 июля, и в этот же вечер было на месте 1-го стана на Велетьме, то на 3-ем стане, через два перехода, оно должно быть пятничным вечером 22 июля. В крайнем случае, в субботу 23 июля. У нас есть указание летописца о том, что 11-й стан царя был 1 августа «на речке Мяни», и если допустить, что Иван Грозный вечером 24 июля был на 3-ем стане в Саконах, то ему «не хватит» оставшихся дней, чтобы успеть 1 августа к 11-му стану. Это значит, что 3-й царский стан состоялся раньше посещения Сакон.

В таком случае на место 3-ей царской стоянки может претендовать село Гремячево Кулебакского р-на Нижегородской обл. отстоящее от Сакон на 8 км к западу. Местные предания гласят, что самую первую церковь построил здесь Иван Грозный и имеющаяся

деревянная церковь XVIII в. является ее «наследницей». Освящён этот храм в честь иконы Казанской Божией Матери, но из документов известно, что до 1848 г. он носил название Архангельского, и село называлось «Архангельское Гремячево тож» (Переписная книга г. Арзамаса и Арзамасского уезда 1678 г., переписи Я. С. Вышеславцова. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 7045. Л. 398 об.). Это может указывать на то, что место 3-го стана было именно в этой округе, не доходя до «Саканьского городища». Выше мы говорили, что 3-й стан не имеет в летописи привязки к водному объекту, и в Гремячеве как раз нет какой-то речки впадающей в Тёшу, зато есть очень производительные родники, способные обеспечить чистейшей водой целую армию.

Летопись гласит, что 4-й стан был «на поле на Ирже» (ПСРЛ Т. XIII, 1904. С. 199). Речка Иржа впадает в Тёшу слева. В свое время Макарий видел 4-й стан царя «на поле на Ирже», около села Семёново Арзамасского р-она Нижегородской обл. (Макарий, 2005. С. 196). И. А. Милотворский полагал, что 4-й стан царя находился у устья Иржи, что недалеко от Семёнова (Милотворский, 2005. С. 206). Е. И. Парадеев на основании сведений взятых из писцовых книг XVII в. проложил царский маршрут от 3-го к 4-му стану опять же к Семёнову, допуская стоянку царя рядом с притоком Иржи − речкой Ковлей (Парадеев, 2019. С. 24). Однако, в Семёново нет экклезионимов связанных с Архангелом Михаилом.

Тем не менее, версия о 4-м стане в местности, где теперь стоит село Семёново наиболее приемлема, так как путь от 3-го стана сюда, если взглянуть на карту, логичнее всего видится вдоль левого берега Тёши, где впоследствии сложится отрезок Симбирского тракта от Сакон до Арзамаса. Данный отрезок проходил через места, где сейчас стоят сёла Туманово, Абрамово и Красное Арзамасского р-она Нижегородской обл. При этом, в местности прилегающей к устью Иржи, сохранялись предания об остановке здесь Ивана Грозного в 1552 году. С этой остановкой связывают возникновение местных сёл Семёново, Четвертаково, Степаново и Туманово. Якобы между сёлами Четвертаково и Семёново, на месте, где стоял царский шатёр, была построена деревянная церковь.

Но экклезионимов Михаила Архангела в Семёнове и его округе нет. Как нет их в других селах рядом с устьем Иржи. Однако в селе Туманово записана любопытная легенда: название Туманово народная этимология связывает с походом Ивана Грозного на Казань – дескать, здесь его войско накрыл густой туман, из-за чего и назвал царь село Тумановым (Епанчин, 2014. С. 23). Ближайшие экклезионимы Михаила Архангела имеются в селе Кичанзино Арзамасского р-она Нижегородской обл., в 15 км к востоку, и в селе Веригино того же района, в 12 км к юго-востоку от устья Иржи. Отметим, что и то и другое сёла стоят совсем рядом с селом Абрамово, которое, ссылаясь на Макария, упоминал И. А.

Милотворский, считая, что именно через него шёл Иван Грозный к Акше (Милотворский, 2005. С. 206-207).

Действительно, собранные Макарием абрамовские легенды о подаренных окрестной мордве иконах и др., могут говорить о том, что царский стан находился где-то рядом с Абрамовым. Макарий указывал, что «пяти новообращённым тогда мордвинам в селе Абрамово Арзамасского уезда даны были от Иоанна IV каждому по благословенной иконе» (Миролюбов, 2005. С. 197). Экклезионимы Архангела Михаила имеющиеся вблизи Абрамова, могут говорить о том, что царь действительно стоял 4-м станом в округе устья Иржи.

5-й стан «на Авшечь реке» И. А. Милотворский предполагал у устья Акши (Курдин, Курдин, 2005. С. 131). Н. М. Щегольков также полагал, что Иван Грозный 5-й свой стан устроил у устья этой речки (Щегольков, 1911. С. 15-16). Здесь, располагалась Арзамасская Ямская слобода, и в ней действительно была церковь Архангела Михаила, что может служить косвенным доказательством пребывания в устье Акши Ивана IV. Другое ближайшее к устью Акши селение, где есть храм освящённый в честь Архангела Михаила − село Новый Усад Арзамасского р-она Нижегородской обл., стоящее в 8 км вверх от устья Акши. Мы допускаем, что 5-й стан «на Авшечь реке» располагался в районе Нового Усада.

Важно следить за датами. У нас есть «ориентир» указанный летописью: праздник «Мокрого» Спаса царь встретил на 11-ом стане 1 августа 1552 г. Если к 4-му стану Иван Грозный подошел 24 июля воскресным вечером, следовательно, в вечер понедельника 25 июля он был на 5-ом стане на Акше, откуда вышел в утро вторника 26 июля. Если на каждую следующую остановку уходило по дню, то на это было потрачено 5 дней. В июле 31 день, следовательно, мы «идём в графике».

6-й стан «на Кевсе». Кевса – небольшая речка, впадающая в Пьяну слева. Сюда царь подошёл вечером во вторник 26 июля. Исследователи полагали, что 6-я стоянка находилась в районе села Дубенского Вадского р-она Нижегородской обл. (Макарий, 2005. С. 200; Милотворский, 2005. С. 208). Но в Дубенском нет экклезионимов Михаила Архангела. Ближайший к этому месту храм с приделом Михаила Архангела есть в селе Холостой Майдан (Вадский р-он Нижегородской обл.). Холостой Майдан стоит на речке Ватьме, в 9 км от Дубенского, и мы можем допустить, что 6-й стан располагался на пространстве между Ватьмой и Кевсой. От Нового Усада до полей между Холостым Майданом и Дубенским по прямой порядка 30 км.

Стан «7-й на озере на Икше» случился в среду вечером 27 июля. Судя по тексту летописи, 7-я остановка была возле небольшого левого притока Пьяны, − речки Икши «превратившейся» потом в устах русских переселенцев в Якшеньку. Рядом с этой небольшой

речушкой длиной 18 км, сегодня стоят селения Большая Якшень Бутурлинского р-на Нижегородской обл., и Малая Якшень Шатковского р-она Нижегородской обл. В Большой Якшени − церковь Николая Чудотворца, в Малой Якшени − храм Спаса Нерукотворного Образа с приделом Николая Чудотворца. В этих селениях нет экклезионимов Михаила Архангела. Но стан, согласно летописи был «на озере». Установить, что это было за озеро нам поможет наша гипотеза. В отстоящем на 5 км к востоку от Малой Якшени селе Большие Печерки Шатковского р-она Нижегородская обл., существовала легенда, что Иван Грозный проходя рядом с селом, у озера Соснового ткнул в землю копье и повелел основать на этом месте храм Михаила Архангела (Малышев, 2024. Зап. № 1). Этот храм упоминался в описании окрестностей села Печерки. В документах говорится, что одна из близлежащих пустошей находилась «у Старого Михаила Архангела у Соснового озера» (АПА, 1916. С. 353). Вероятно, «старый Михаил Архангел» означало местоположение старого храма, и здесь находился 7-й царский стан. Сами Печерки в конце XVI в. писались деревней, но согласно легенде, изначально церковь стояла в стороне от них. Потом видимо она была перенесена в Печерки. В современной церкви села Большие Печерки освящённой в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» имеется придел Михаила Архангела (Большие Печерки. Церковь…). Таким образом, экклезионим Михаила Архангела обнаруживается и на 7-ом стане. Расстояние от Воронцово до Больших Печерок порядка 30 км.

А безымянное озеро «не дошед Пьяны реки» − место 8-й стоянки – Милотворский указывал в «местности между Пановым и Гагиным» (Милотворский, 2005. С. 215). Сюда царь подошёл в четверг вечером 28 июля. Сегодня это Паново-Леонтьево Гагинского р-на Нижегородской обл., и райцентр Гагино. По Н. И. Щеголькову наибольшее количество преданий о 8-й стоянке Ивана IV связано с селом Ветошкино (Гагинский р-он Нижегородская обл.), которое в документах XVII в. называлось «Архангельское, Ветошкино тож», потому что там был храм Михаила Архангела (Щегольков, 1911. С. 12-15). С большой долей вероятности мы допускаем, что округа Ветошкино было местом царской 8-й стоянки. Расстояние между Большими Печерками и Ветошкином порядка 30 км.

«А 9-й стан на Дубровке-озере». «Дубровка-озеро», по мнению Милотворского, − это озерцо рядом с деревней Дубровкой «в 4-х верстах от старинного села Черновского основание которого относят ко времени нижегородского князя Бориса Константиновича в XIV в.» (Милотворский, 2005. С. 216). Сегодня это деревня Дубровка Краснооктябрьского р-она Нижегородской области. Она действительно находится недалеко от села Черновское Большеболдинского р-она Нижегородской обл. В Дубровке церкви не было, а в селе Черновском записаны легенды о пребывании здесь Ивана IV (Храмов, 1999. С. 188). Черновское – одно из древнейших селений этого края, в документах впервые оно

упоминается в 1593 году (АПА, 1916. С. 72). Ничто не мешает предположить, что храм в старинном русском селе существовал со времен князя Бориса Нижегородского, и Иван Грозный отдал этому храму дань почтения. Обнаружить здесь экклезионимы связанные с Михаилом Архангелом нам пока не удалось. Расстояние между Ветошкино и Черновским порядка 35 км.

«А 10-й стан на речке на Медянке» случился в субботу вечером 30 июля вероятнее всего в окрестностях современного райцентра Сеченово. Раньше село Сеченово носило название Тёплый Стан, и по преданию такое название оно получило от самого Ивана IV, когда его войско, промокшее от дождя, согрелось здесь (Морохин, Арзамазов, 2014. С. 145). От Черновского до Сеченова по прямой порядка 35 км, Сеченово стоит на речке Медянке, и на месте современного храма Владимирской иконы Божией Матери раньше существовал храм, один из приделов которого был освящен во имя Архангела Михаила (Церковь Владимирской…).

К 11-му стану «на речке на Мяни» царь подошел 31 июля воскресным вечером. Этот стан был ознаменован, согласно летописи, большим водосвятным молебном, который начался на следующий день в понедельник 1 августа – в день Всемилостивого Спаса. «Тут государь на воде стоял и воду святили». «Речка Мяня» − ныне Меня − правый приток Суры, длиною 85 км. На каком из этих километров святили воду 1 августа 1552 года установить практически невозможно. Но, очевидно, что 11-й стан находился на среднем течении Мени, расстояние к которому от Сеченово порядка 35 км.

С большой долей вероятности допускаем, что направление похода должно совпадать с дорогами сложившимися позднее, уже после присоединения края к России. Реку Меню пересекал когда-то большой Московско-Симбирский тракт, и в том месте, где на тракте была переправа через неё надо искать место 11-го стана. Здесь находится село Олевка (Ардатовский р-он Мордовия), которое в старину называлось Лёлина деревня, потому что до 1859 г. церкви здесь не было (Инжеватов, 1987. С. 122). Мы помним, что станы могли занимать большую площадь, растягиваясь на 5-6 км вдоль источников воды. От Олевки в 1,5 км выше по течению Мени стоит село Силино Ардатовского р-она респ. Мордовия, в котором имеется храм Богоявления Господня с приделами иконы Казанской Божией Матери и Архистратига Михаила. Характерно, что в числе ближайших к нему сёл отмечено «село Архангелеское в 6 верстах» (Богоявленская церковь…).

Храм в селе Силино был построен в 1800 г., но мы, основываясь на той самой традиции преемственности, предполагаем, что экклезионим Михаила Архангела существовал здесь раньше, и был связан с походом Ивана Грозного на Казань в 1552 г. Расстояние от Сеченова до Силино по прямой 35 км.

От Мени Иван IV отправился к реке Алатырь. Традиционно считается, что государь стоял на месте самого города Алатыря, который и основал (Кочетков, 2012. С. 5). Но от среднего течения Мени, где мы полагаем 11-й царский стан, до города Алатырь порядка 50 км, и пройти такое расстояние за день огромному войску невозможно. Тем более что на 11-ом стане для царя служили водосвятный молебен, на который тоже ушло время. И здесь необходимо вспомнить гипотезу П. Н. Черменского, который анализируя царский маршрут 1552 г. указал, что Иван IV переправился «через реку Алатырь на Ардатовском перевозе, где ныне город Ардатов» (Черменский, 1968. С. 187).

В мордовском Ардатове сейчас нет экклезионима Михаила Архангела. Храм освящённый в честь Небесного архистратига существует в селе Низовка Ардатовского р-на Мордовии в 5 км от Ардатова, при этом указано, что храм этот был построен в 1855 г., а в 2000 г. был перевезён в Низовку из Ардатова (Низовка, Церковь…). Здесь, на Ардатовском перевозе, Иван IV провел ночь с 1 на 2 августа, здесь к его ждали «Еникей князь Темниковский со всеми Темниковскими татары и мордвою», до этого построившие «три моста через Алатырь» (ПСРЛ Т. XIII, 1904. С. 199).

Отсюда Иван IV, утром 2 августа двинулся к реке «Большому Сару». Сегодня это речка Большая Сарка – левый приток Суры. Маршрут войска от Ардатова к Борончееву городищу – месту 14-ой стоянки, Е. И. Парадеев указал через село Чирково Сурского р-она Ульяновской обл., на берегах современной Большой Сарки (Парадеев, 2019. С. 80). Село это действительно, впоследствии отмечалось, как стоявшее на «Московском тракте», и с точки зрения величины переходов подходит под место 13-й стоянки. И в Чирково действительно есть храм Михаила Архангела, и даже само село в XVIII в. называлось «Архангельское Чирково тож» (Симбирская губерния по сведениям…). От мордовского Ардатова до Чиркова, и от Чиркова до места 14-го царского стана будет по 25-30 км, на что и указал Парадеев (Парадеев, 2019, С. 80). К Большой Сарке царь подошёл вечером во вторник 2 августа. Здесь опять надо свериться с календарем. Известно, что утро 6 августа царь встретил на 15-м стане. То есть от 13-го до 15-го станов царь должен был дойти за 2 дня. У нас же «остаётся» 3 дня. Один день «лишний» − он ушёл на дневку на 15-ом стане.

14-й стан царя и место перехода через Суру, указаны летописью «под Баранчеевым городищем» (ПСРЛ Т. XIII, С. 200). Сегодня здесь посёлок Сурское Ульяновской области, который до 1931 г. назывался Промзино (Промса) и именно на речке Промзе в современных границах этого посёлка, Иван Грозный в среду вечером 3 августа основал свой 14-й стан. Местное предание утверждает, что здесь царю было явление иконы Св. Николая (Акт государственной эспертизы…). Очевидно поэтому церковь в Промзино, согласно легенде основанная Иваном Грозным, носит имя Николая Чудотворца. В четверг 4 августа в

Промзине городище были «на реке на Суре поделаны многие мосты», и в пятницу 5 августа царь перешёл в сурское правобережье. После форсирования Суры к царскому войску присоединились отряды князя Мстиславского (ПСРЛ Т. XIII, 1904. С. 200).

Соединившись, от сурской переправы войско двигалось по территориям современной Ульяновской обл. и затем Татарстана. По словам Курбского: «от тое реки шли есмя с войском восемь дней, полями дикими и дубровами, негде же и лесами… а сел со живущими зело мало» (Андрей Курбский, 2015. С. 32). Здесь в «полях и дубровах» очень важным представляется расстояние между указываемыми топонимами, потому что именно расстояния, которые войско может преодолеть за один дневной переход будут главными указателями на верность наших предположений.

15-й стан царя расположился на крохотной речке Кивати длиной 10 км, где Иван Грозный, утром в субботу 6 августа, в праздник Преображения Господня причастился «неизреченных Тайн Христовых» (ПСРЛ Т. XIII, 1904. С. 200). Кивать – сегодня Киватка − левый приток реки Барыш. Храм в честь Архангела Михаила, вблизи реки Кивати до революции имелся в селе Еделево Кузоватовского р-она Ульяновской обл., которое до XVIII в. звалось «Архангельское Еделево» (Еделево, Церковь…). Следовательно, на его месте мы можем предположить 15-ю стоянку Грозного царя, где он основал часовню или церквушку-обыденку в честь главного помощника в борьбе с «нечестивыми». Расстояние между поселком Сурское и селом Еделево порядка 35 км. Летопись указывает, что царь «дневал» на 15-ом стане, то есть провёл здесь целый день (ПСРЛ Т. XIII, 1904. С. 200).

К следующему 16-му стану Иван IV подошёл воскресным вечером 7 августа. Его местоположение летопись указывает «на Якле». Сегодня это Дрожжановский р-он Татарстана, и здесь известны речки Большая Якла – левый приток Барыша, и её приток Малая Якла. Большая Якла имеет протяженность 57 км, а Малая Якла и того меньше. На берегах этих речек есть несколько селений, причем возникновение большинства их относят к XVII в., но храм во имя Михаила Архангела имеется только в селе Архангельское Сурского р-она Ульяновской обл., называвшимся в старину «Архангельское Кункино при Большой Якле» (Ульяновская область, Архангельское…). И хотя деревянный храм во имя Михаила Архангела здесь был построен только в сер. XIX в., можно не сомневаться, что название своё он получил ввиду той самой преемственности, о которой говорилось выше. Расстояние между Еделево и Архангельское порядка 30 км.

17-й стан царя был устроен в понедельник вечером 8 августа «на Чивлы». Сегодня это Цильна – река протяженностью 56 км, впадающая в Свиягу. У нее есть ещё левый приток – Малая Цильна длиной 54 км. И государь мог остановиться в любом месте у одной из этих рек. Но, так как следующий 18-й стан указан «на Карле», то рождается единственное

логичное предположение, что войско, через «поля дикие и дубровы» двигалось к дороге-сакме соединявшей Казань и древнюю переправу у Симбера, − «предтечу» современного Симбирска-Ульяновска. В старину там стоял булгарский город Синбер (Халиков, 1992. С. 16-17).

Эта сакма, несомненно, существовала с глубокой древности, и шла по берегам Свияги. На реке Карле стоит город Буинск – райцентр респ. Татарстан, и через него проходит современная трасса Казань−Ульяновск – «наследница» нашей сакмы. Буинск – наиболее вероятное место 18-й царской стоянки. Следовательно, место 17-го стана «на Цивле» надо искать где-то на пути между селом «Архангельское, Кункино тож» и Буинском. Расстояние между этими поселениями по прямой порядка 70 км. Соответственно, где-то на середине этого отрезка находилось место царской стоянки. Вероятнее всего стан был основан в округе селения Новая Цильна Буинского р-она Татарстана. Однако экклезионима с именем Архангела Михаила в этой округе не обнаруживается. Возможно, есть необходимость в более детальном изучении истории и микротопонимии указанной округи.

18-й стан царя отмечен летописью «на Карле». Устроен он был вечером 8 августа. Карла – река протяженностью 92 км впадающая в Свиягу слева. Как мы указали выше, вероятнее всего стан государя располагался на месте современного города Буинска. Храм Михаила Архангела украшал Буинск со времён его основания в XVII в (Создание Симбирского наместничества…). Село даже называлось «Архангельское Буинское тож». Сегодня в Буинске стоит храм Живоначальной Троицы, один из приделов которого освящён в честь Михаила Архангела (Буинск, Собор…). Ещё один характерный экклезионим на пути царя к победе над «агарянами». От округи Малой Цильны до Буинска порядка 35 км, что вполне соответствует темпу движения войска.

19-я остановка в среду 10 августа «на Буле». Река Була, − левый приток Свияги, длиной 118 км − протекает в пределах Чувашии и Татарстана. Если исходить из рассуждений, приведенных выше, то царь двигался теперь по сакме, и поиск места стоянки на реке Буле следует ограничить районом пересечения Булы и сакмы. Здесь логично видится устье Булы, недалеко от которого стоит село Бишево Апастовского р-на Татарстана. В храме села Бишево есть придел Архангела Михаила.

Переход от 19-го стана к стоянке «на Бее» был значительно короче других. Дело в том, что на месте 20-го стана «на Бее», случившегося 11 августа, царя ждали свияжские воеводы с гарнизоном Свияжской крепости. Распоряжение о выступлении навстречу царскому войску и встрече его за два дневных перехода до Свияжска, свияжские воеводы получили ещё на Суре, когда приходили к Ивану Грозному (Трофимов, 1890. С. 47-48). Разумеется, воеводы царский приказ выполнили и встретили государя «на Бее», в двух дневных переходах до

Свияжска. А царская армия шла им навстречу, и место соединения войск стало местом 20-го стана.

Река Бея – это очевидно, современная речка Бия – левый приток Свияги. И мы полагаем, что в связи со встречей и последующим соединением войска и свияжского гарнизона, этот переход был очень коротким. А на месте встречи царь повелел основать церковь-обыденку или часовню в честь архистратига Михаила, так как приближался час решительного боя с «безбожными агарянами». В 13 км к северу от райцентра Бишево, у речки Бии стоит деревня Сибирчи Апастовского р-она Татарстана, которая раньше была селом, и церковь в нём носила имя Михаила Архангела (Михаило-Архангельская церковь…). Вероятно, здесь находился тот самый «Бейский луг», на котором 11 августа была поставлена церковь или часовня посвящённая архистратигу Михаилу. Утром 12 августа армия выступила в поход к 21-му стану.

К вечеру пятницы 12 августа царь с войском переместились на Итяково поле. «21 стан на поле на Итякове, а с Ытякова государь пошёл к Свиязьскому городу». Итяково поле у села Утяково Зеленодольского р-она Татарстана, уже в те времена было местом историческим. На этом поле в 1524 г. русские войска разбили казанцев. В старину в Утякове имелась церковь во имя Св. пророка Ильи с приделом Св. Николая, и этот храм, очевидно, был связан с памятью событий 1524 г (Списки населённых мест…). Этот храм уже стоял здесь ранее, и строить ещё один не было необходимости. Расстояние от «Бейского луга» до Утяково по прямой порядка 35 км, что также не противоречит нашей версии.

Утром субботы 13 августа царь выступил в последний переход, и вечером того же дня торжественно въехал в Свияжск. Мы помним, что с царем в числе других походных храмов была походная церковь во имя архистратига Михаила. Её, в числе других, Иван Грозный приказал установить ввиду осаждённой Казани (Казанский летописец, 2009. С. 217).

Уже после победы над казанцами, царь в первую очередь поставил в побеждённом городе храмы – те самые обыденки. «И в един день созда храм соборный, Благовещенья Пресвятой Богородицы… Вторую же церковь постави Воскресение Господа нашего Исуса Христа, третью церковь святых великомученикъ Киприяна и Устиньи, четвертую… нерукотворенный образ Господа нашего Исуса Христа, пятую же чюдотворца Николы монастырь…» (Казанский летописец, 2009. С. 292)

Разумеется, не был забыт и «великий чиноначальник» Архангел Михаил. В Казани была учреждена епархия, во главе с архиепископом Гурием (Казанский летописец, 2009. С. 292-293). Для него рядом с городом была отведена особая слобода, и в этой слободе был установлен храм во имя архистратига Михаила (Казань. Церковь…). Действительно, так как

архиепископ Гурий вставал на передний край борьбы с «нечестивыми учениями», лучшего покровителя для его слободы было не найти.

Таким образом, в условиях дефицита документальных данных названия православных храмов, часовен могут служить дополнительным «маркером» привязки на местности стоянок Ивана Грозного. На 17-ти из 21-й остановки Ивана IV на его пути к Казани в 1552 г., имеются экклезионимы связанные с именем Небесного архистратига, что говорит об особом отношении царя к роли Архангела Михаила в борьбе с «нечестивыми». На остальных 4-х станах необходимо более детальное изучении местной микротопонимики. Для нас экклезионимы Михаила Архангела являются помощниками в конкретизации мест царских станов.

Список источников и литературы

Акт государственной экспертизы выявленного объекта культурного наследия «Достопримечательное место «Промзино». Эксперт *Шашин С. И.* (Киров). 2018. С. 5-8. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1729523969&tld=ru&lang=ru&name=%20ГИКЭ%20от%20 25.09.2018%20р.п.Сурское%2СДостопримечательное%20место%20«Промзино» (дата обращения 20.10.24)

Андрей Курбский. История о делах великого князя Московского. Сост. *К. Ю. Ерусалимский.* М., 2015. 944 с.

Арзамасские поместные акты. 1758-1818. Собр. и ред. *С. Б. Веселовский* / Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. Кн. 1. М., 1916. 738 с.

Базаев А. В. История сел и деревень Ардатовского района. Арзамас, 2015. 368 с.

Белов Н. В. «И сочтоша во всех полках 150 тысяч»: Сколько воинов не было в армии Ивана Грозного под Казанью в 1552 году? // «PARABELLUM novum». № 20 (53). СПб., 2023. С. 80-105.

Богоявленская церковь в селе Силино URL: http://nashipredki.com/church/5873 (дата обращения 14.12.24)

Большие Печерки. Церковь иконы Божией матери «Всех скорбящих Радость» URL: https://ruskontur.com/czerkov-ikony-bozhiej-materi-vseh-skorbyashhih-radost-v-bolshih-pecherkah/ (дата обращения 08.12.24)

Буинск, Собор Троицы Живоначальной URL: https://sobory.ru/article/?object=18885 (дата обращения 20.10.24)

Буланин Д. М. Культ Михаила Архангела в отражении литературы древней Руси: к переизданию книги О. А. Добиаш-Рождественской / Словесность и история. 2023. С. 7-22.

Еделево, Церковь Михаила Архангела URL: https://sobory.ru/article/?object=32130 (дата обращения 20.10.24)

Епанчин А. А. Топонимика Мурома и его окрестностей. Муром, 2014. 110 с.

Живова А. А., Малышев А. В. Ономастическое пространство села Шилокша Кулебакского района Нижегородской области // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Под ред. В. И. Грубова. М., 2024. С. 196-203.

Инжеватов И. К. Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск, 1987. 264 с.

Казань. Церковь Михаила Архангела в Архангельской слободе URL: https://ruskontur.com/kazan-czerkov-mihaila-arhangela-v-arhangelskoj-slobode/ (дата обращения 20.10.24).

Казанский летописец / Царская правда. Иоанн Грозный. Сост. *В. Г. Манягин*. М., 2009. С. 223-303.

Каптерев Л. М. Нижегородское Поволжье X-XVI веков. Горький, 1939. 184 с.

Кочетков В. Д. Город-крепость на Суре. Очерки истории г. Алатыря и уезда в XVI-XVII вв. Чебоксары, 2012. 283 с.

Курдин Ю. А., Курдин Я. Ю. Путь Ивана Грозного на Казань в пределах Арзамасского края // Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас, 2005. С. 121-150.

Макарий (Миролюбов Н. К.) Сказание о последнем походе Иоанна Васильевича Грозного в 1552 г. через Ардатовский, Арзамасский уезды Нижегородской губернии // Россия XVI века: Казанский поход и эпоха Ивана Грозного. Под ред. *Ю. А. Курдина*. Арзамас, 2005. С. 188-203.

Малышев А. В. Беседа с Щербаковым И. И. 1954 г.р., уроженцем села Большие Печерки от 6.12.24. Хранится в личном архиве автора.

Мельников П. И. Путь Иоанна Грозного // Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Под ред. *Ю. А. Курдина*. Арзамас, 2005. С. 177-188.

Милотворский И. А. Путь Иоанна Грозного через Нижегородскую губернию во время его похода на Казань в 1552 г.// Россия XVI века: Казанский поход и эпоха Ивана Грозного. Под ред. *Ю. А. Курдина*. Арзамас, 2005. С. 203-223.

Михайлов. Собор Чуда Михаила Архангела URL: https://ruskontur.com/mihajlov-sobor-chuda-mihaila-arhangela/ (дата обращения 08.12.24).

Михайлова И. Б. «Казанское взятие» и эсхатологические представления Ивана Грозного // Матвей Кузьмич Любавский: к 150-летию ученого. Сб. статей. Ред. *Ю. В. Кривошеев*. СПб., 2013. С. 206-218.

Михаило-Архангельская церковь в селе Сибирци (Чибирчи) URL: https://nashipredki.com/church/10685 (дата обращения 20.10.24)

Морохин Н. В., Арзамазов А. А. Наши реки, города и села. Н. Новгород, 2014. 480 с.

Низовка, Церковь Михаила Архангела URL:https://sobory.ru/?object=26139 (дата обращения 22.02.25).

Панченко А. М., Успенский Б. А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 37. 1983. С. 54-78.

Парадеев Е. И. Пара слов о царёвой сакме. СПб., 2019. 92 с. URL: http://paradeev.com/ (дата обращения 24.11.24).

Переписная книга г. Арзамаса и Арзамасского уезда 1678 г., переписи Я. С. Вышеславцова. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 7045. Л. 398 об.

Петряшин А. С. От Мурома до Свияжска: военный поход Ивана Грозного на Казань в 1552 году / Русское междуречье. Альманах. Вып. 1. Н. Новгород, 2020. С. 107-122.

ПСРЛ Т. XIII. Патриаршия или Никоновская летопись. СПб., 1904. 1-я пол. 532 с.

Саваслейка. Церковь Михаила Архангела URL: https://sobory.ru/article/?object=23163 (дата обращения 09.10.24)

Симбирская губерния по сведениям 1859 года. Обр. *А. Артемьевым* // Списки населённых мест Российской империи. Вып. XXXVII. СПб., 1863. 99 с.

Создание Симбирского наместничества. Буинский уезд. 1780 год URL: https://web.archive.org/web/20200812141935/http://archeo73.ru/Russian/18vek/gubernia1780/buin.htm (дата обращения 20.10.24)

Списки населённых мест Российской империи. Выпуск 14. Казанская губерния. СПб., 1866. 330 с.

Трофимов В. О. Поход под Казань, ея осада и взятие в 1552 году. Казань, 1890. 114 с.

Ульяновская область, Архангельское, церковь Михаила Архангела URL: https://sobory.ru/article/?object=24001 (дата обращения 20.10.24)

Халиков А. Х. Торговые пути Булгарии в IX-XIII вв. и их археологическое изучение / Путь из Булгара в Киев. Сост. и отв. ред. *А. Х. Халиков*. Казань. 1992. С. 12-22.

Храмов М. И. Край, где бывал Пушкин (о земле болдинской). Большое Болдино, 1999. 320 с.

Церковь Владимирской иконы Божией Матери в СеченовоURL: https://ruskotur.com/czerkov-vladimirsr… (дата обращения 23.10.24)

Черменский П. Н. Пути сношения Москвы с Поволжьем через Мордовию // Труды МНИИЯЭЛ. Вып. XXXIV. Саранск, 1968. С. 3-11.

Шилокша, Церковь Михаила Архангела URL: https://sobory.ru/article/?object=13378 (дата обращения 09.10.24)

Щегольков Н. М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас. 1911. 273 с.

Таблица №1. Перечень царских станов на пути Ивана IV от Мурома до Свияжска (20 июля – 13 августа 1552 г.)

№ стана	Место стана	Дата	Экклезионим	Расстояние
1.	«На речке Велетьме» село Саваслейка Кулебакский р-он Ниж. обл.	Ночевка со среды 20 июля на четверг 21 июля	Хр. Архангела Михаила в Саваслейке	27 км
2.	«На речке Шилексе» село Шилокша Кулебакский р-он Ниж. обл.	Ночевка с четверга 21 июля на пятницу 22 июля	Хр. Архангела Михаила в Шилокше	29 км
3.	«под Саканским городищем» село Гремячево Кулебакский р-он Ниж. обл.	Ночевки 22-23 июля и 23-24 июля с пятницы на воскресенье	Хр. Михаила Архангела в Гремячеве (ныне Казанская церковь)	22 км
4.	«на поле на Ирже» села Семёново-Водоватово Арзамасский р-он	Ночевка с воскресенья 24 июля на понедельник 25 июля	Придел Михаила Малеина Водоватовской церкви, упомянутый в 1627 г.	34 км
5.	«на Авшечь-реке» село Новый Усад Арзамасский р-он Ниж. обл.	Ночевка с понедельника 25 июля на вторник 26 июля	Хр. Михаила Архангела в селе Новый Усад	30 км
6.	«на Кевсе» села Дубенское-Воронцово Вадский р-он Ниж. обл.	Ночевка со вторника 26 июля на среду 27 июля	Придел Чуда Михаила Архангела в селе Холостой Майдан	30 км
7.	«на озере на Икше» село Большие Печерки Шатковский р-он Ниж. обл.	Ночевка со среды 27 июля на четверг 28 июля	Храм Михаила Архангела в Больших Печерках	30 км
8.	«озеро не дошед Пьяны-реки» село Ветошкино Гагинский р-он Ниж. обл.	Ночевка с четверга 28 июля на пятницу 29 июля	Храм Иоанна Предтечи с приделом Архангела Михаила в Ветошкино	35 км
9.	«на Дубровка-	Ночевка с	Монастырь	35 км

	озере» с. Черновское Болшеболдинский р-он Ниж. обл.	пятницы 29 июля на субботу 30 июля	Николая Чудотворца у дер. Ниловка	
10.	«на речке Медяне» Сеченово Нижегород. обл.	Ночевка с субботы 30 июля на воскресенье 31 июля	Придел Михаила Архангела в церкви села Сеченово	35 км
11.	«на речке на Мяни» село Силино Ардатовский р-он Мордовия	Ночевка с воскресенья 31 июля на понедельник 1 августа «Мокрый» Спас	Придел Михаила Архангела в церкви села Силино	30 км
12.	«на реке Алатырь» с. Ардатов и с. Низовка Ардатовского р-на Мордовии	Ночевка с понедельника 1 августа на вторник 2 августа	Храм Михаила Архангела в селе Низовка (5 км от Ардатова)	30 км
13.	«речка Сар» с. Чирково Сурский р-он Ульяновская обл.	Ночевка со вторника 2 августа на среду 3 августа	Храм Михаила Архангела в селе Чирково	30 км
14.	«На реке Суре под Борончеевым городищем» Сурское (Промзино) Ульяновская обл.	Ночевка со среды 3 августа по четверг 4 августа. 5 августа с утра началась переправа через Суру.	Культ Николая Чудотворца, легенда о святом Георгии	26 км
15.	«на речке Кивати» село Еделево Кузоватовский р-он Ульяновск. обл.	Ночевка с пятницы 5 авг. по субботу 6 авг. Здесь «дневал» в праздник Преображения	Храм Михаила Архангела в Еделево	35 км
16.	«на Якле» село Архангельское «Архангельское, Кункино тож» Сурский р-он Ульяновской обл.	Ночевка с воскресенья 7 августа на понедельник 8 августа	Храм Михаила Архангела в селе Архангельское	30 км
17.	«на Цивле» село Новая	Ночевка с понедельника 8	Часовня св. Георгия в	35 км

	Цильна Буинский р-он Татарстан	августа на вторник 9 августа	Малом Убее	
18.	«на Карле» Буинск Татарстан	Ночевка со вторника 9 августа на среду 10 августа	Храм Михаила Архангела в Буинске	35 км
19.	«на Буле» Село Бишево Апастовского р-на Татарстан	Ночевка со среды 10 августа На четверг 11 августа	Придел Михаила Архангела	30 км
20.	«на Бее» село Сибирчи Апастовский р-он Татарстан	Ночевка с четверга 11 августа на пятницу 12 августа. Встретил свияжский гарнизон. В путь тронулись утром в пятницу 12 августа	Храм Михаила Архангела в Сибирчи	13 км.
21.	«на поле Ытякове» Утяково Зеленодольский р-он Татарстан	Ночевка с пятницы 12 августа на субботу 13	Придел Николая Чудотворца	35 км.
	Свияжск	Пришел в субботу 13 августа		35 км

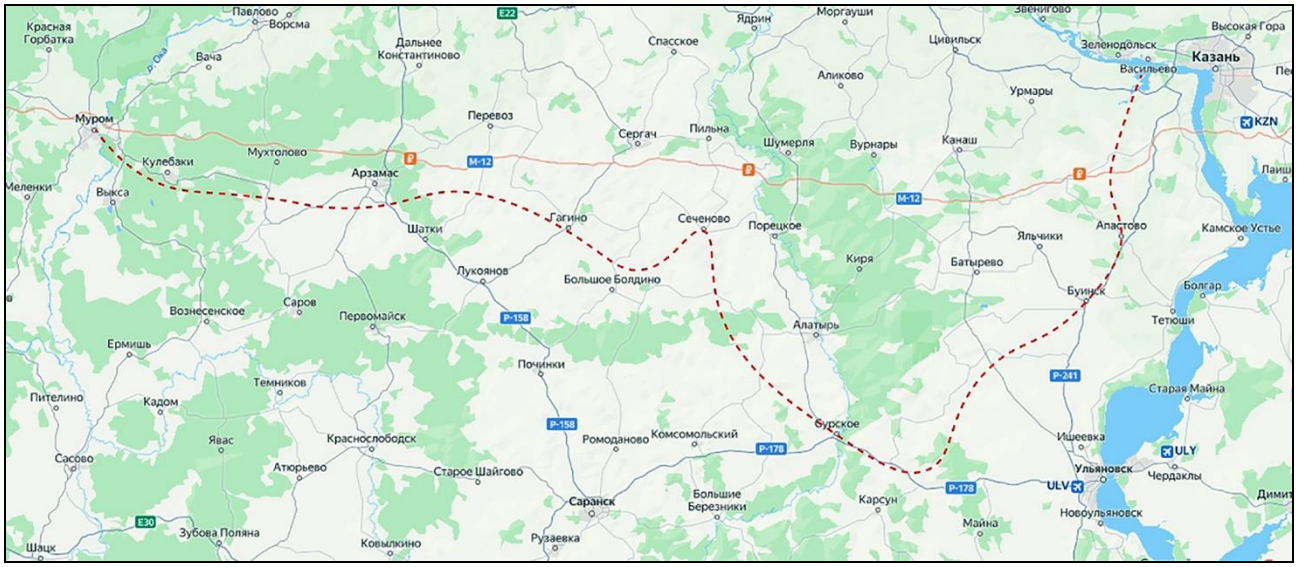


Рис. 1. Схема движения войск в походе 1552 года согласно эклезионимам, связанным с архенгелом Михаилом (согласно автору).

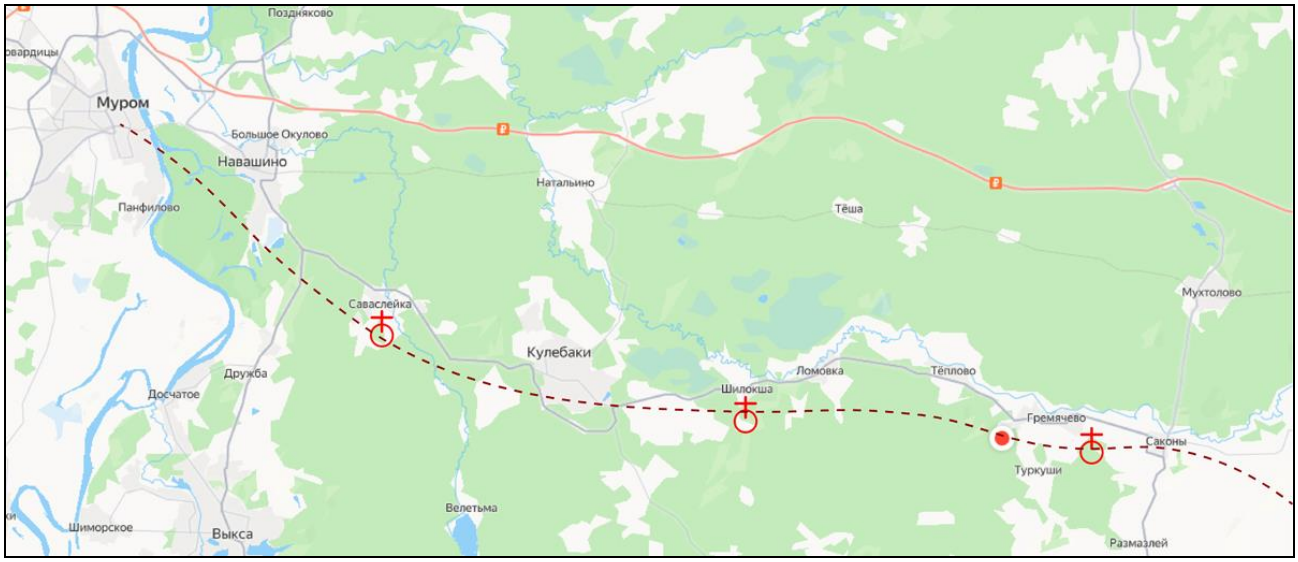


Рис. 2. Схема движения войск в походе 1552 года согласно эклезионимам на отрезке от г. Мурома до с. Саконы (согласно автору).

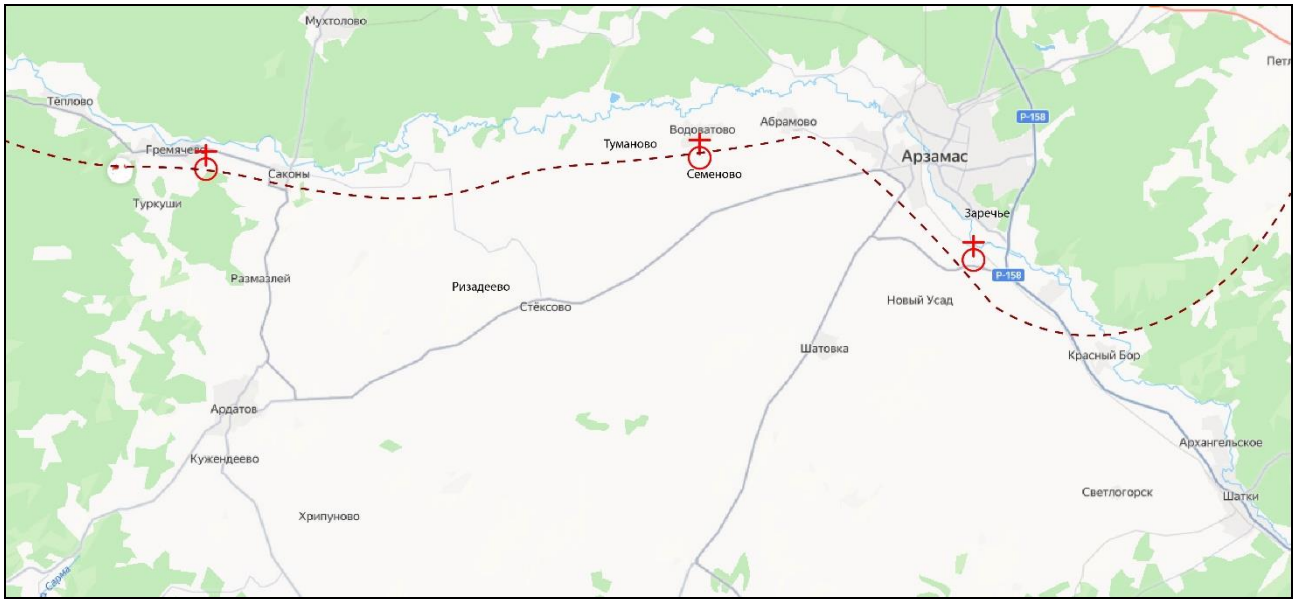


Рис. 3. Схема движения войск в походе 1552 года согласно эклезионимам на отрезке от с. Саконы до г. Арзамаса (согласно автору).

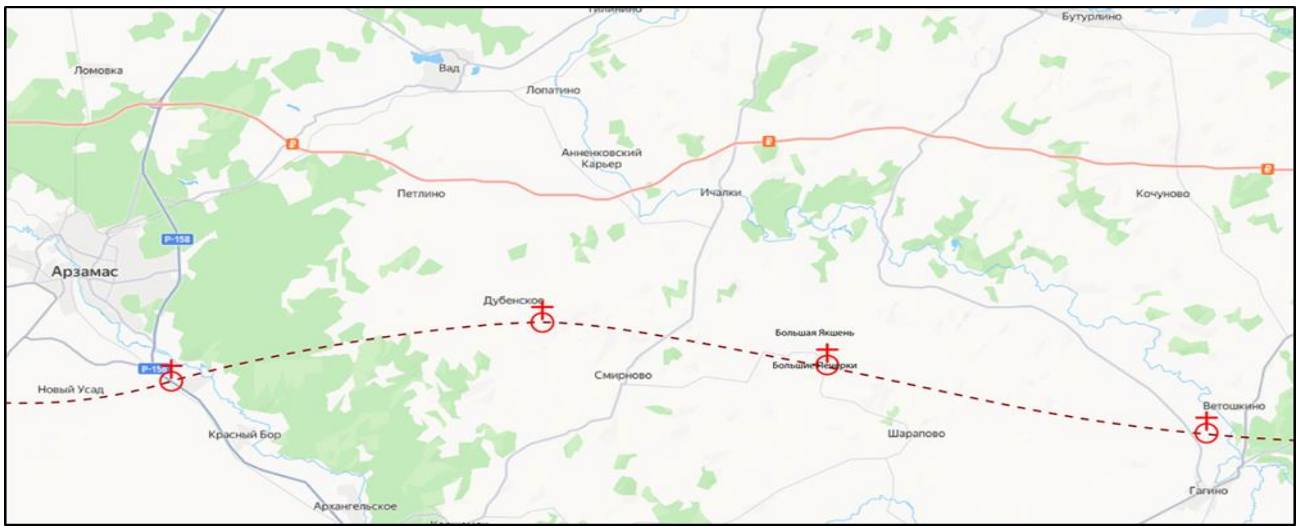


Рис. 4. Схема движения войск в походе 1552 года согласно эклезионимам на отрезке от г. Арзамаса до с. Гагино (согласно автору).

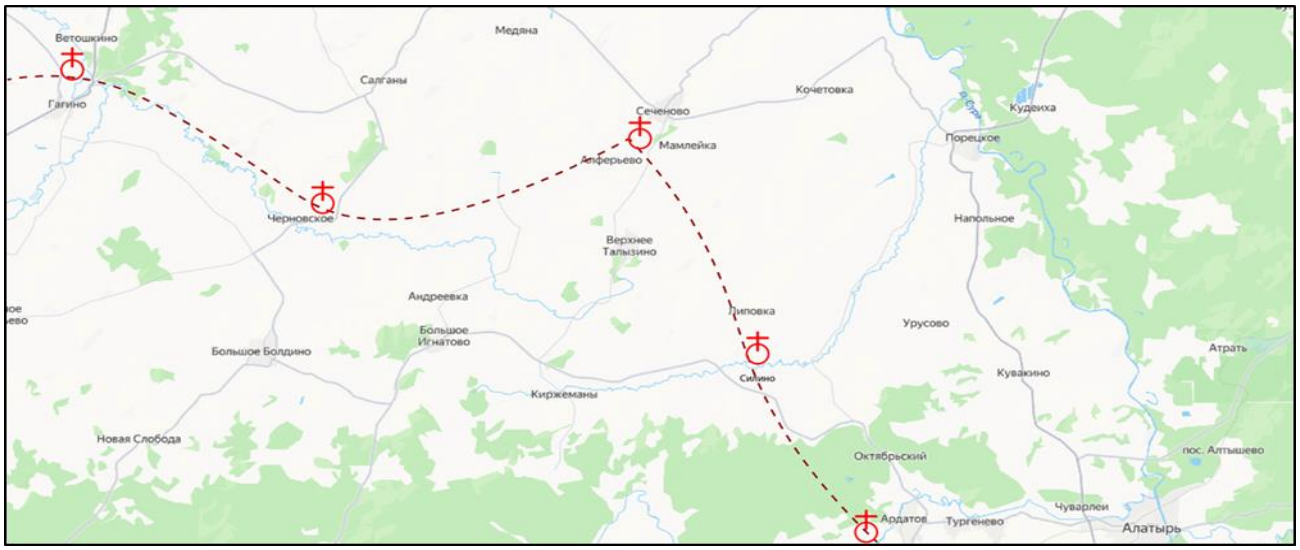


Рис. 5. Схема движения войск в походе 1552 года согласно эклезионимам на отрезке от с. Гагино до г. Ардатов (согласно автору).

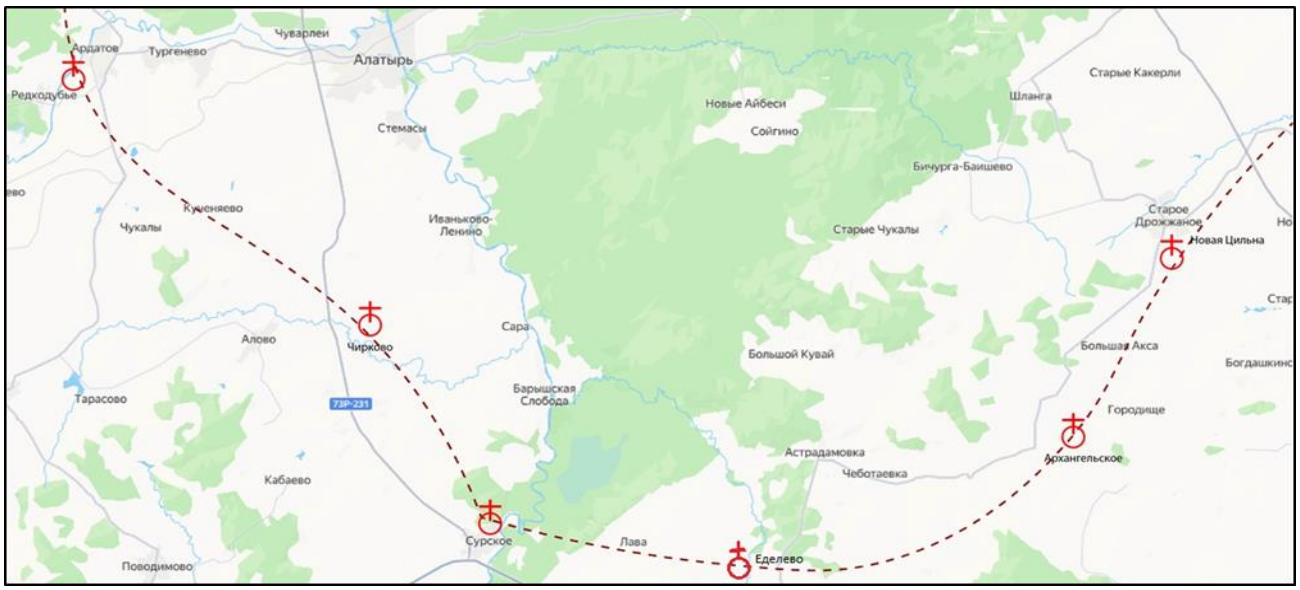


Рис. 6. Схема движения войск в походе 1552 года согласно эклезионимам на отрезке от г. Ардатов до с. Новая Цильна (согласно автору).

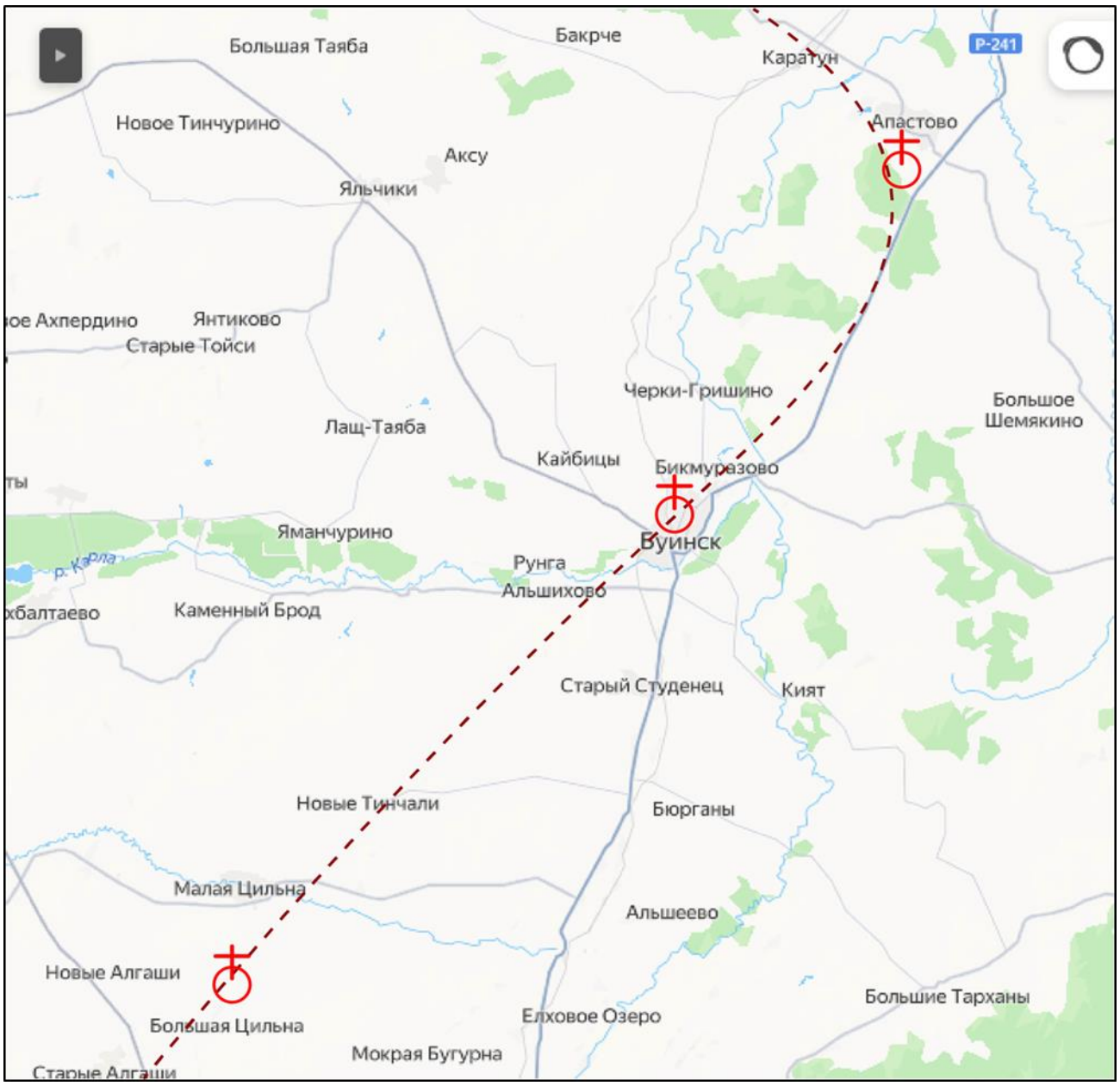


Рис. 7. Схема движения войск в походе 1552 года согласно эклезионимам на отрезке от с. Новая Цильна до пос. Апастово (согласно автору).

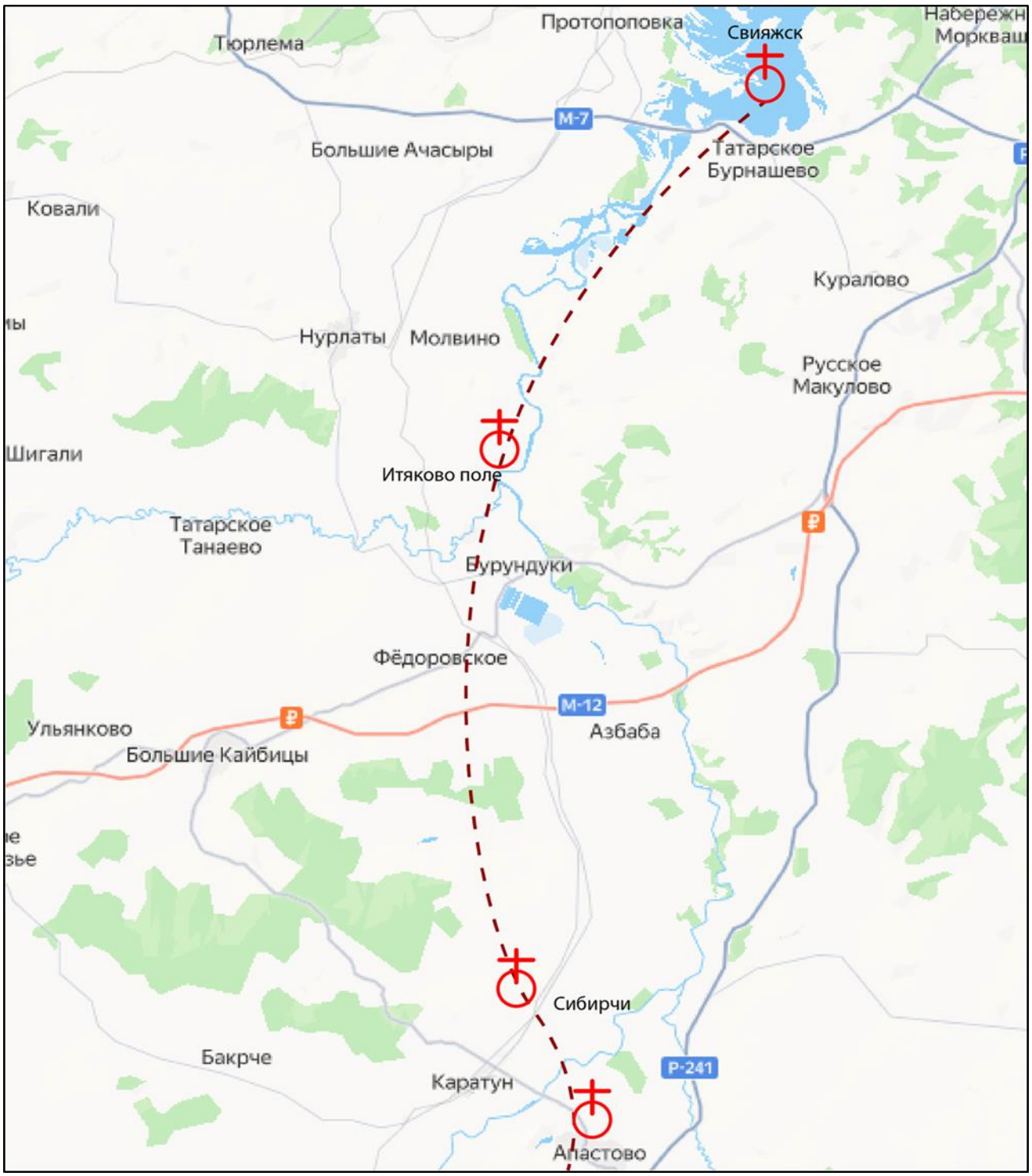


Рис. 8. Схема движения войск в походе 1552 года согласно эклезионимам на отрезке от пос. Апастово до с. Свияжск (согласно автору).

Л. Н. Аряев
независимый исследователь.
l.aryayev@yandex.ru

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА. ТАТИЩЕВСКОЕ ИЗВЕСТИЕ О ТАЙНОМ ДОГОВОРЕ ВАСИЛИЯ ТЕМНОГО И УЛУ-МУХАММЕДА.

В «Истории Российской» В. Н. Татищева содержится уникальное известие о грамоте, найденной при пленении Василия Темного Дмитрием Шемякой в феврале 1446 г, в которой оговаривались условия выкупа Василия Темного из татарского плена после Суздальской битвы 1445 года. По В. Н. Татищеву, Василий Темный обязался выплатить 5000 рублей и впредь давать Улу-Мухаммеду ежегодно по 2 рубля со 100 голов. Указываемая в известии сумма меньше «урочной» дани, которую, по мнению историка, ранее взымала Орда с Руси (25 гривен на 100 человек). Грамота вымышлена В. Н. Татищевым, чтобы опровергнуть обвинения Василия Темного в намерении отдать Русь под прямое управление татар.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, «История Российская», Василий Темный, Дмитрий Шемяка, Улу-Мухаммед, ордынский выход.

Вопросы о времени и обстоятельствах утверждения в Казани династии Улу-Мухаммеда издавна привлекали внимание историков. Уже основоположник российской научной историографии Василий Никитич Татищев (1686-1750 гг.) в 3-й части своей «Истории Российской», опираясь в первую очередь на Никоновскую летопись, писал о походах Улу-Мухаммеда на Русь, о Белевской и Суздальской битвах, о пленении и выкупе Василия Темного, а в 4-й части дословно повторил версию все той же Никоновской летописи, согласно которой после освобождения Василия Темного из Курмыша сын Улу-Мухаммеда Мамутяк «пришед из Курмыша, Казань взял, а казанского царя Языи (Азыа) убил, а сам на Казани воцарился. И оттоле началось царство быти Казанское…» (Татищев, 2017 b. С. 320-321, 341-344; 2018 a. С. 310; ПСРЛ Т. XIII. С. 251). Не ограничиваясь заимствованиями из Никоновской летописи, В. Н. Татищев внес несколько собственных соображений по истории Казанской земли: например, атаковавших в 1429 г. Галич татар он обозначил как «казанских»; сообщение о мире Василия Темного с Казанским царством в 1460 г. В. Н. Татищев дополнил известием, что великий князь «взял» с казанскими послами не только «мир», но и «братство» (Татищев, 2017 b. С. 310, 361; ПСРЛ Т. XII. С. 8, 114).

Однако же самым интересным штрихом, внесенным В. Н. Татищевым в картину московско-казанских отношений, безусловно, является его уникальное известие об условиях освобождения и сумме выкупа Василия Темного из плена после поражения в Суздальской битве 1445 г.

Как известно, источники не дают надежных сведений о сумме, уплаченной Василием Темным за свое освобождение. В великокняжеском московском летописании глухо говорится, что «Царь Махмет и сын его Мамутяк князя великого пожаловали, утвердив его крестным целованием, что дати ему с себя окуп, сколько может, и отпустиша его с

Курмыша» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 263; ПСРЛ. Т. XII. С. 66). Новгородский летописец сообщил о 200 тысячах рублей выкупа, многозначительно добавив «а иное Бог весть да оне» (Первая Новгородская летопись, С. 426). Псковские летописи называли сумму в 25 тысяч (ПСРЛ. Т. IV. С. 213). Вывести из такого рода сообщений некое «среднее значение» не представляется возможным. Неизвестна не только реальная сумма выкупа, но даже то, был ли он вообще уплачен или же только обещан. Тверская летопись, правда, упоминает, что с вернувшимся Василием приехали «татарове», которые «дани имати великиа» и что этими данями великий князь «с себе окуп давати татаром» (ПСРЛ Т.15. С. 492). Это известие подтверждает, что выкуп был выплачен, но опять-таки ничего не говорит о его величине. Не дают источники и ответа на другой важный вопрос – шла ли речь о единовременной выплате или же Василий обязался Улу-Мухаммеду ежегодной данью. Как следствие, специалисты строят различные предположения на этот счет (Павлов, 1957; Аракчеев, 2017; Илюшин, 2021. С. 38-39), однако, ввиду скудости материала, ни одно из предположений не может быть однозначно подтверждено.

И вот в татищевской «Истории Российской» содержится рассказ, дающий, казалось бы, исчерпывающие ответы на все эти вопросы. Любопытно, что, в отличие от сотен других «татищевских известий», этот рассказ практически не привлекал внимания историков. Значительное внимание ему уделил только Н. С. Борисов в своей обстоятельной монографии об Иване III, к которой мы еще обратимся. Во многом такое слабое внимание историков обусловлено тем, что сведения В. Н. Татищева о начале Казанского царства помещены в 3-й и 4-й частях его труда, которые остались незавершенными и даже не были снабжена авторскими примечаниями. Вследствие этого исследователи нередко недооценивали степень обработки В. Н. Татищевым его исходного летописного материала об эпохе Московской Руси. Между тем копия текста XV Академического списка Никоновской летописи, положенная В. Н. Татищевым в основу 3-й и 4-й частей его «Истории», была подвергнута значительной правке: многие известия, преимущественно относящиеся к церковной истории, знамениям, чудесам и проч. были зачеркнуты, некоторые слова и выражения были парадоксальным на первый взгляд образом заменены более архаичными, в то же время в текст попали явные украинизмы, которых в великорусской летописи XVI века быть никак не могло. Возможно, В. Н. Татищев, принимавший патриарха Никона за автора летописи, посчитал ее недостаточно «древней» и «авторитетной» и попытался повысить ее источниковедческую ценность путем архаизации языка, но, как и многие другие его современники, принял некоторые украинские слова за древнерусские. Наконец, текст Никоновской летописи в 3-й и 4-й частях «Истории» дополнен десятками уникальных известий, не имеющих соответствий в сохранившихся аутентичных источниках. К их числу

относится и татищевский рассказ об условиях тайного договора между Василием Темным и Улу-Мухаммедом в 1445 г.

Любопытно, что условия выкупа озвучены В. Н. Татищевым не в том месте, где сообщается об освобождении великого князя, а привязаны к рассказу о его пленении и ослеплении Дмитрием Шемякой в феврале 1446 г. В тексте копии Никоновской летописи между словами «стоял на дворе Поповкине» и «на ночь ослепиша великого князя», взамен зачеркнутого «а в среду на той же недели» у Татищева дописан следующий текст: «*И начаша искати грамот, какову запись даде хану Улу-Магметю, и обретоша написану: дати за себе 5000 рублев да дани даяти на всяк год со всея земли Руския со 100 голов 2 рубля. И князь Иван, видя сие, рече: „Почто верихом бояром его и чернцем не любясчим?». Но тии, клянусчеся, рекоша, яко словом тако обесча, и советоваху убити его. Но князь Иван и друзии мнози реша Димитрию: „Асче сие учиниши, то вежд, яко князи рустии востанут на тя; и асче Василий недобре живет и люди своя всея Руския земли не бережет и обидит, то возьми великое княжение, а ему дамы удел твой, и того вси будем стресчи, да не востанет паки на тя и не мстит». Но князь Димитрий с боярами московскими и чернцы уложиша ослепити его и тоя же недели в среду*» и далее вновь идет текст Никоновской летописи об ослеплении Василия (Татищев, 2017 b. С. 347).

Таким образом, согласно В. Н. Татищеву, договор Василия Темного был оформлен в виде «грамоты» или «записи», согласно которой единовременная сумма выкупа составила 5000 рублей, сверх того московский великий князь обязался выплачивать Улу-Мухаммеду по 2 рубля со 100 голов со всей Русской земли. Помимо этого, В. Н. Татищев сообщает, что союзник Шемяки князь Иван, т. е. Иван Андреевич Можайский, был против жестких мер в отношении Василия Темного и даже предлагал им с Шемякой поменяться владениями, однако же московские бояре и некие «чернецы» поддержали ослепление Василия.

Никакой подобной «записи» или «грамоты» не обнаружено, о ее существовании и ее содержании мы знаем только со слов В. Н. Татищева. Насколько достоверно это свидетельство?

Н. С. Борисов отнесся к этому рассказу с полным доверием: по его словам, данный эпизод - «ключевой для правильного понимания всей ситуации», без которого «события февраля 1446 года как бы рассыпаются и теряют логическую связь» (Борисов, 2006. С. 91). По мнению исследователя, это известие, равно как и другие уникальные сведения Татищева о княжении Василия Темного, восходит к особому списку Никоновской летописи, бывшему в распоряжении Татищева и впоследствии утраченному (Борисов, 2006. С. 89).

Предположение об особом «татищевском» списке Никоновской летописи высказывал еще в 1887 г. И. П. Сенигов, работа которого вызвала резко отрицательный отзыв А. А.

Шахматова (Сенигов, 1887. С. 315; Шахматов, 1920. С. 6). С. Л. Пештич (Пештич, 1961. С. 254-255) бесспорно установил, что В. Н. Татищев пользовался хорошо известным XV Академическим списком Никоновской летописи, в котором даже имеются его собственноручные пометки; кроме того, единственная во всей «Истории Российской» точная ссылка на страницу летописи относится к этому списку; во всех трех редакциях «Истории Российской» - 1739, 1746 и 1750 гг. – в списке «манускриптов» фигурирует «летописец Воскресенского монастыря, подписанный Никоном патриархом» (Татищев, 2018 b. С. 70; 2017a. С. 55; 2016. С. 156-157); в то же время, какие-либо даже косвенные намеки на еще один список Никоновской летописи, ни в тексте «Истории Российской», ни в бумагах и переписке В. Н. Татищева не значатся.

Читающиеся в татищевской «Истории» вставки в текст Никоновской летописи не отыскиваются ни одном из десятка известных ее списков. Это справедливо и в отношении якобы обнаруженной Шемякой грамоты. Надо учитывать, что Никоновский свод – позднее компилятивное сочинение, опирающееся на целый ряд более ранних летописей. Борьба Василия Темного с галицко-дмитровскими родичами была изложена составителем Никоновского свода по Иоасафовской летописи, сохранившейся в единственном списке, в котором, как нетрудно догадаться, ничего о грамоте не сказано. Получается, чтобы поверить В. Н. Татищеву, нужно не только допустить существование утерянного татищевского списка Никоновской летописи, но и утверждать, что некогда существовал и особый, до сих пор не найденный или погибший список Иоасафовской летописи, в котором читался рассказ об обыске и спорах в великокняжеском дворце. Но и это еще не все. Иоасафовская летопись базируется на Московском великокняжеском своде конца XV века. Если посчитать татищевское известие о грамоте аутентичным, то требуется признать, что оно читалось и в этом своде, точнее, в его утерянном (опять-таки) списке, потому что в сохранившимся списке, обнаруженном академиком Тихомировым, этого известия нет. Но Московский великокняжеский свод конца XV века, в свою очередь, брал рассказ об эпохе Василия Темного из Московского великокняжеского свода 1479 г. В единственном известном списке этого свода сведений о грамоте нет, значит, если верить Татищеву, где-то должен был существовать другой его список.

Таким образом, признать татищевское известие о договоре Василия Темного с Улу-Мухаммедом за аутентичное можно лишь допустив, что некогда существовало еще как минимум четыре особых списка летописей Никоновской, Иоасафовской, московских великокняжеских летописей конца XV в. и 1479 г., впоследствии бесследно исчезнувших.

Теоретически можно предположить, что известие о грамоте было вставлено в некий не дошедший до нашего времени список Никоновской летописи, составленный в XVII или даже

в начале XVIII века. Об аутентичности и правдивости известия в этом случае, конечно, говорить не приходится, но по крайней мере можно было утверждать, что В. Н. Татищев не выдумал это известие, а излишне доверился позднему недостоверному источнику. Однако в данном случае речь идет не только об отсутствии гипотетического текста с уникальным известием, но – что важно – с отсутствием свидетельства самого В. Н. Татищева о каком-либо подобном тексте. Иными словами, для защиты В. Н. Татищева нужно домысливать за Татищева и добавлять к его виртуальным летописям (Иоакимовской, Раскольничьей, Симоновой и проч.) еще и столь же виртуальный список Никоновской летописи. Кроме того, фантомному составителю этого виртуального списка нужно приписать обладание либо колоссальной фантазией, либо огромным архивом и внушительным списком дополнительным источников, с помощью которых он вносил уникальные известия, читающиеся в «Истории Российской» - а таковых только в главе о Василии Темном насчитывается около шести десятков.

Н. С. Борисов придает больше значение тому, что рассказ о грамоте как бы «скрепляет» события февраля 1446 г., придавая им связность и осмысленность. Если бы это действительно было бы так, то это скорее бы свидетельствовало против достоверности данного татищевского известия. Дело в том, что значительная часть явно вымышленных фрагментов введены В. Н. Татищевым именно для того, чтобы восполнить реальные или мнимые лакуны в летописном нарративе. Глава о Василии Темном содержит несколько показательных примеров такого рода.

Например, в Никоновской летописи перед Белевской битвой попавший в трудное положение Улу-Мухаммед предлагает очень выгодные условия мира, а воеводы Собакин и Голятев их отвергают: «Царево слово к вам: даю вам сына своего Мамутека, а князеи своих даю в заклад на том: дасть ми Бог буду на царстве, и доколе буду жив, дотоле ми земли Руськие стеречи, а по выходы ми не посылати, ни по иное ни по что“. Они же того не възхотеша». Вдруг обстановка без видимой причины меняется: «князи же Татарстии реша воеводам великого князя: „а сего ли не хотете? озритеся назад“. Они же, посмотревше за себе, видевше своих бежащих, гонимы никимиж же». Что же вызвало столь разительную перемену в соотношении сил? Для летописца в произошедшем не было загадки: причину внезапного поражения он видел в том, что на пути к Белеву братья Юрьевичи «все пограбиша у своего же православного христианства, и мучяху людей из добытка, и животину, биюще, назад себе отсылаху, и неподобнаа и сквернаа деаху»; как следствие, «за множество съгрешений наших, попусти Господь неверным одолети многому въиньству православным христианом» (ПСРЛ Т. XII. С. 24-25). Однако рационалиста В. Н. Татищева подобное объяснение не устраивало, для него в летописном нарративе тут имелся явным

пробел, который он поспешил восполнить. В «Истории Российской» после слов «Они же того не восхотеша» дописан следующим текст: «и начаша вооружатися. Тогда Улу-Магмет, собрав вся люди своя, вооружися, хотяй храбре со всеми своими умрети, а в плен не датися, и ударивше в середину полков руских, начаша мяти, а друзии рустии полцы, по странам и назади стоясчии, побегоша, никим гоними. Сие видевше, протчие побегоша, а татарове, мало гнався, осташася. Тако наказа бог за превозношение» (Татищев, 2017 b. С. 321).

С похожей резкой сменой обстановки В. Н. Татищев столкнулся в летописном рассказе о нашествии на Москву царевича Мазовши. 2 июля 1451 г. татары сжигают московские посады. На следующий день жители ожидают штурма, но вместо этого осаждавшие внезапно начинают стремительное отступление. Летописцу было само собой понятно, что «татары побегоша гневом Божиим, и молитвою пресвятыа Матери его, и великих чюдотворев молением и всех святых» (ПСРЛ Т. XII. С. 76-77). Однако историку Нового времени требовалось качественно иное «объяснительное устройство», и В. Н. Татищев, не найдя ничего в доступных ему источниках, смоделировал его сам: «Татаре же изымаете пред градом двою от рабов митрополих, и тии, яко согласившеся, реша им, яко князь великий со многою ратию иде к Оке преяти пути их. Они же, убоявшеся, тоя носчи побегоша» (Татищев, 2017 b. С. 355). Располагай В. Н. Татищев Ермолинской летописью, ему не пришлось бы прибегать к такого реконструкциям, поскольку в этом источнике отступление Мазовши объяснялось не только заступничеством Богородицы и чудотворцев, но и вполне рациональной причиной: услышав шум в осажденном городе, татары решили, что это подошел Василий Темный «со многими силами» (ПСРЛ Т. XXIII. С. 155). Впрочем, относительно Белевской битвы В. Н. Татищев тоже располагал источником – Львовской летописью – со вполне рациональным толкованием внезапного поражения из-за «крамолы» Григория Простасьева (ПСРЛ. Т. XX. С. 240-241). К сожалению, вместо поисков ответа в источниках В. Н. Татищев предпочел дать волю своей фантазии.

Можно привести еще много примеров, но принцип уже понятен: домыслы служили В. Н. Татищеву для более полной и рациональной организации летописного нарратива. Однако, как раз повествование о грамоте Василия Улу-Мухаммеду ни малейшей ясности в летописный текст не вносит и даже скорее запутывает его. Показательно, что Н. С. Борисов, цитируя этот место, предлагает для его интерпретации как минимум пять равновероятных вариантов: 1) Василий и его окружение преуменьшали реальную сумму выплат, чтобы не вызвать недовольства подданных; 2) Василий, наоборот, преувеличил сумму выкупа и выхода, чтобы присвоить себе собранные излишки; 3) васильевы бояре пытались выгородить своего «патрона» перед Шемякой; 4) васильевы бояре оправдывались перед Шемякой, уверяя, что Василий принуждал их ко лжи; 5) наконец, сама грамота – это фальшивка,

подброшенная по приказанию Шемяки. От неизбежного хаоса при столь разнородных и взаимоисключающих интерпретациях исследователь спасается предположением, что содержание грамоты компрометировало Василия Темного, или, говоря словами исследователя, «обличало Василия II в обмане», так что после ее обнаружения «раздался вопль всеобщего негодования», а «князья и бояре пришли в ярость» (Борисов, 2006. с. 89-91).

Однако подобная интерпретация татищевского текста представляется ошибочной. Действительно, бояре и «чернецы» Василия, которые настолько не любят своего государя, что требуют немного нимало его смерти, клянутся «яко словом тако обесча». Выражение «тако» никак не может относиться к выкупной сумме 5000 рублей и к обязательству платить дань: все это указано в документе, который Шемяка уже держит в руках, клясться в том, что Василий Темный то же самое обещал Улу-Мухаммеду устно, было бы полной бессмыслицей. Разумнее предположить, что «бояре и нелюбясчие чернецы» говорили о другом, а именно о слухах касательно намерения Василия отдать Москву и всю Русь под управление татарам, а самому сесть в Твери (ПСРЛ. Т. XII. С. 67; Татищев, 2017 b. С. 344). Бояре и чернецы клятвенно подтверждали это обвинение, найденная же при обыске (но впоследствии, увы, пропавшая) грамота его недвусмысленно опровергала, что и вызывало непонятную при ином толковании реплику Ивана Можайского «Почто верихом бояром его и чернцем не любясчим?».

Таким образом, обозначенные в грамоте условия, с точки зрения В. Н. Татищева, не только не компрометировали Василия Темного, но и, наоборот, оправдывали его. Сумма выкупа в 5000 рублей не могла казаться историографу запредельно большой на фоне цифр в 25 и даже 200 тысяч, даваемых Новгородскими и Псковскими летописями, которые, что важно, были знакомы В. Н. Татищеву как «летопись попа Иоанна» и как «псковский манускрипт» (Татищев, 2016. С. 55; Толочко 2005. С. 68). Любопытно, что и с современной точки зрения размер выкупа выглядит пусть и не малым, но отнюдь не сверхвысоким: он примерно соответствует ежегодному выходу с великого княжества Владимирского (Московского), который, согласно подсчетам В. А. Кучкина, в начале-середине XV века колебался в пределах 5000-7000 рублей (Кучкин, 2021). Что же касается указанной в грамоте суммы дани 100 рублей с 2 голов, то она не находит никаких параллелей в аутентичных источниках. Поэтому ее нужно сравнивать с татищевским же известием от 1275 г., согласно которому великий князь Василий Ярославич привез в Орду «урочную дань», составившую «по полугривне с сохи, а в сохе числиша 2 мужи работнии» (Татищев, 2017 b. С. 65). Итак, в картине мира В. Н. Татищева ордынская дань для Руси составляла 0,5 гривен на 2 человека, то есть 25 гривен на 100 человек. По какому бы курсу ни пересчитывал историограф гривны в рубли, даже по заведомо «невыгодному» современному В. Н. Татищеву курсу (десять

гривен в рубле) сумма дани, якобы обещанной Василием Темным Улу-Мухаммеду (2 рубля со 100 голов) получалась меньшей по размеру, чем дань 1275 года.

Приводимые В. Н. Татищевым данные сугубо сомнительны, но важно понять его общий посыл: условия выкупа Василия Темного были в достаточной степени умеренными. Как и во многих других местах «Истории Российской», В. Н. Татищев презентовал свое толкование событий не авторским предположением или комментарием, а в виде текста претендующего на аутентичность источника. Особенность данного случая в том, что источник был не нарративный (летопись) а документальный (грамота). Татищев, однако же, не цитирует документ напрямую, а дает его пересказ. Манера пересказа сама по себе способна посеять сомнения. Если бы древнерусский книжник действительно обладал бы сведениями о тайных договоренностях Василия Темного с Улу-Мухаммедом, он не стал бы «держать интригу» с обысками во дворце и внезапными находками сенсационных документов, а изложил бы эти сведения уже при рассказе об освобождении Василия Темного из Курмыша. Весьма показательно и титулование Улу-Мухаммеда «ханом», обычное для В. Н. Татищева, но невозможное ни для кого из летописцев, неизменно именующих татарских властителей царями.

Но что самое важное и что неоспоримо обличает фиктивный характер этой «пропавшей» грамоты – так это полное отсутствие в ней упоминаний о земельных пожалованиях татарским царевичам, в первую очередь Касиму. Хотя историки по-разному оценивали конкретное время и условия образования Касимовского царства (одни считали это вынужденной тяжелой уступкой со стороны Василия Темного, другие – его важнейшим политическим успехом), но сама по себе хронологическая и причинно-следственная связь освобождения Василия Темного с поселением на Руси служилых татар сомнению никем не подвергается. Как справедливо заметил А. В. Беляков, независимо от причин возникновения и статуса Касимовского царства, это был первый случай, когда Чингисиды получили пожалование из рук Рюриковичей (Беляков 2011. С. 375). Нет сомнений, что в аутентичной грамоте непременно были бы пункты, регулирующие места и условия проживания служилых татарских царевичей на Руси. Но этого нет, поскольку важность данной темы во времена В. Н. Татищева еще не была оценена в полной мере.

Таким образом, под видом пересказа грамоты В. Н. Татищев представил собственную версию условий выкупа Василия Темного. По-видимому, образцом для него послужила все та же Никоновская летопись, при составлении которой широко использовались актовые материалы, послания, грамоты, духовные. Так, под 1160 г. в ней содержался текст письма константинопольского патриарха Луки Хрисоверга к Андрею Боголюбскому (ПСРЛ Т. IX. С. 223-229). Это послание В. Н. Татищев счел подложным, поскольку в нем духовная власть

ставилась выше светской, что не могло не возмущать рационалиста и антиклерикала петровской выучки. Как писал В. Н. Татищев, в грамоте «многое несогласное и противное здравому разсуждению находится, яко имянует епископа главою церкви и государства властелином, и судиею себя над государем поставляет весьма неприлично». Столь же не «неприличным» историограф посчитал уподобление чернецов ангелам. О том, что «здравый смысл» иерарха XII века мог существенно отличаться от здравого смысла администратора и ученого XVIII столетия, В. Н. Татищев не задумывался и решительно объявил грамоту фальшивкой, сделанной властолюбивым патриархом Никоном: «И для того мню, что сия грамота Никоном для утверждения его над государем исчемой власти сочинена и в его летопись внесена, ибо, кроме сего, ни в одном летописце не находится и в библиотеке патриаршей не отъискана» (Татищев, 2017 а. С. 584-585).

Грамота Луки Хрисоверга, хотя и отвергнутая В. Н. Татищевым, подсказала ему изящный способ внесения дополнительных известий в повествовательный летописный текст. Вдохновившись мнимым разоблачением якобы фальшивой грамоты, В. Н. Татищев, видимо, решил использовать свои исследовательские навыки для сочинения собственного документа, в котором уже никто не отыскал бы ничего «несогласного и противного здравому рассуждению». Принимая во внимание то, сколько поколений исследователей В. Н. Татищеву удавалось вводить в заблуждение, навыки у него действительно были хорошими. Это, однако же, не отменяет того печального факта, что татищевское известие о пропавшей грамоте Василия Темного, как и многие другие приводимые им уникальные сведения, нельзя признать аутентичным.

Список источников и литературы.

Аракчеев В. А. Порядок сбора ордынского «выхода» в русских землях во второй половине XV века // Великое стояние на реке Угре и формирование российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: материалы всероссийской с международным участием научной конференции. Калуга: Издатель Захаров С. И. («СерНа»), 2017. С. 17–31.

Беляков А. В. Чингисиды в России XV-XVII вв. Просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мір», 2011. 512 с.

Борисов Н. С. Иван III. 3-е изд. М.: Молодая Гвардия, 2006. 644 с.

Илюшин Б. И. Казанские войны Василия III: монография. Казань: Издательский дом «Логос», 2021. 428 с.

Кучкин В. А. Завоевание Руси Батыем и ордынский «выход». / Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории. М.: Индрик, 2021. с. 22-35.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (ПНЛ). М., Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. 580 с.

Павлов Н. П. Была ли Русь данницей Казани? // Ученые записки Красноярского гос. педагогического института. 1957. Т. 9. Вып. 1. С. 157–165.

Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1. 276 с.

ПСРЛ. Т. IV. IV и V Новгородские и Псковские летописи. СПб., 1848. 370 с., разд. паг. (VIII с., 362 с.).

ПСРЛ. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с., разд. паг. (VI с., 266 с.).

ПСРЛ. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриарщею или Никоновской летописью. СПб., 1904. 308 с., разд. паг. (V с., 303 с.).

ПСРЛ. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863. 547 с. разд. паг. (V с., 540 с.).

ПСРЛ. Т. XX. Львовская летопись. Ч.1. СПб., 1910. 422 с. разд. паг. (IV с., 418 с.).

ПСРЛ. Т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910. 244 с. разд. паг. (V с., 239 с.).

ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М., Л.: Изд. Акад. Наук СССР, 1949. 462 с.

Сенигов И. П. Историко-критические исследования о новгородских летописях и о «Российской истории» В. Н. Татищева. М., 1887. 442 с. разд. паг.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. В 7 т. Т. 1. М.: Академический проект, 2016. 703 с.

Татищев В. Н. Российская история с самых древнейших времен. В 7 т. Т. 4. М.: Академический проект, 2017 a. 733 с.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. В 7 т. Т. 5. М.: Академический проект, 2017. b. 454 с.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. В 7 т. Т. 6. М.: Академический проект, 2018. a. 557 с.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. В 7 т. Т. 7. М.: Академический проект, 2018. b. 579 с.

Шахматов А. А. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева. «Дела и дни». Кн. I. Птгр. 1920. С. 80-95.

С. К. Свечников
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, канд. ист. наук
svechnikov-sk@mail.ru

ВОПРОС ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ «ИЗ НАГАЙ ЦАРЯ», ПРИГЛАШЕННОГО МАРИЙСКИМ СОТНИКОМ МАМИЧ-БЕРДЕЕМ В 1555 ГОДУ

В статье рассматривается дискуссионный вопрос о личности царевича, приглашенного марийским сотным князем Мамич-Бердеем в период черемисской войны 1552–1557 гг. В русских летописях он значится как Ахполбей, но это имя не встречается среди джучидских династов. Вместе с тем имеются основания отождествлять Ахполбея с астраханским царевичем Такбилди.
Ключевые слова: Мамич-Бердей, черемисы, ногаи, Ахполбей, Али-Акрам, Такбилди.

После падения Казани 2 октября 1552 г. в Среднем Поволжье развернулось мощное повстанческое движение, известное под названием «черемисская война». Это движение началось зимой 1552/1553 и завершилось весной 1557 г., развиваясь волнами: каждый раз после подавления основных очагов сопротивления новый импульс вооруженной борьбы из Луговой стороны вновь распространялся по остальной территории бывшего ханства. На место павших предводителей выдвигались новые.

После подавления войсками Ивана IV самой первой, наиболее мощной волны сопротивления (конец 1552 – начало 1554 гг.) руководителем повстанцев стал «луговой сотный князь» (мар. *лужавуй*) Мамич-Бердей (Мамыш-Берди). Самые ранние сведения о нем относится к осени 1554 г. (ПСРЛ, т. XIII, 2000. С. 247). Зимой 1554/1555 г. царские войска во главе с князем И. Ф. Мстиславским и дворецким московским и казанским Д. Р. Юрьевым-Захарьиным опустошили земли кокшажских и ветлужских марийцев, в том числе и «Мамичь-Бердеевы волости». В ответ лугомарийские воины «приходили на Арскую сторону войною». Однако прежние союзники оказали им сопротивление: «...арьские люди, остроги поделав, от них отбилися, а с ними в острозех были стрелцы царя и великого князя, ис пищалей побивали многих луговых; а луговые воевали села татарские и пошли на Луговую». Такая реакция татар была вызвана, прежде всего, тем, что на их территории присутствовал русский стрелецкий отряд. В то время как повстанцы действовали на Арской стороне, вглубь лугомарийской территории внезапно вторглись горные люди, они «людей побили и в полон поимали и животину побили и пришли, дал бог, здорово». Это был лыжный военный отряд в 700 человек во главе с Федкой Баскаковым, сформированный по распоряжению свияжского воеводы князя М. И. Воротынского. (ПСРЛ, т. XIII, 2000. С. 246).

8 сентября 1555 г. был составлен разряд очередного зимнего похода, имевшего целью «воевать луговой черемисы». Возглавили операцию князья А. М. Курбский и Ф. И. Троекуров. К полкам, прибывшим из центральной части Московского государства,

присоединились войска из Казани во главе с Ф. И. Бутурлиным и из Свияжска под руководством С. И. Гагарина (Разрядная книга, 1966. С. 153; Разрядная книга, 1978. С. 500–501). Чем завершился этот поход, источники не сообщают, но, похоже, царские войска на этот раз потерпели неудачу. Как полагает А. Г. Бахтин, Мамич-Бердей сумел уклониться от столкновения с царскими войсками» (Бахтин, 2012. С. 365). Вероятно, именно эту военную операцию раскритиковал Иван IV в своей переписке с А. М. Курбским: «Егда убо послахом тя в свою вотчину, в Казань, непослушных нам повинити..., никоего же им зла сотворил еси» (Переписка, 1979. С. 42). В свою очередь, А. М. Курбский, красочно и многословно описавший свое участие в других казанских походах (в 1552 и 1553/1554 гг.), об этом событии стыдливо умалчивает.

В течение 1555 г. Мамич-Бердей объединил вокруг себя разрозненные марийские отряды, создав, можно сказать, черемисский военный союз, ему также удалось привлечь на свою сторону татар и южных удмуртов. В летописях сообщается: «Арские люди и побережные государю изменили и стрелцов побили, которые у них были на береженье в посылке с Мамич-Бердеем». Опорным пунктом и временной столицей повстанцев стала Чалымская крепость на Побережной стороне (ПСРЛ, т. XIII, 2000. С. 265, 269). А. Г. Бахтин главную причину присоединения арских и побережных людей к повстанческому движению видит в том, что те за два года подчинения царской администрации «с лихвой испытали на себе все тяготы произвола и злоупотреблений чиновных и служилых людей» (Бахтин, 2012. С. 367). Однако в пользу этого предположения нет прямых свидетельств источников. Однако обращает на себя внимание тот факт, что, согласно русским летописям, присоединение к повстанцам населения Арского и Побережного сторон (преимущественно татар) произошло одновременно с появлением в стане Мамич-Бердея «из Нагаи царя» (ПСРЛ, т. XIII, 2000. С. 265–266).

Мамич-Бердей, по всей видимости, рассчитывал восстановить Казанское ханство во главе с Чингисидом, сплотить вокруг его фигуры народы Среднего Поволжья, прежде всего, татар, для которых черемисский сотник Мамич-Бердей сам по себе ничего не представлял. Для них он был лишь одним из «черемис», «черни», «кара халык», ясачного населения Казанского ханства. Иное дело – прямой потомок Чингисхана, который имел все законные права на казанский престол. Вероятно, именно появление рядом с марийским предводителем Чингисида стало основной причиной присоединения татар и других народов Среднего Поволжья к повстанческому движению на исходе 1555 г.

Большие надежды Мамич-Бердей возлагал также на военную помощь со стороны Ногайской Орды, полагая, что это позволит на равных тягаться с Московским государством. Но его совсем не устраивало то, что с царевичем прибыло немногочисленное войско (от 100

до 300 ногайских воинов). Этого явно было недостаточно, чтобы усилить ударную мощь повстанческих войск. Более того, Чингисид со своим воинством стал обирать местное население. В итоге Мамич-Бердей решил избавиться от этой обузы. По словам летописца, «царь им не учинил никоторые помочи, и он (Мамич-Бердей. – С.С.) царя убил и всех нагай побил». А. М. Курбский дает более подробные сведения: «...егда разсмотревши, иже мало им прибыли с того царя, убиша его и сущих с ним татар, аки триста, и главу ему отсекоша и на высокое древо взоткнули и глаголали: «Мы было взяли тебя того ради на царство, з двором твоим, да обороняеши нас; а ты и сущие с тобою не сотворил нам помощи столько, сколько волов и коров наших поел: а ныне глава твоя да царствует на высоком коле!» (Курбский, 2015. С. 84; ПСРЛ, т. XIII, 2000. С. 265−266). Судя по этому сообщению, одной из важных побудительных причин марийско-ногайского конфликта могли быть и различия в традициях питания двух народов. Марийская кухня издавна была основана на сочетании растительной и мясной пищи с упором на первую, в то время как ногаи привыкли питаться исключительно продуктами животноводства. Энтони Дженкинсон, в частности отмечает следующие особенности питания ногаев: «Они едят много мяса», «ничего не сеют и не едят хлеба», «огромное количество пожираемого ими мяса и молока составляет источник их силы» (Английские..., 1938. С. 170). Видимо, черемисы, для которых мясо, как правило, являлось ингредиентом праздничных, а не повседневных блюд, требование ногаев постоянно кормить их говядиной воспринимали как неслыханную наглость.

Казнь Чингисида, видимо, говорит о том, что Мамич-Бердей в конечном счете отказался от первоначальной идеи восстановления Казанского ханства. Латентной причиной этого убийства могли быть опасения марийского предводителя в том, что Ахполбей будет опираться не на него, а на окружение из числа татарской феодальной знати, занимавшей господствующие позиции в Казанском ханстве. В начале 1556 г. Мамич-Бердей был на пике своего могущества, под его контролем находилась вся левобережная часть бывшего Казанского ханства, за исключением Казани. Численность его войска росла, как рос и боевой опыт его отрядов, которые все больше стали походить на грозную, хорошо организованную армию. В это же время, по сообщению А. М. Курбского, в Москве состоялось совещание Ивана IV с высшими светскими и духовными сановниками («рада то была богатых и ленивых мнихов и мирских»), на котором многие советовали государю вывести оставшиеся русские войска из Казанского края: «...да покинет место казанские и град, и воинство христианское сведет оттуду» (Курбский, 2015. С. 84).

В феврале-марте 1556 г. Мамич-Бердей с 2 000 воинов перебрался на Правобережье, чтобы «отводити от царя и великого князя» горных людей (в первую очередь, своих соплеменников – горных марийцев). По всей видимости, Мамич-Бердей взял курс на

создание военно-политического объединения луговых и горных марийцев, которое в перспективе при благоприятных условиях могло трансформироваться в ту или иную форму государственности марийского народа. Тем не менее, Мамич-Бердей и его соратники попали в западню, устроенную промосковской группировкой горных людей. 21 марта 1556 г. прибыли в Москву «горние люди Алтышь сотник с товарыщи, и привели с собою изменника Мамичь-Бердея лугового сотного князя; а сказывали государю, что приходил Мамич-Бердей их воевати, а с ним было две тысячи человек, и к острогу их приступал и их воевал; и они с ним зговорили, что им с одного с ним изменити, да уверяся с ним да взяли его пити к себе, а с ним человек з двесте, да тех людей всех побили, а его изымав, к государю привели. И царь и государь горних людей пожаловал великим своим жалованьем и всяких им пошлин полегчил» (ПСРЛ, т. XIII, 2000. С. 266).

Об окончательной судьбе Мамич-Бердея нет никаких сведений. По предположению А. Г. Бахтина, на допросах марийского сотенного князя присутствовали многие влиятельные фигуры Российского государства, в том числе царь Иван IV и князь А. М. Курбский; затем его казнили, либо замучили до смерти (Бахтин, 2012. С. 368).

В ходе допросов Мамич-Бердея выяснилось имя приглашенного царя – Ахполбей. По крайней мере, так его записали русские летописцы (ПСРЛ, т. XIII, 2000. С. 266; т. XX, ч. II. С. 569; т. XXIX, 1965. С. 244−245). По словам И. П. Ермолаева и И. Л. Измайлова, «личность его и его роль в событиях Казанской войны довольно туманны, поскольку источники чрезвычайно отрывочны и противоречивы» (Ермолаев, Измайлов, 2014. С. 81). В. В. Трепавлов отмечает, что «имя Ахполбей не встречалось мне среди джучидских династов, в том числе и астраханских» (Трепавлов, 2016. С. 232). Видимо, именно данные обстоятельства породили проблемы с идентификации «из Нагай царя».

Историки XVIII – начала XX вв., похоже, были настолько озадачены безвестностью Ахполбея, что, излагая историю приглашения марийскими повстанцами «из Нагай царя», вовсе не упоминали его имени, а некоторые (например, Н. М. Карамзин, а вслед за ним Н. К. Баженов, А. И. Артемьев, Д. И. Иловайский) еще и сомневались в его царском происхождении (Татищев, 1848. С. 438; Щербатов, 1789. С. 11, 13; Карамзин, 1819. С. 219; Баженов, 1847, ч. II. С. 12–13; Артемьев, 1848. С. 183; Соловьев, 1989. С. 464–465; Фирсов, 1866. С. 118; Перетяткович, 1877. С. 228; Иловайский, 1890. С. 211; Никольский, 1920. С. 32–33).

Первую попытку идентификации личности «из Нагай царя» предпринял М. Г. Худяков. В своих «Очерках по истории Казанского ханства» (1923) он поведал о ногайском мирзе Али (Али-Акраме), сыне бия Юсуфа и брате Сююмбике, который в 1553 г. «прибыл из Сарайчика в Чалым с 300 ногайцев и был возведен на престол», но был убит в 1556 г. (причем без

описания конкретных обстоятельств) (Худяков, 1991. С. 159–161). Однако М. Г. Худяков заблуждался. Действительно, согласно материалам посольских книг, в декабре 1553 г. к ногайскому бию Юсуфу прибыл казанский князь Кулай с просьбой отправить на помощь повстанцам его сына Али. Далее сообщается, что Али выехал, но вскоре был возвращен по повелению его отца: «И Юсуф де был его отпустил да опять велел воротити» (Посольские книги..., 2006. С. 135). К тому же Али не являлся Чингисидом и не мог быть царем (ханом). Кроме того, мурза Али продолжал здравствовать и позднее, в 1556–1557 гг. На несоответствия в источниках по поводу приводимых М. Г. Худяковым сведений указали видные историки А. Г. Бахтин, В. Д. Димитриев, В. В. Трепавлов (Бахтин, 1998. С. 149–150; Бахтин, 2012. С. 368–370; Димитриев, 1999. С. 111–119; Трепавлов, 2016. С. 231–232). Ошибки, допущенные М. Г. Худяковым, тем не менее, получили широкое распространение в исторической литературе, в том числе и современной (Егоров, 1929. С. 69; Янтемир, 1928. С. 14; История Татарской..., 1955. С. 139; Макаров, 1959. С. 63; Айплатов, 1967. С. 76–77; Алишев, 1990. С. 234; Сабирзянов, 1995. С. 100–101; Егоров, 1997. С. 141; Исхаков, Измайлов, 2005. С. 105; Гариф, 2007. С. 26–31; Хабибуллин, 2008. С. 115; Фахрутдинов, Фахрутдинов, 2021. С. 151; и др.). Парадоксально, но в ряде работ Али-Акрам и Али представлены как отдельные личности, хотя на самом деле это были имена одного и того же человека – сына ногайского бия Юсуфа (Жирмунский, 1974. С. 463, 467; История внешней..., 2018. С. 135).

Американский историк Я. Пеленски не смог определить, кем был приглашенный Мамич-Бердеем царевич – Али-Акрамом или Ахполбеем. Он изложил свое видение проблемы следующим образом: «Оказывается, последним ханом Казанского ханства был назначен Али-Акрам, сын ногайского князя Юсуфа и брат Сююмбике. Причина и обстоятельства смерти Али-Акрама в опубликованных текстах не зафиксированы. Отношения Мамич-Бердея с Али-Акрамом и его династическая политика неясны из-за ссылок в русских источниках на ногайского царевича Ахполбея. Согласно московским летописям, Мамич-Бердей, попав в плен, утверждал, что убил Ахполбея» (Pelenski, 1974. P. 49).

Ахполбей в качестве приглашенного восставшими претендента на казанский престол впервые упоминается лишь в 1957 г. в книге историка из Марийской АССР С. А. Коробова. Однако он ошибочно назван сыном ногайского хана (Коробов, 1957. С. 13). Тем не менее во многих исследованиях 1950-80-х гг., в которых авторы обращались к истории Марийского края II-й половины XVI в., имя «из Нагай царя» привычно не упоминалось (Очерки истории..., 1965. С. 109; История Татарской..., 1968. С. 109; Козлова, 1978. С. 98–99;

Дубровина, 1980. С. 12; Ермолаев, 1982. С. 23–24; Kappeler, 1982. S. 89; История Марийской, 1986. С. 72; Андреянов, 1991. С. 11).

В 1990-х гг. убедительно связал имя «царя из Нагай» с Ахполбеем А. Г. Бахтин. По его мнению, Ахполбей являлся представителем династии Чингисидов, был царевичем из Астраханского ханства, погиб от рук марийских повстанцев в начале 1556 г. Дополнительной информации об этой личности, за исключением сведений, имеющихся в русских летописях и известном сочинении А. М. Курбского, исследователь не обнаружил (Бахтин, 1996. С. 14; Бахтин, 1998. С. 149–150).

Крупнейший специалист по истории Ногайской Орды В. В. Трепавлов попробовал предположить, что летописный Ахполбей – это на самом деле ногайский мирза по имени Акболтай (Ак-Балта). Правда, тут же указал, что в 1560 г. Акболтай прибыл в Москву, откуда по разрешению Ивана IV отпущен на службу в Астрахань, в то время как Ахполбей, согласно летописям, задолго до этого был казнен по приказу Мамич-Бердея. Исходя из этого, историк выразил свои сомнения в факте казни Ахполбея (Акболтая) и сделал следующий вывод: «Не исключено также, что вся история о ногайско-казанском сотрудничестве была выдумана московскими идеологами для создания эпической картины размаха партизанского движения и, стало быть, закоснелости завоеванных татар в своей «неверной» религии, в непокорности великому государю. Позднее это пригодилось для оправдания широкой христианизации и русификации Казанского юрта, и прежде всего его бывшей столицы» (Трепавлов, 2016. С. 232−233). Предположение В. В. Трепавлова о том, что приглашение «из Нагай царя» могло быть выдумано русскими летописцами, обоснованно отвергает А. Г. Бахтин. Он справедливо полагает, что нет оснований сомневаться в достоверности истории об Ахполбее, поскольку сообщение о царевиче имеется не только в летописях, но и в сочинении А. М. Курбского, известного противника и оппонента Ивана IV. Кроме того, как указывает А. Г. Бахтин, упоминаемый В. В. Трепавловым Акболтай, будучи ногайским мирзой, не являлся Чингисидом (Бахтин, 2012. С. 370).

Присоединяясь к этой дискуссии, предлагаю обратить внимание на фигуру астраханского царевича, Чингисида по имени Такбилди. Здесь хотелось бы выразить слова благодарности эрудиту С. А. Ельцову (телеигра-викторина «Своя игра», корпоративная лига игры «Что? Где? Когда?») – именно по его подсказке я вышел на это имя. Антропонимы Ахполбей и Такбилди в целом созвучны, как и в рассмотренном В. В. Трепавловым случае с Ахполбеем и Акболтаем. При этом нужно иметь в виду, что об Ахполбее русским стало известно со слов Мамич-Бердея, который мог исказить исходное имя, то же самое, в свою очередь, могли допустить и русские, имевшее дело с непривычным для них марийским произношением.

Такбилди упоминается в источниках под 1552 г. как «царевич астраханский», «калга» (престолонаследник, второй по значимости титул после хана), противник астраханского хана Ямгурчи (своего отца, брата или дяди), союзник ногайского мирзы Юсуфа (Зайцев, 2006. С. 132–136, 148–149). В частности, московский посол в Астрахани Севастьян в грамоте дьяку И. М. Висковатому указывал: «А в Астарахани, государь, царь с калгою с Такбилди царевичем, промежи собою у них рознь великая, промеж собою не сходятца. А все, государь, астараханцы ни от которово государства так не блюдутца, а блюдутца нашего государя. Да нагаиской, государь, Юсуф князь посылал к Исмаиль мирзе: яз де перекочюю за Волгу, а возму с собою Такбилди царевича астарахансково да поедем воевать на Русь. Исмаиль мирза с ним не похотел да ему отговорил, и промеж ими ныне великая нелюбка» (Посольские книги..., 2006. С. 84). В имеющихся источниках и литературе это имя больше нигде не встречается. По всей видимости, Такбилди в 1552 г. присоединился к окружению ногайского бия Юсуфа, что, скорее всего, позволило ему спасти свою жизнь в 1553–1554 гг., когда хан Ямгурчи принялся уничтожать своих родственников: «... побил всех Ямгурчей царь и братью и племянников, проча себе юрта, чтоб ему от них помешки не было» (Сборник..., 1887. С. 450).

Бий Юсуф погиб зимой 1554/55 г. в сражении с войсками мурзы Исмаила (Посольские книги..., 2006. С. 163; ПСРЛ, т. XIII, 2000. С. 249). Оставшись без своего могущественного покровителя, Такбилди, очевидно, оказался в крайне затруднительном положении. Ситуация для него сложилась далеко не благоприятная: на астраханском престоле с июля 1554 г. был ставленник Ивана IV Дервиш-Али, бием стал пророссийский Исмаил, в Ногайской Орде разразилась очередная Смута, усугубленная массовым голодом, падежом скота и эпидемией чумы (Трепавлов, 2016. С. 243–260). Возможно, после того как в августе 1555 г. бий Исмаил разбил войска сыновей Юсуфа, «а иных розгонял» (ПСРЛ, т. XIII, 2000. С. 258–259), Такбилди каким-то образом установил контакты с марийским сотным князем Мамич-Бердеем и прибыл в Среднее Поволжье вместе с отрядом из нескольких сот изможденных ногайских воинов. Дальнейшая судьба Ахполбея (Такбилди), как мы знаем, была трагической.

Список источников и литературы

Айплатов Г.Н. Навеки с тобой, Россия: О присоединении Марийского края к Русскому государству. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. 130 с.

Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI – начало XIX в. М.: Наука, 1990. 270 с.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.: Соцэкгиз, 1938. 306 с.

Андреянов А.А. Город Царевококшайск: страницы истории (конец XVI – начало XVIII века). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 96 с.

Артемьев А.И. Очерк истории черемис // Казанские губернские ведомости. 1848. № 22.

Баженов Н.К. Казанская история. Ч. I–III. Казань: Тип. ун-та, 1847. 148. 146, 138 с.

Бахтин А.Г. К вопросу о характере и движущих силах восстания 1552-1557 гг. в Среднем Поволжье // Марийский археографический вестник. 1996. № 6. С. 9–17.

Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Мар. полигр.-изд. комб., 1998. 191 с.

Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола, 2012. 660 с.

Димитриев В.Д. Антимосковское движение в Казанской земле в 1552–1557 годах и отношение к нему ее Горной стороны // Народная школа. 1999. № 6. С. 111–123.

Гариф Н.Г. Освободительная война татарского народа. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. 71 с.

Дубровина Л.А. Первая Крестьянская война в Марийском крае // Из истории крестьянства Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1980. С. 3–65.

Егоров Н.И. Долгий, долгий путь к государственности // Народная школа. 1997. № 2. С. 128–143.

Егоров Ф.Е. Материал по истории народа мари. Козьмодемьянск: 2-я тип, 1929. 110 с.

Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (управление Казанским краем). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 224 с.

Ермолаев И.П., Измайлов И.Л. Казанская война 1552–1557 гг. // История Татар с древнейших времен. Т. V: Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). Казань: Инст. истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 73–85.

Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 728 с.

Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Вост. лит., 2006. 303 с.

Иловайский Д.И. История России. Т. III. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1890. 717 с.

История внешней политики России: В 5 т. Т. 1. Конец XV – XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны) / Отв. ред. Г.А. Санин. М.: Академический проект; Парадигма, 2018. 436 с.

История Марийской АССР. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Отв. ред. А.В. Хлебников. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. 301 с.

История Татарской АССР. Т. I: (С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции) / Отв. ред. Х.Г. Гимади. Казань: Татар. кн. изд-во, 1955. 550 с.

История Татарской АССР: (С древнейших времен до наших дней). Казань: Татар. кн. изд-во, 1968. 719 с.

Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Казань: Инст. истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2005. 116 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VIII. СПб.: В тип. Н. Греча, 1819. 308, 163 с.

Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 345 с.

Коробов С.А. Прошлое марийского народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1957. 160 с.

Курбский А. История о делах великого князя московского. М.: Наука, 2015. 944 с.

Макаров Д.М. Из истории мари: Первобытнообщинный строй – период феодализма конец XVII века. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1959. 136 с.

Никольский Н.В. История мари (черемис). Казань: Первая Гос. тип., 1920. 180 с.

Очерки истории Марийской АССР: (С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции) / Отв. ред. А.В. Хлебников. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1965. 363 с.

Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. (Очерки из истории края и его колонизации). М.: Тип. Грачева, 1877. 332 с.

ПСРЛ. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.

ПСРЛ. Т.XX. Ч.II. Львовская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1914. 265 с.

ПСРЛ. Т.XXIX. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 391 с.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л.: Наука, 1979. 432 с.

Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках: (Очерки из истории края и его колонизации). М.: Тип. Грачева и К°, 1877. 334 с.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. 391 с.

Разрядная книга. 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 614 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. III. М., 1978. С. 407–610. Ротапринт.

Свечников С.К. Присоединение Марийского края к Русскому государству. Казань: Изд-во «ЯЗ»,2014. 268 с.

Сабирзянов Г.С. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала в панораме веков: (Синхронистические очерки по истории этнокультурного и политического взаимодействия с начала новой эры до второй половины XVI в.). Казань: Магариф, 1995. 103 с.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 59: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 2 (1533–1560 гг.). СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1887. XV, 629 с., 98 стб., VI с.

Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 3: История России с древнейших времен. Т. 5 и 6. М.: Мысль, 1989. 783 с.

Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 5. М.: Имп. Моск. ун-т, 1848. 534 с.

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. Казань: Изд. дом «Казанская недвижимость», 2016. 764 с.

Фахрутдинов Р.Г., Фахрутдинов Р.Р. История татарского народа. Казань: Татар. кн. изд-во, 2021. 415 с.

Фирсов Н.Н. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань: В ун-тской тип., 1866. 261 с.

Хабибуллин А.А. Народы Среднего Поволжья и Приуралья: история и культура. Казань: ООО «Изд. дом “Меддок”», 2008. 340 с.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991. 304 с.

Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. V. Ч. II. СПб.: Имп. Акад. наук, 1789. 444 с.

Янтемир М.Н. Марийская автономная область (очерк). Йошкар-Ола: Маробиздат, 1928. 164 с.

Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten: Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. Köln; Wien: Böhlau, 1982. 571 S.

Pelenski J. Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). The Hague; Paris: Mouton, 1974. 380 p.

Д. А. Козлов
НИИГН при Правительстве Республики Мордовия
demetriy87@gmail.com

ИКОНКА «СВ. НИКИТЫ-БЕСОГОНА» С КОРИНСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА: ВОПРОС О НОШЕНИИ ПРЕДМЕТОВ ХРИСТИАНСКОГО КУЛЬТА У МОРДВЫ В XV-XVI вв.

В 1926 году Е. И. Горюновой был раскопан сдвоенный курган №10 Коринского могильника, содержавший древнерусскую иконку-подвеску с изображением Святого Никиты-бесогона. Автором статьи было определено время жизни похороненных в кургане, а также уточнена их этническая принадлежность и установлен ареал распространения культа Никиты-бесогона.

Ключевые слова: курган, мордва, русские, XV-XVI вв., Коринский могильник, застёжки, перстни, иконка, Св. Никита-бесогон, Тверь, Москва.

Вопросы межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений народов Окско-Сурского междуречья в период XV-XVI вв. пока в основном характеризуются отрывочными данными скудных письменных источников. Об этих процессах можно судить лишь по материалам дозорных и переписных книг XVI в., указывающих на мордву-язычников и русское православное население. В это время имеются поселения со смешанным населением, представленном «бортниками» и «мордвой». Эти же категории жителей региона представлены среди воинских контингентов в Полоцком походе 1562 г.

С археологической точи зрения данный период в регионе изучен не равномерно. По памятникам, связываемым с русским населением, благодаря исследованиям нижегородских учёных, имеются материалы характеризующие древности XV-XVI вв., в мордовской археологии XV – 1-я половина XVI в. являются «белым пятном». Особенно наглядно эта научная проблема представлена в исследовании хронологии населения Западного Поволжья, в рамках которого древности XV в. вообще не выявлены (Вихляев и др., 2008. С.152).

В своей работе посвященной рассмотрению находки деталей поясной сумки из п.159 Мордовско-Паркинского могильника, мы отметили то, что проблемы в выделении древностей XV-XVI вв. в первую очередь связаны со слабой изученностью комплексов этого времени (Козлов, 2023, С.21). При рассмотрении инвентаря женских погребений Старосельского могильника, выявлен комплекс парного погребения рубежа XV-XVI вв. (Козлов, 2024. С.43). Эти материалы, несмотря на малочисленность, всё же позволяют наметить особенности мордовских древностей как на рубеже XIV-XV вв., так и на рубеже XV-XVI вв. Необходимо отметить, что в исследовании хронологии 2008 года не были использованы материалы таких памятников как Сарлейский, Гагинский, Коринский, Муранский и др. могильников с большим количеством комплексов, хранящиеся в фондах ГИМ. Знакомство с этими данными позволило по-новому взглянуть на проблематику

мордовских древностей XV-XVI вв. Одному из комплексов этого периода Коринского могильника, с предметом христианского культа, частично опубликованного Е. И. Горюновой в 1948 г. (Горюнова, 1948. С.56-87), и посвящена данная работа.

Коринский могильник расположен между селами Хирино и Корино Шатковского района Нижегородской области (рис. 1), в 0,8 км к юго-востоку от с. Хирино, в 1,8 км к северо-западу от с. Корино, примерно в 50 м от р. Елховки (Вонячки) (АКР, 2004. С.324), на выступе берега, образованного надпойменной террасой долины речки и примыкающим оврагом (Горюнова, 1948. Рис.1. С.59) (рис. 2.А). Первые сведения о памятнике сообщает иеромонах Макарий в 1851 г. Исследовался в 1913 г. по поручению Нижегородской архивной комиссии А. В. Богородским, при участии А. А. Богодурова и А. П. Мельникова (АКР, 2004. С.324). Тогда было исследовано 3 кургана (по нумерации Е.И. Горюновой №12, №14 и одиночный №15). Кроме кургана №12 с женским захоронением и инвентарём, остальные насыпи не содержали выразительного материала (Горюнова, 1948. С. 56).

В 1925 г. Коринский могильник обследовался А. Я. Садовским. В 1926 г. памятник был обследован участниками Антропологической комплексной экспедиции - А. Е. Алиховой и М. В. Воеводским. По их поручению в том году велось изучение памятника под руководством Е. И. Горюновой. В раскопках принимали участие студенты из ВУЗов г. Горького (нынешний Нижний Новгород), также при участии сотрудника бывшего Историко-бытового музея (1926 г.) М. П. Званцова (Горюнова, 1948. С.56). Позднее могильник обследовался В. Н. Мартьяновым в 1982 г. и С. В. Очеретиной в 1988 г. (АКР, 2004. С.324).

В 1926 г. было исследовано 10 курганов (№1-10), 3 кургана были со слившимися основаниями - №1-3, один сдвоенный - №10. В грунтовой части могильника было исследовано 6 погребений XII-XIII вв. и 10 погребений, датированных XVI-XVII вв. Материалы раскопок изначально поступили видимо в музей народов СССР (1926-30 гг.), сейчас хранятся в Москве в фондах ГИМ (Коллекция №2463 В).

Публикация, посвященная материалам Коринского могильника, была сделана самой Е. И. Горюновой лишь однажды, в 1948 г., в рамках статьи для «Археологического сборника» (Горюнова, 1948. С.56-87). Помимо комплексной характеристики памятника, были выявлены особенности погребального обряда, состава инвентаря, осуществлена предварительная датировка как самого памятника, так и его хронологических этапов: 1) XII-XIII вв. и 2) XVI-XVII вв. Достаточно скромно представлены рисунки предметов из комплексов не позволяющие составить целостного представления ни об одном из них (Горюнова, 1948. Табл. XIII-XV, с. 157-159). Материалы этого памятника были также использованы Н. М. Малковой в диссертационном исследовании по мордовским погребальным комплексам XVI-XIX вв. (Малкова, дисс. 2000). Судя по описанию и

таблицам из этой работы, отдельного рассмотрения комплексы Коринского могильника не получили и датировались лишь на основании находок монет.

Несмотря на краткость описаний и небольшое количество иллюстраций, Е. И. Горюнова много внимания уделила именно сдвоенному кургану №10 (Горюнова, 1948. Рис.3. С.61, Рис.4. С.62, 80-81). Здесь же была представлена и находка «подвески с рельефным орнаментом» (Горюнова, 1948. С. 81. Табл. XIII, рис. 9).

Публикация фотографий фондовых предметов сотрудниками ГИМ в сети Интернет (https://catalog.shm.ru...), позволила выявить место хранения коллекции. Знакомство с подобными предметами из пределов русских княжеств XV-XVI вв. по научным публикациям (см. ниже), сделали возможным интерпретировать эту подвеску как иконку «Святого Никиты побивающего беса» или «Св. Никиты-бесогона». Столь редкая для мордвы находка, к тому же в ярком языческом захоронении, побудила нас к изучению самого курганного комплекса по имеющимся в распоряжении материалам.

Материалами для данной работы послужили: 1) публикация Е.И. Горюновой 1948 г.; 2) Коллекционная опись №2463 В (ГИМ); 3) фотографии предметов с сайта ГИМ (https://catalog.shm.ru...: «Коринский могильник»).

Курган №10 расположен в центре курганной группы Коринского могильника (Рис. 2Б). Е. И. Горюнова описала обстановку обоих курганов, в том числе и бревенчатую обкладку вокруг них в виде восьмиугольников (Горюнова, 1948. С. 81) (рис. 2В). У мордвы подобные сооружения существовали ещё в золотоордынское время, как характерный пример – курган №1 Сарлейского могильника из раскопок А. Ю. Рогачёва 1988 г. (Аникин, 2000. С.67). Южный курган (№10-б) явно имел ритуальное назначение, так как содержал только останки обугленных костей животных (коров, телят, лошадей, овец и свиней), угли от костров и фрагменты обугленных дров. Точно такого же характера был один из курганов из раскопок под руководством А. В. Богородского в 1913 г., не содержавший целостного человеческого захоронения (только одну кость) и большое количество костей животных и угли (АКР. 2004. С.325). Несомненно, что часть подобных курганов, представляла собой место проведения языческих обрядов и жертвоприношений. Судя по имеющимся описаниям скоплений костей и углей, после обряда поминовения, кости от приёма пищи бросались в костёр. По профилю кургана №10 (рис. 2Е), видно, что этот обряд практиковался значительный период (мы видим как минимум 4 слоя костров и их пересыпки) и завершен был окончательной засыпкой кургана грунтом (мощностью около 0,5-0,6 м). Особенностью этого сдвоенного кургана является наличие в седловине между курганными вершинами на глубине около 20 см горшочка с дубовыми углями (рис. 2Д). Известно, что дуб в мордовской мифологии, как и в славянской, ассоциируется с языческим богом грозы и молний у эрзян

«Пурьгине» (по-славянски «Перун»), покровителем воинства. Это позволяет предположить присутствие подобного культа у людей, совершавших обряд при окончательной насыпи кургана. Тем более, что в нём был захоронен мордовский воин.

Оба погребения северного кургана (№10-а) были осуществлены на поверхности земли. Важным обстоятельством обнаружения иконки «Св. Никиты-бесогона» (рис. 4, *1*) в северном кургане было то, что она находилась вместе с другими мелкими предметами, разбросанными вокруг мужского погребения (рис. 2В). Скопление у правого плеча мужского скелета (рис. 2В, *3*) украшений – бус (рис. 4, *12-13*), раковин-каури (рис. 4, *8-11*), бусин-подвесок (рис. 4, *14-19*), браслетов (рис. 4, *20-31*), серебряных подковообразных застёжек (рис. 4, *2-7*), беспорядочно сложенных голеней и бедренных костей, позволило уже Е. И. Горюновой выделить этот комплекс как женское вторичное погребение. Подобные обряды нашли отражение как в материалах этнографии, так и в устном народном творчестве (Карабельников, 2008. С. 45-53). В сказке про «Дуболго Пичай», умершая девушка была помещена в гроб, в лесу на помосте, в уборе украшений и наряде. Возле гроба были поставлены лукошки с пшеницей (Баргова, 1996. С. 228-229). Комплекс золотоордынского времени имеется в материалах раскопок Старосельского могильника 2019 г., где п.28 молодой женщины, имело вторичный характер (перенесение останков из другого места и захоронение в земле). В этом комплексе также, как и в кургане №10 Коринского могильника имелся предмет христианского культа – нательный крестик (Втюрина, Четвертаков. 2020. С. 152-157). Е. И. Горюнова предположила также, что женское захоронение из Коринского кургана было разрушено при погребении мужчины. Судя по размещению обоих умерших на поверхности земли, можно предположить, что также, как и «Дуболго Пичай» первоначально умершая ранее мужчины женщина, некоторое время располагалась здесь же, в связи с чем её прах оказался разбросан и частично утрачен, а украшения и детали костюма находились в беспорядке.

Мужчина был похоронен с общей ориентировкой на ЗСЗ, в обычной для мордовских мужчин позе – вытянуто на спине (рис. 2В). Инвентарь представлен следующими предметами. Возле левой голени было девять железных наконечников стрел (рис. 3, *11,12, 14-20*). Имелся у мужчины и кожаный «кисет», лежавший возле черепа (рис. 2В, *1*). В нём были железное калачевидное кресало (рис. 3, *9*) и кремень (рис.3, *10*). Колчанный железный крюк (рис. 3, *13*) видимо был обнаружен в районе груди или живота, в связи с чем Е. И. Горюнова предположила, что он служил для застёгивания одежды (Горюнова, 1948. С. 81). К деталям мужского костюма относится проволочная петля (рис. 3, *3*), пуговицы в виде плода шиповника (рис. 3, *5*) и пуговки-гирьки (рис. 3, *4*). В области груди располагалась подковообразная застёжка (рис. 3, *2*). В районе пояса бронзовая фигурная пряжка (рис. 3, *1*).

Что весьма редко встречается у мордовских мужчин, это надетые на пальцы рук перстни (рис. 3, *6-8*).

Весь комплекс предметов этого парного погребения можно условно разделить на датированные и датируемые предметы.

К датированным предметам относятся:

Калачевидное железное кресало (рис. 3, *9*). Имеет близкую аналогию по форме в материалах раскопок Великого Новгорода, где обнаружено в 4 ярусе, датированном 1440-1470-ми гг. (Колчин, 1959. Рис.87,*4*. С. 104).

Перстень с линзовидной печаткой и S-видным орнаментом (рис. 3, *7*), имеет аналогию по форме в составе Гавердовского клада начала XV в. В составе того же клада есть аналогия (Зубков, 1951. Рис. 52,*2-3*. С. 139) по форме и *перстню с ромбической печаткой, выступами по углам ромба и растительным орнаментом в центре* (рис. 3, *8*).

Эллипсоидные или дыневидные продольно-ребристые подвески, образующие в поперечном сечении розетку (рис. 4, *14-19*), имеют прямые аналогии в материалах культурного слоя Торецкого (Балынгузского) поселения XV в. Судя по остаткам заклёпок в виде цветков на концах, были в костюме в виде подвесок. *Бусы круглые из чёрного стекла с «глазками» из белого стекла и красных точек* (рис. 4, *12*), также имеют аналогию в культурном слое Торецкого (Балынгузского) поселения XV в. (Вилиулина, 2013. Рис.1, *11, 23*. С.23), а также в слоях середины – 2-й половины XV в. городища «Городок» (территория Нижнего Новгорода) (Грибов, 2018. Рис.119,*20*. С. 544).

Браслеты пластинчатые с полукруглыми в сечении площадками в центре, украшенные характерным *растительным орнаментом, вписанным в линзы и в виде буквы «Ж» на площадке в центре* (рис. 4, *20,21,23,24,31*), датируются пока по комплексу п.37-38 Старосельского могильника (Козлов, 2024. Рис. 2. С.48), рубежом XV-XVI вв. и мордовскому погребению с Рождественского городища с монетой XV в. (Руденко, 2001. С. 198, Рис. 39, *9-13*. С. 198).

Пластинчатый браслет, украшенный продольными желобками и вписанными ромбами с крестом в центре (Рис. 4, *25*), имеет аналогию в п.31 Старосельского могильника, где также взаимосочетается и с эллипсоидными продольно-ребристыми бусами, перстнем с ромбической формы печаткой и растительным орнаментом, с браслетом пластинчатым с площадкой в центре и орнаментом в виде буквы «Ж» (Четвертаков, 2020. Илл. 63, *1*. С. 96; Илл. 64, *1, 3, 5-20*. С. 97).

Пуговицы в виде плода шиповника (рис. 3, *5*), имеющие в нижней части накладку в виде шайбочки и круглое окончание-заклёпку, представлены в п.1 Ореховского могильника,

датированного монетами великого князя Ивана III и возможно Василия III, соответственно 2-й половиной XV в. – началом XVI в. (Шутова, 1992. Рис.33,*30*. С. 216; Табл.24. С. 167).

Имеют датированные аналогии и некоторые железные наконечники стрел. *Наконечник ромбовидной формы с граненой шейкой* (рис. 3, *11*), обнаружен в культурном слое Торецкого (Балынгузского) поселения (Валиулина, 2018. Рис.1.6. С.54), многочисленны они также и в Восточной Европе в целом (в том числе в русских землях в XV-XVII вв.). *Наконечник удлиненных пропорций ромбический с шейкой и упором* (рис. 3, *14*) близок по форме и деталям наконечнику из культурного слоя упомянутого ранее городища «Городок» (Грибов, 2018. Рис.116,*4*. С. 541).

Интересная аналогия обнаружилась *проволочной петле* (рис. 3, *3*). На картине Жана Фуке «портрет Гонеллы, придворного шута Феррары», написанной около 1450 г. (Венский музей истории искусств), подобные петли представлены на вороте костюма шута, что позволяет предположить подобное расположение петли на костюме мордовского воина.

Исходя из этого, можно отнести время жизни людей из кургана №10 Коринского могильника ко *2-й половине XV в. - началу XVI в*. Социальный статус умерших определяется как наличием изделий из серебра (застёжки), количеством предметов украшений и вооружения, так и самим курганным обрядом. Вполне обосновано можно предположить высокое положение этой семейной пары в мордовском обществе, а мужчину включить в круг мордовской военной знати того времени.

Иконка из кургана №10 Коринского могильника (Оп. В 2463-370) изготовлена из сплава на основе меди, имеет размеры: высота 2,7 см (без ушка для подвешивания), ширина 2,3 см; высота ушка 0,7 см, ширина ушка 0,45 см (Рис.5.1). Ушко имеет форму куба со срезанными углами, образующими в центре ромб с вписанным в него крестом. Сама подвеска относится к группе IX, тип 5 «Арочные», по классификации А. Я. Станюковича (Станюкович, 2011. С. 195). Арочная рамка подвески выполнена из двух бордюров, между которыми имеется линия из точек. В центре изображена фигура мужчины, одетого в кафтан до колен, на плечах плащ, который виден справа. Левой рукой «Св. Никита» держит за волосы «беса» маленького роста, пытающегося убежать, правой замахивается цепью. С левой стороны слабо читаемые буквы «НКТ». Обратим внимание на некоторые детали изделия, для выявления наиболее близких аналогий (возможно одной литейной формы, в которых они были изготовлены). Во-первых, хорошо виден небольшой наклон верхней стороны «куба» ушка для подвешивания. Во-вторых, рамка подвески имеет дефект с левой стороны от ушка в виде вдавления и сама форма арки более выпуклая справа. В-третьих, имеется сквозное отверстие над надписью, что явно является браком при отливке. При этом

половина нижней части левой стороны, нижняя часть правой и вся нижняя рамка, рельеф фигур «Св. Никиты» и «беса» имеют следы длительного ношении иконки под одеждой.

Сюжет изображенный на иконке, в том числе и по письменным источникам, описан в работе В. В. Хухарева (Хухарев, 2015. С .456-457). Излагается следующим образом. Никита, (якобы) сын римского императора Максимиана, исповедует христианство, отказавшись от поклонения кумирам (идолам). Узнав про это, император наказывает его, сажает в темницу, требуя отречься под пытками от веры во Христа. Благодаря вере, Никита выдерживает пять пыток, а дьявол посылает к нему в темницу в образе ангела беса, пытаясь уговорить его вернуться в язычество. Однако Никита, помолившись Богу, видит архангела Михаила, который подсказывает ему про ложность ангела. Никита хватает беса и бьёт его своей цепью, изгоняя от себя. Как отмечает В. В. Хухарев, со временем изменился как сюжет апокрифа про Святого Никиту, так и его отображение на предметах христианского культа – нательных крестиках, иконках, иконах и росписи, архитектуре. Иконка из кургана №10 Коринского могильника, имеет аналогии в Великом княжестве Московском, например с территории Тверской области (Хухарев, 2015. Рис.8. С.463), где Святой Никита изображен с бородой, по мнению исследователя, относится ко времени, когда сюжет апокрифа уже начал меняться в изобразительном искусстве, но не утратил связи со сказанием, это «2-й тип» (Хухарев, 1994. С. 214). Так мы переходим к аналогиям и имеющимся датировкам данных предметов личного благочестия подобного вида.

Иконки с изображением «Св. Никиты-бесогона» многообразны по размерам, форме и деталям. По данным В.В. Хухарева на 2015 г. насчитывалось более 150 единиц (Хухарев, 2015. С. 460). Это говорит о том, что производились они в различных центрах. Многие из них обнаружены случайно и не имеют археологического контекста. При этом аналогичных коринской иконке предметов, обнаруженных при раскопках и опубликованных, немного (рис. 5, *2-6*). По известным нам работам, они обнаружены: Тверская область (Хухарев, 2015. Рис.8. С.463) (рис. 5, *2*), Москва (Хухарев, 2015. Рис.7,*2*. С. 462) (рис. 5, *3*), Москва (Векслер, Беркович, 2005. Рис. 1,*5*. С. 226) (рис. 5, *4*), селище Кулаково-3, Московская область (Богомолов и др. 2013. Рис.16,*1-2*. С. 212) (рис. 5, *5-6*). Также много их представлено в работе А. Я Станюковича (Станюкович, 2011. Табл.XIX, 297-306. С. 75), происходящие из Московской, Тульской и Рязанской областей (Станюкович. 2011. С. 195-199). Большое количество их представлено на интернет-аукционах из случайных находок и грабительских раскопок «чёрных копателей». Обращение к одному из таких, выявило как близкие, так и полные аналогии коринской иконке в Москве, Калуге, Подольске, Егорьевске, Боровом, Нижнем Новгороде, Смоленске, Рязани и др. Несомненно, этими пунктами круг находок далеко не исчерпывается.

В наибольшей степени иконка из кургана №10 Коринского могильника (рис. 5, *1*) близка к иконкам из селища Кулаково-3 (рис. 5, *5-6*). Как и у коринской, на этих экземплярах имеется одинаковые ушки и их дефект, дефект рамки возле ушка, выпячивание правой стороны арки иконки, сходство в пропорциях деталей и надпись. При этом они отличаются от коринской большей высотой (2,7 см (Корино) и 3 см (Кулаково-3)), также различается и ширина (2,3 см (Корино) и 2,5 см (Кулаково-3)). Близка также коринской и иконка из Москвы (рис. 5, *4*), как по размерам, так и по деталям, но отсутствие части из них не позволяет выявить их сходство уверенно. Остальные иконки из представленных отличаются от коринской в деталях. У иконки из Тверской области иные дефекты, надпись двухсторонняя, ушко простой формы (рис. 5, *2*). Иконка из Москвы судя по изображению «Св. Никиты» и «беса» вообще отлита по оттиску с частичной потерей форм и деталей (рис. 5, *3*). Эти образцы позволяют предположить, что иконки из Корино и Кулаково были произведены в одно время, отлиты в разных формах, но изготовленных одним мастером, в связи с чем сохранились характерные для его «почерка» особенности.

В. В. Хухарев, датирует арочные иконки XV-XVI вв., указывая на наибольшее их распространение в XVI в. (Хухарев, 2015. С. 461). XVI в. по данным А. Г. Векслера и В. А. Берковича датируется хозяйственная яма на ул. Большая Дмитровка, 17 в Москве, где была обнаружена иконка со значительными утратами (Векслер, Беркович, 2005. С. 224). На селище Кулаково-3 в Подмосковье, обе обнаруженные иконки были найдены в основании слоя обожженной глины из ямы 171, датируемой XVI в. (Богомолов и др. 2013. С. 211). По отдельным деталям иконки и их оформлению А. Я. Станюкович датирует подобные иконки XV – началом XVI в. (Станюкович, 2011. С. 195-197). Рассмотрение признаков приведенных в последней работе (группы IX, типа 5, «арочных»), позволяет выделить иконки из подтипа «арочных» в отдельный вид – с кубовидным ушком. Именно к ней и относится иконка из кургана №10 Коринского могильника. В работе М. В. Седовой двусторонний крестик из Новгорода с подобным кубовидным ушком и крестом в центре (Седова, 1981. Рис. 19, *4, 5*. С.60), датируется серединой XV в. (2 ярус – дендродата: 1446 г.) (Седова, 1981. С. 59). Как видно из приведенного выше данные иконки датируется в пределах XV-XVI вв.

Исследователями распространения предметов христианского культа с изображениями «Св. Никиты-бесогона» его почитание локализуется в Новгородско-Тверских землях XV-XVI вв. Обосновывается это наибольшей частотой встречаемости изображений Святого на индивидуальных предметах благочестия (крестики, иконки, энколпионы, наперстные кресты) - 60% из всего количества находок, находки литейных форм и литейного брака в Твери (Хухарев, 1994. С. 215). В тоже время, как видно из описанного выше ареала находок непосредственно иконок «Св. Никиты-бесогона» (группы IX, типа 5, «арочных» с

кубовидным ушком), их концентрация пока не просматривается нигде, кроме окрестностей самой Москвы и собственно Московского княжества. При этом, по наблюдениям А. Г. Векслера и В. А. Берковича по материалам раскопок 2000-2001 гг. на ул. Большая Дмитровка, 17 в Москве и изучению письменных источников, в данном районе прослеживается высокая концентрация крестиков и иконок с этим святым, связываемая ими с проживанием здесь выходцев из Новгородско-Тверского региона (Векслер, Беркович, 2005. С. 225).

Почитание Святого Никиты в средневековой Руси основывается на борьбе христианства с язычеством, так как и в самом сказании, о его испытаниях и лишениях, данный посыл очевиден. В этом смысле интересна точка зрения исследователей селища Кулаково-3, где в яме 171 были обнаружены иконки. Авторы публикации предполагают сакральное значение находок обеих иконок со «Св. Никитой-бесогоном» в основании постройки (т.е. брошенных при заложении самой постройки, возможно дома) (Богомолов и др. 2013. С. 115). В коринском комплексе подобное не просматривается (в отличии от приведенных выше ярких языческих элементов). Судя по находке её среди предметов женского костюма, он принадлежал умершей женщине. Находки христианских культовых предметов у мордвы до массовой христианизации в XVIII в. единичны. Они не связаны с обрядом - умершие всегда похоронены по местному языческому ритуалу. Как пример можно привести п.16 из могильника Заречное-II (XII в.), где среди дарственных женских украшений обнаружена иконка с «Богоматерью и младенцем Иисусом» в ожерелье (Мартьянов, 2004. Табл.43.17-29. С.121). На основании этого можно предположить два варианта его попадания в женский костюм.

Коринский могильник расположен в современном Шатковском районе Нижегородской области. В ту эпоху данный регион находился уже в составе Великого княжества Московского (рис. 1). В связи с этим можно предположить три варианта его попадания в комплекс украшений женщины. Первый вариант предполагается при этнической принадлежности женщины к русскому православному населению Поволжья, возможно переселившейся из района распространения подобных предметов (Москва и округа, Тверь и др.). Женщина могла выйти замуж за мордовского воина, приобрести в этой общине обычные для мордовки атрибуты костюма (браслеты, ожерелья и т.д.), а после смерти быть похороненной по обряду общины мужа. Второй вариант связан с расширением миссионерской деятельности православной церкви в регионе после присоединения его к Великому княжеству Московскому. Эта женщина могла быть мордовкой, принявшей христианство. Но в этом случае, подобное должно отразиться в более широком распространении христианской атрибутики и появлении соответствующей обрядности на

могильнике. Пока говорить об этом нельзя, этот комплекс единственный из раскопок 1926 г. Третий вариант на основе взаимодействия местной мордвы и русских на мифологическом уровне. Представления о воине, борющемся с «тёмной силой», могли быть также восприняты местной мордвой и послужить мотивацией к ношению этого предмета, безотносительно к православию. Так или иначе, находка иконки «Св. Никиты-бесогона» свидетельствует о взаимодействии мордовского и русского населения в регионе в XV– XVI вв.

Рассмотренные в данной статье материалы по кургану №10 Коринского могильника, позволяют на новом уровне увидеть многие аспекты археологического изучения древностей этого времени. Благодаря публикации предметов погребальных комплексов на общедоступных ресурсах, открылась возможность изучения периодов, слабо освященных пока в литературе. При определении хронологии отдельных предметов парного погребения удалось выявить те из них, которые образуют взаимовстречаемость и тем самым целостно датировать комплекс 2-й половиной XV – началом XVI в. Той же эпохой датируется и иконка православного святого по русским материалам. Эта находка позволяет увидеть отражение в археологическом материале темы этнического взаимодействия русского и мордовского населения региона. Данная публикация является первой, затрагивающей проблематику мордовских древностей XV в. непосредственно, поэтому в дальнейшем, по мере накопления материалов и знаний, детализации и раскрытия различных тем, открытия и находки несомненно ещё впереди.

Автор выражает благодарность сотруднику Музея-заповедника «Остров-град Свияжск» Е. В. Четвертакову за возможность использования его материалов по Старосельскому могильнику, сотруднику ГИМ А. М. Красниковой за помощь и содействие в процессе работы с коллекциями.

Список источников и литературы

Аникин И. С. Об этнической принадлежности курганных погребений средневековой мордвы (по материалам раскопок Сарлейского могильника) // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Тез. науч. конф.: Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2000. С. 67-70.

Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 1. 2004. 385 с.

Богомолов В. В., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Позднесредневековый комплекс из раскопок на поселении Кулаково 3 Раменского района Московской области // Археология Подмосковья. Мат-лы науч. семинара. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2013. С. 200-216.

Валиулина С. И. Комплекс позднесредневекового вооружения по материалам Торецкого городского поселения: уч. пособие. Казань: Казан. ун-т., 2018. 67 с.

Валиулина С. И. Стеклянные изделия Торецкого поселения / Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. (Т. 155, кн. 3, ч. 1). Казань, 2013. С.20-29.

Векслер А. Г., Беркович В. А. Находки нательных крестов с изображением Святого Никиты-бесогона из раскопок на улице Большая Дмитровка в Москве // Крест как личная святыня. Ставрографический сборник. Кн. 3. М.: Изд-во Моск. Епархии. Изд-во «Древлехранилище», 2005. С. 223-230.

Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н. Хронология могильников населения I-XIV вв. западной части Среднего Поволжья / Саранск, 2008. 352 с.

Втюрина К. Н., Четвертаков Е. В. Языческие традиции мордвы-терюхан и процесс христианизации / Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики: Сб. стат. Вып. 4. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 152-157.

Горюнова Е. И. Коринский могильник // Археологический сборник. Вып.1. Саранск, Мордов. гос. изд-во, 1948. С. 56-87.

Грибов Н. Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города: Монография. М.: ИА РАН, 2018. 589 с.

Зубков В. И. Гавердовский клад XV века // КСИИМК. №XLI, Москва, 1951. С. 138-141

Козлов Д. А. Накладка поясной сумки из п.159 Мордовско-Паркинского могильника в контексте аналогий и исторических событий Восточной Европы на рубеже XIV-XVвв. // Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн: сб. стат. по мат-лам науч. практ. семинара. Нижний Новгород, 2023. С. 21-32

Козлов Д. А. Традиции ношения украшений мордовскими женщинами Терюшевской волости в XVI-XVII вв. По материалам раскопок Старосельского могильника // Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн: сб. стат. по мат-лам науч.-практ. онлайн-семинара, посв. 500-летнему юб. основ. крепости Васильсурск в 1523 году. Нижний Новгород-Свияжск, 2024. С. 37-50

Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого / МИА №65. Труды Новгородской археол. экспед. Т. II. М.: Изд-во АН СССР. 1959. С. 7-120.

Карабельников Д. В. К вопросу о наземно-воздушных погребениях у городецких племён и древней мордвы (по материалам археологии, этнографии и фольклора финно-угров Поволжья) / Записки краеведов. Нижний Новгород, Изд-во «Книги», 2008. С. 45-53.

Малкова Н. М. Погребальный обряд и инвентарь могильников эрзи и мокши XVI - начала XIX вв. / дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. Ижевск, 2000. 329 с.

Мартьянов В. Н. Древняя история Арзамасского края: Монография. Арзамас: АГПИ, 2004. 443 с.

Руденко К. А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI-XIV вв. Казань: РИЦ «Школа», 2001. 220 с.

Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Сказание о мордве (Т. 3). Народные сказки. Сост. Баргова Т.С., худож. Л.В. Попов. Саранск, 1996. 328 с.

Станюкович А. Я. Неизвестные памятники русской металлопластики. Миниатюрные иконки-привески XI-XVI веков. М.: Группа «Искатели», 2011. 224 с.

Хухарев В. В. К вопросу об изображениях Святого мученика Никиты, изгоняющего беса, на крестах и иконках из Твери // Тверской археологический сборник. Тверь: ТГОМ, 1994. С. 210-215.

Хухарев В. В. Кресты и иконки с сюжетом из жития «Никитино мучение» // Археология Подмосковья. Мат-лы науч. Семинара. Вып.11. М.: ИА РАН, 2015. С. 455-466

Шутова Н. И. Удмурты XVI – первой половине XIX в.: по данным могильников / Удмурт. ин-т ист., яз. и лит-ры Урал. отд. РАН. Ижевск, 1992. 262 с.

Четвертаков Е. В. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2019 году / Архив ИА РАН. Р-1. 140 л.

Рис. 1. Карта «Русские княжества в XIV–XV вв.» и расположение Коринского могильника.

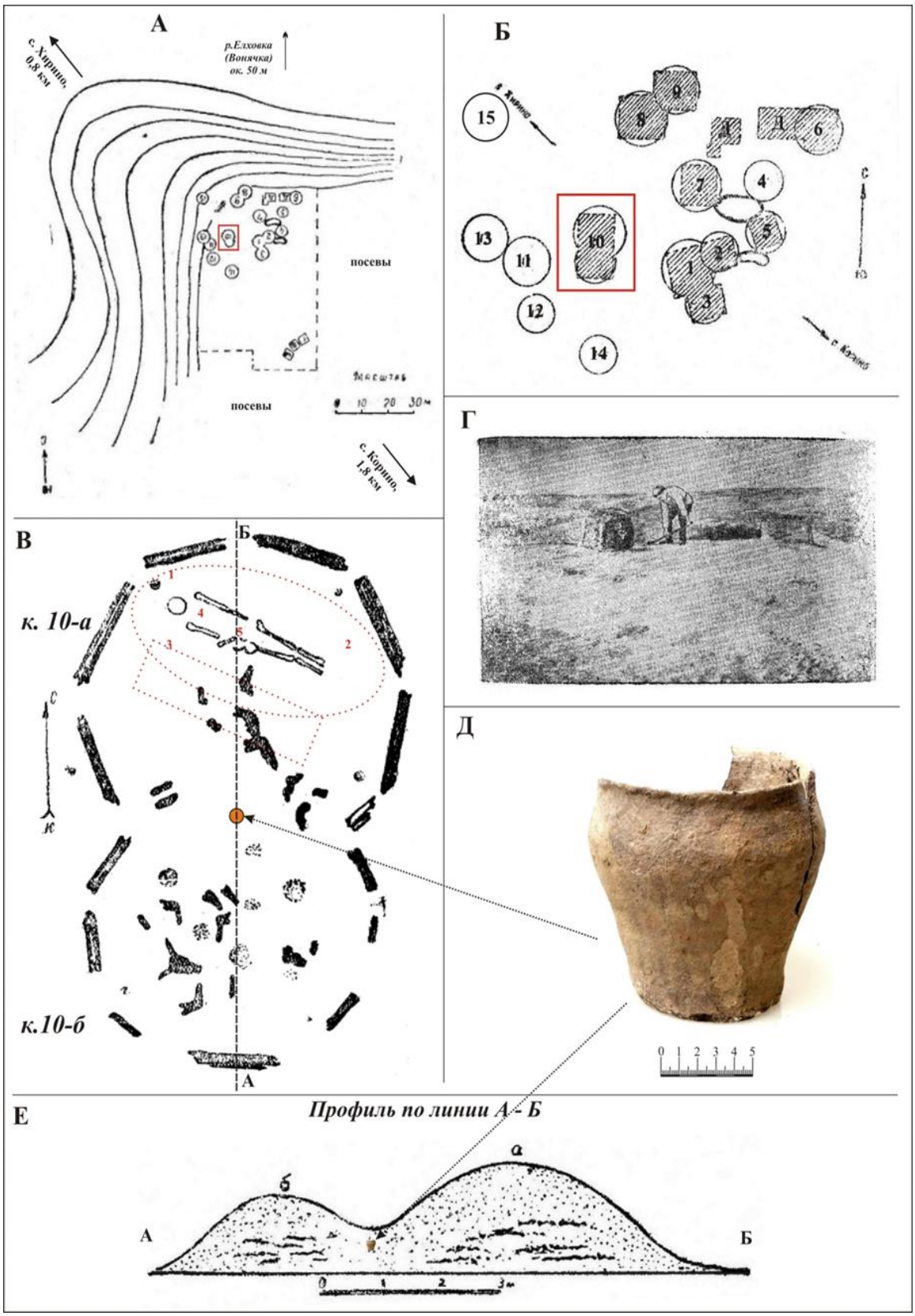


Рис. 2. Планы Коринского могильника и кургана №10.

А – план Коринского могильника (по Е. И. Горюновой, 1948); Б – план курганной группы Коринского могильника и расположение кургана №10 (в рамке) (по Е. И. Горюновой, 1948) с дополнениями (авт.); В – план кургана №10 (по Е. И. Горюновой, 1948) с дополнениями (авт.); Г – фотография расчистки двухвершинного кургана №10 (по Е. И. Горюновой, 1948); Д – сосуд из седловины кургана №10 (фонды ГИМ); Е – профиль кургана №10 (по Е. И. Горюновой, 1948) с дополнениями (авт.).

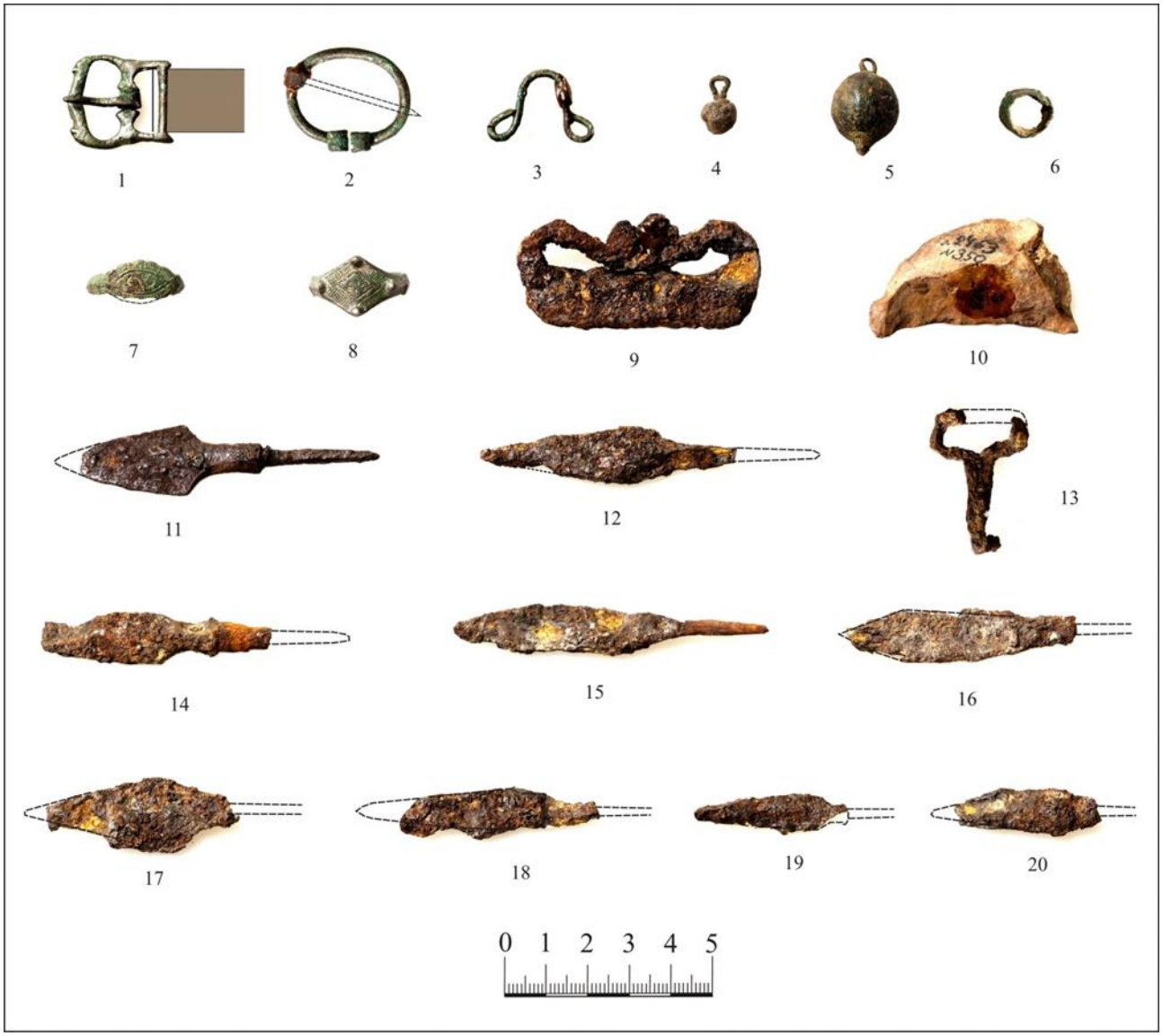


Рис. 3. Предметы из мужского погребения курагна №10.
1 – пряжка; 2 - застёжка; 3 – петля; 4 – пуговка-гирька; 5 – пуговица; 6 – кольцо; 7-8 – перстни; 9 – кресало; 10 – кремень; 11-12, 14-20 – наконечники стрел; 13 – колчанный крюк. 1-8 – сплав на основе меди; 9-20 – сплавы на основе железа.

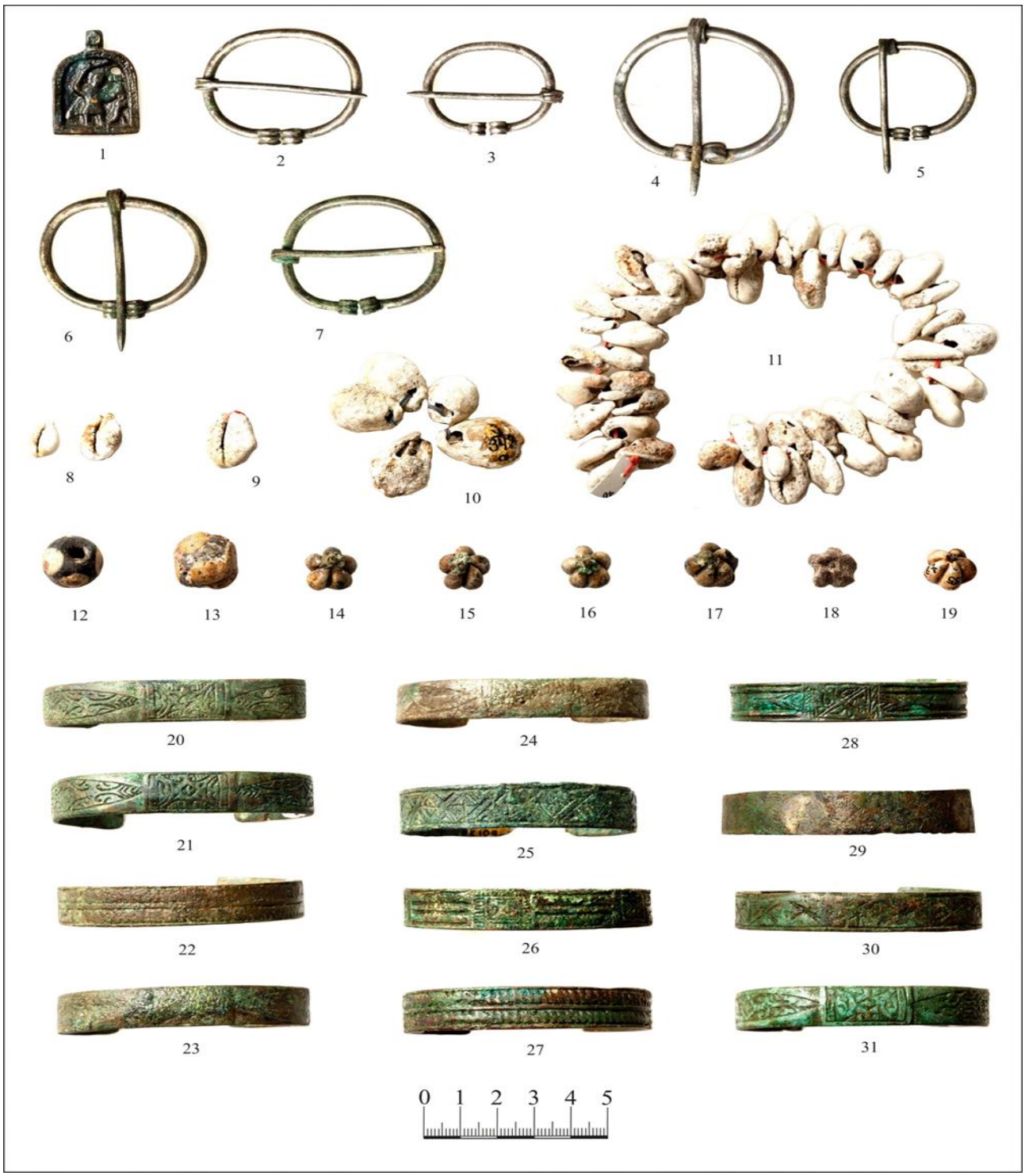


Рис. 4. Предметы из женского погребения кураган №10.
1 – иконка-подвеска; 2-7 – застёжки; 8-11 – раковины-каури; 12-13 - бусины; 14-19 – бусины-подвески; 20-31 – браслеты. 1, 20-31 – сплавы на основе меди; 2-7 – сплав на основе серебра; 12-13 – стекло; 14-19 – стекло, сплав на основе меди.

Рис. 5. Иконка-подвеска из Коринского могильника и её аналогии.
1 – курган 10 Коринского могильника (фонды ГИМ); 2 – Тверская область (по В. В. Хухареву, 2015); 3 – Москва (по В. В. Хухареву, 2015); 4 – Москва (по А. Г. Векслер, В. А. Беркович, 2005); 5-6 – селище Кулаково-3, Московская область (по В.В. Богомолову и др., 2013).

Давыдов А. И.
начальник отдела Научно-исследовательского предприятия «Этнос», историк
lekseyd@rambler.ru

БОЛЬШОЙ ОСТРОГ НИЖНЕГО НОВГОРОДА ПО ЧЕРТЕЖУ 1699 ГОДА

В статье проанализировано изображение Большого острога на плане части Нижнего Новгорода в районе Варварской улицы 1699 года (РГАДА). Сделан вывод о разновременности двух его участков (тын и забор) и составляющих элементов (ров с валом и тын или забор на месте тына). Установлено, что рисунок отображает финальную стадию существования этого древо-земляного укрепления, когда оно уже потеряло свое оборонное значение. Выявлено наличие дополнительно выкопанного рва, вероятно относящегося ко времени восстания Степана Разина.

Ключевые слова: русская средневековая фортификация, нижегородский Большой острог, оборонное зодчество, РГАДА.

Рассматриваемый нами в качестве иконографического источника чертеж находится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф.125. Оп.1. Д. 4 / 1700 г. Л. 112) и является составной частью материалов, озаглавленных при публикации в сборнике нижегородских документов XVII века, составленном в 1961 году Н. И. Приваловой под редакцией члена-корреспондента АН СССР С. И. Архангельского, как «Досмотр посадских людей и стрельцов по челобитию Московского патриарха Андриана на посадского человека Абрама Дуренкова в незаконном завладении двором, садом и огородом Николаевского Амвросиева Дудина монастыря», датируемых 27 ноября – 19 декабря 1699 года (Нижний Новгород…, 1961. С. 287 – 289). Обычно, исходя из архивного делопроизводства, план относят к 1700 году. Однако, как указывают его публикаторы, чертеж «можно датировать ноябрем 1699 года» (Нижний Новгород…,1961. С. 289, прим.). Мы будем придерживаться этой же даты.

Чертеж являлся иллюстрацией к проведенному «досмотру» и напрямую не был связан со специальной фиксацией укреплений Большого острога. Вместе с тем, в 1961 году, помимо указанного сборника, он также был опубликован И. А. Кирьяновым при обосновании местоположения этого фортификационного сооружения. Из данного им краткого пояснения следовало, что на чертеже «показаны Варварские ворота Большого города и линия стены, сделанная в виде городни с кровлей» (Кирьянов, 1961. С. 42, прим.).

После этих двух изданий исследователи долгое время «проходили мимо» данного источника. Лишь в 2021 году план в цветном виде оказался опубликован в каталоге виртуальной историко-документальной выставки РГАДА, посвященной 800-летию Нижнего Новгорода, причем без всяких комментариев, но с краткой характеристикой «экспоната»: «Бумага, карандаш, акварельные краски, скоропись» (Средневековый Нижний Новгород…, 2021. С. 82 – 83, 125).

Правда, в 2013 году чертеж этот был использован А. В. Даниловым в дипломной работе «Историческая топография нижегородских острогов XVI – XVII вв. по Писцовой книге 1621–1629 гг. и Сотной грамоте 1621–1622 гг.», размещенной (причем, несмотря на свою обширность, с одним электронным адресом) в соцсетях Интернета в 2015 году (Данилов, 2015). Данное исследование, содержащее авторскую интерпретацию устройства укреплений первой линии обороны Нижнего Новгорода, практически осталось незамеченным специалистами.

Таким образом, информация, содержащаяся в названном графическом документе, оказалась до конца не считанной и не введена полностью в научный оборот. Всё это заставило нас вновь обратить свое внимание на план 1699 года, прежде всего, в соответствии с тематикой семинара, то есть, в части, касающейся изображения фортификации.

До недавнего времени возведение Большого острога – первой линии обороны Нижнего Новгорода относилось историками к самому началу XVI столетия (Кирьянов, 1961. С. 35 - 36). Согласно же последним исследованиям П. В. Чеченкова он был создан в 1537 – 1540 годам (Чеченков, 2023).

В Писцовой книге 20-х годов XVII века дьяка Д. Образцова устройство укреплений кратко описано следующим образом: «…Да около Нижнего ж Новгорода… острог стоячей дубовой, а башни по воротам и промеж ворот рубленые с верхними бои. А около болшого всего острогу ров копан…» (Писцовая и переписная книги…, 1896. Стб. 16). Уточнения, в его описании, сделанные Н. И. Храмцовским, незначительны: «…Внешнее укрепление… составлял острог, называвшийся *большим.* Он состоял из дубового тына, расположенного частию на валах, окопанных рвами…» (Храмцовский,1867. С. 216). Рисунок острога на чертеже 1699 года – единственное его изображение времени существования этого укрепления.

Рассматриваемый чертеж представляет собой генплан части дорегулярного Нижнего Новгорода, ориентированный севером вниз, охватывающий территорию, прилегающую к Большому острогу в районе улицы Варварской (до деревянной церкви св. Варвары) и отвершка оврага Ковалихи (в последующее время засыпанного, именуемого Ковалихинской осыпью, затем - Звездинкой). Топографическая привязка снятой на план местности к современным реалиям не входит в нашу задачу (рис. 1).

Границы и строения домовладений, элементы рельефа показаны на чертеже линейно. Церковь, колокольня, проездная башня, острожные стены до их поворота на север даны фронтально, далее изображение укрепления, как и деревьев, близко к аксонометрическому. Подписи выполнены скорописью, характерной для конца XVII века.

Перейдем теперь непосредственно к анализу изображенного.

Начнем с проездной башни. На чертеже она подписана следующим образом: «Ворота Варварские. Башня». Изображение ее с арочным проездом и расширяющимся верхом вполне соотносится с описанием таких сооружений в Писцовой книге: «…а башни по воротам и промеж ворот рубленые с верхними бои» (Писцовая и переписная книги..., 1896. Стб. 16). Выше нависающей части («боя») показано основание шатрового завершения башни. Оно не доведено до верха: в силу особенностей обозначений генплана на шатер наложена линия крепостного рва, изображенного в виде полосы болотного цвета.

Что касается стены Большого острога, то сразу бросается в глаза различие в изображении его двух частей. Примыкающий к проездной башне участок показан в виде стены с вертикальными членениями. В изображении дальнего участка стены, поворачивающей к оврагу («враг Ковалиха»), легко угадывается деревянный забор. (рис. 2, 3)

В первом случае перед нами условное изображение заграждения из вертикально поставленных бревен («частокола», «тына»). Оно вполне соотносимо с текстом Писцовой книги, говорящей про «острог стоячей дубовой». Здесь мы вынуждены не согласиться с утверждением А. В. Данилова, что подобным образом описывается тип укреплений, «который принято именовать «тарасами», и что «ни в коей мере нельзя считать, что на плане 1699 года изображены т.н. «тыновые стены» (Данилов, 2015.).

Неправомерность этого утверждения доказывается простым обращением к терминологическому словарю, помещенному в монографии Н. П. Крадина «Русское оборонное зодчество» (Крадин, 1988. С. 189), показывающему, что фигурирующий в описаниях укреплений Нижнего Новгорода термин «острог», означавший частокол из сверху заостренных свай, никак не равнозначен «тарасам» - системе клеток из продольных и поперечных бревенчатых стен. И именно рисунок 1699 года доносит до нас один из вариантов отображения тыновых конструкций на чертежах! Несовпадение же с обозначениями подобных конструкций на «других старинных планах», в частности в «Чертежной книге Сибири» Семена Ремезова 1701 года (Крадин, 1988. С. 11), на что указывает А. В. Данилов, вполне объяснимо отсутствием унификации в этом деле.

Собственно, и помещенная на нашем генплане выше линии стены подпись «Острокъ» (окончание «къ» передает фонетическое оглушение звука «г» в конце слова) призвана была подтвердить изображение именно частокола. Это опровергает также упомянутую выше версию И. А. Кирьянова об устройстве оборонительного сооружения «в виде городни с кровлей» (Кирьянов, 1961. С. 42, прим.), если понимать под ней срубную конструкцию, как это делает Н. П. Крадин в тексте своей монографии (Крадин, 1988. С. 15).

Дальний от Варварской башни участок укреплений, судя по чертежу, представлял собой забор, устроенный «в заплот» или «в замет»: на рисунке горизонтальными линиями обозначены доски или распиленные вдоль на всю свою длину части бревен, которые вставлялись в пазы вертикальных стоек, показанных двойными вертикальными линиями. (рис. 3). Отметим, что такую же конструкцию имела стена крепости XVII века в Судже, но стояла она непосредственно на валу, а не за ним. (Неделин, 2015. С. 102).

На чертеже 1699 года читается надпись: «Забор по острожному мѣсту». Остается лишь только догадываться, почему А. В. Данилов в своей работе проигнорировал это указание на известный ему и даже описанный им же при характеристике Благовещенского и Печерского монастырей тип ограды. Цитируем: «На плане 1699 года… мы без труда различим, что «Большой острог» около Варварских ворот имел два типа укреплений (явный результат позднейших ремонтов), одно из которых явно относится к «тарасам», а второе к более старинным «городням»… (Данилов, 2015).

Таким образом, вышеизложенное, когда тын принимается за «тарасы», а забор за «городню», показывает полную несостоятельность выводов А. В. Данилова относительно характера фортификации, изображенной на чертеже.

Двухчастность укрепления указывает на его разновременность. Смена характера заграждений тына («острога») на забор не связана с показанной на чертеже парцелляцией земельных участков, вплотную примыкающих к ним (это к тому же говорит об отсутствии в указанное время какой-либо «полосы отчуждения» с внутренней стороны Большого острога). Замена условного изображения происходит в пределах обширного участка с показанными на нем деревьями, подписанного как «…огород и сад Аврама Дуренкова» (они-то, как и сам двор, являлись предметом тяжбы). Учитывая, что к началу XVIII столетия крепостные сооружения Нижнего Новгорода потеряли всякое военное значение, появление более легкой и дешевой заплотной конструкции было вполне оправдано.

Сложнее обстоит дело с интерпретацией еще одной подписи: «За острогом валъ и ров». (рис. 2) Она указывает на последовательность расположения элементов оборонительного сооружения: тын («острог»), перед ним с внешней стороны вал и перед валом ров. Получается, что бревенчатый частокол располагался не поверх вала, а за ним.

Судя по примерам, приведенным Н. П. Крадиным, сочетание рвов и валов со стоящим на них частоколом из бревен было широко распространено при устройстве оборонительных сооружений Европейской России вплоть до XVIII века (Крадин, 1988. С. 27-28, 36, 60). В ряде случаев, как в Великом Устюге, тыновые стены стояли на земляной «осыпи» (Крадин, 1988. С. 47), однако примеров, аналогичных нашему, он не приводит.

Известен случай подсыпки крепостной стены снаружи землей из рва (Усмань), но речь в данном случае идет о конструкции клетского типа (Усманская крепость…, 2025).

Обращение к специалистам за консультациями по вопросу о составе укреплений (выражаю им свою признательность за это), вызвало подобие дискуссии.

К. С. Носов (д.и.н., директор Центра изучения истории фортификации):

«*…Острогом в Нижнем Новгороде я специально не занимался и его устройство не изучал. Частокол, расположенный за валом, встречался, но весьма редко. На чертеже хорошо видно, как меняется конструкция. Тын («острог») и забор – очень распространенные конструкции из вертикальных и горизонтальных бревен соответственно*».

В. Ю. Коваль (к.и.н., археолог, зав. отделом ИА РАН):

«*…Могу высказать сомнение в том, что в Нижнем оплот был поставлен за валом, несмотря на то, что такое указание… есть на чертеже. Строительство такой линии совершенно бессмысленно, поскольку защитники острога в этом случае лишались возможности наблюдать за действиями нападающих, не могли бы вести по ним стрельбу (за исключением тех, кто поднимется на вал) и потеряли бы преимущество в высоте расположения, которое они имели бы, поставив заплот на валу*».

А. Н. Медведь (к.и.н., доцент РГГУ):

«*…По поводу случаев сознательного сооружения вала перед частоколом (заплотом и т.д.) - мне такое неизвестно. В общем-то, это была бы довольно странная конструкция: обороняющиеся не смогли бы отойти с вала (на их пути находился бы свой же частокол), а в случае занятия противником вала, всё пространство внутри города могло попасть под обстрел. Так что, по-моему, «вал – ров» и «частокол – заплот» возводились в разное время.*

Не могло быть так, что этот старый (уже в начале XVIII века) вал оставался перед относительно новым частоколом? То есть, вал утратил какое-либо фортификационное значение, но срыть его по каким-то причинам не могли. Вал уже к этому времени заплыл и частично разрушился, подновлять его было некогда, поэтому просто набили позади него новый забор - хоть какая-то защита.

По поводу примеров. В Москве, в описании 1628 года в одном месте упоминается некий вал, который располагался перед каменной Китайгородской крепостью. Есть версия, что это были остатки древних древо-земляных китайгородских укреплений, сооруженных в 1534 году и до конца не разобранных».

М. И. Мильчик (кандидат искусствоведения, профессор):

«*…Примеров расположения тына за валом не встречал. Тут ситуация, когда острога – оборонительной ограды, которая должна была бы быть на валу, уже нет, а есть забор у*

подножия вала. Ситуация не типичная, но отражающая деградацию оборонительных укреплений. Не случайно появляется просто заплот вместо острога. Раньше здесь был острог - в точном смысле этого слова (стоячий тын), а теперь он заменен оградой заплотной конструкции («забором»), но местоположение его такое же, то есть, сразу за валом с внутренней его стороны».

Судя по всему, следует согласиться с мнениями А. Н. Медведя и М. И. Мильчика: чертеж 1699 года зафиксировал состояние укреплений Большого острога на завершающем этапе их существования, когда они практически утратили свое оборонительное значение, и указывает на разновременность появления отдельных его частей и элементов. При этом овраг Ковалиха, к которому выходил забор, укреплен не был.

Можно предположить, что устройство стоячего тына позади рва и осыпавшего вала относится ко времени восстания Степана Разина, когда Нижний Новгород спешно готовился к отражению нападения «воровских людей». Косвенно на производство работ по усилению оборонительных сооружений указывает упоминание в следственном деле, к которому относится рассматриваемый чертеж, выкопанного нижегородскими посадскими людьми и стрельцами на выгонной земле Амвросиева Дудина монастыря «в бунтовое время против воровских казаков Стеньки Разина» рва (Нижний Новгород…,1961. С. 287, прим.). И хотя ответчик Абрам Дуренков утверждал, что «нижгородцы де посацкие люди и нижгородцкие стрельцы никакова рву не копали» (Нижний Новгород…,1961. С. 287, прим.), он хорошо просматривается на плане 1699 года именно на территории его сада. (рис 3).

Дугообразный ров этот располагался в северной части спорного садового места и выходил к Ковалихинскому оврагу. На чертеже он подписан следующим образом: «Ров в длину до Ковалихи мд (44) сажени без аршина. В ширину д (4) сажени без аршина. Глубина сажень с пятью вершки» (соответственно, примерно – 93 м, 7,8 м и 2,36 м). На существование этого дополнительного рва исследователи ранее не обращали внимание.

Что же касается земельного спора, благодаря которому был составлен рассмотренный чертеж, то как бы не пытался апеллировать к Писцовой книге 1621 года Абрам Дуренков, доказывая законную принадлежность места у Варварских ворот ему (Нижний Новгород…,1961. С. 287, прим.), запись в ней свидетельствует об обратном. Установив принадлежность «*у старого острогу у Варварских ворот»* двух «дворишек», писцы зафиксировали именно то, о чем говорил истец: «Вверх по Ковалихе, позади Баженова двора Немово: двор с садом Дудина монастыря, а в нем живет дворник Ивашка Кондратьев, а тягла не тянет, сказали: их старинное [место], а оброк платит в съезжей избе…» (Писцовая и переписная книги..., 1896. Стб. 150).

В целом же, рассмотренный нами план части Нижнего Новгорода оказался важным иконографическим источником. Благодаря ему удалось установить структуру Большого острога на финальном этапе существования этого фортификационного сооружения. К сожалению, фронтальные изображения, показанные на чертеже, не сомасштабны линейным, что не дает возможности определить их высотные габариты. При этом, и воротная башня крепости, и отдельно стоящая колокольня при церкви, и сама церковь св. вмч. Варвары показаны вполне реалистично. Последний объект можно интерпретировать как одноглавое бревенчатое сооружение, состоящее из двух разновеликих срубов, не имеющее алтарного прируба – редкий архаичный для XVII столетия тип храма, требующий отдельного специального исследования.

Список источников и литературы

Данилов А. В. Историческая топография нижегородских острогов XVI–XVII вв. по Писцовой книге 1621–1629 гг. и Сотной грамоте 1621–1622 гг. URL.: https://vk.com/topic-3698272_32050227 (дата обращения 07.04.2025).

Кирьянов И. А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Очерк о старинных русских дерево-земляных крепостях. Горький: Кн. изд-во, 1961. 107 с.

Неделин В. М. Крепость Суджа. Опыт графической реконструкции русской крепости второй половины XVII – начала XVIII в. // Деревянное зодчество. Вып. 4. Новые материалы и открытия. М.: СПб: Коло, 2015. С. 93 – 115.

Нижний Новгород в XVII веке. Сб. документов и материалов к истории Н. Ногорода и его округи / Под ред. чл.- корр. АН СССР проф. С.И. Архангельского. Сост. Н.И. Привалова. Горький: Кн. изд-во, 1961. 463 с.

Писцовая и Переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду, изданные Археографической комиссией / А. Лаппо-Данилевский. СПб.: Синод. тип., 1896. 463 стб.

Средневековый Нижний Новгород. Каталог историко-документальной выставки / сост. Н.Ю. Болошина. М.: Древлехранилище, 2021. 128 с.

Усманская крепость: как рождался город из дерева и страха. URL.: https://dzen.ru/a/Z5dWHwQkqRbwNz8e (дата обращения 16.04.2025).

Храмцовский Н.И. Укрепления Нижнего в начале XVI столетия // Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом под редакцией действительного члена и секретаря комитета А.С. Гациского. Т.1. Н. Новгород: Тип. Нижегородского губернского правления, 1867. Ч. 2. С.216.

Чеченков П.В. Крепостные сооружения Нижегородского края в контексте внешней политики Василия III и Елены Глинской. URL.: https://opentextnn.ru/space/nn/kremlin/chechenkov-krepostnye-sooruzhenija/ (дата обращения 07.04.2025).

Рис. 1. План части Нижнего Новгорода в районе Варварской улицы и Варварских ворот Большого острога, 1699 г.

(Опубликовано по: Средневековый Нижний Новгород. Каталог историко-документальной выставки / сост. Н.Ю. Болошина. М.: Древлехранилище, 2021. С. 82 – 83).

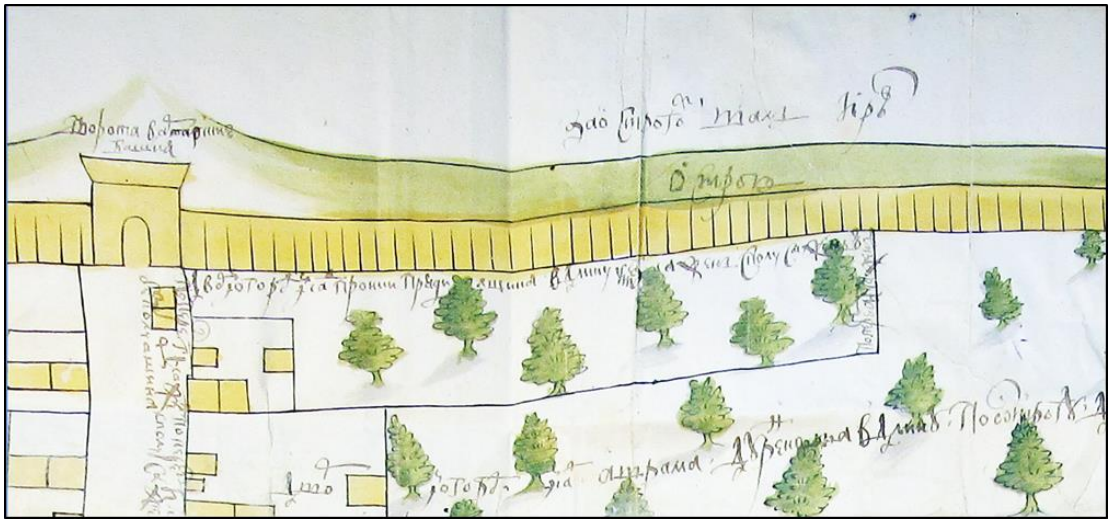


Рис. 2. Фрагмент плана части Нижнего Новгорода 1699 г. с показанием Варварской проездной башни (ворот), тына и рва Большого острога.

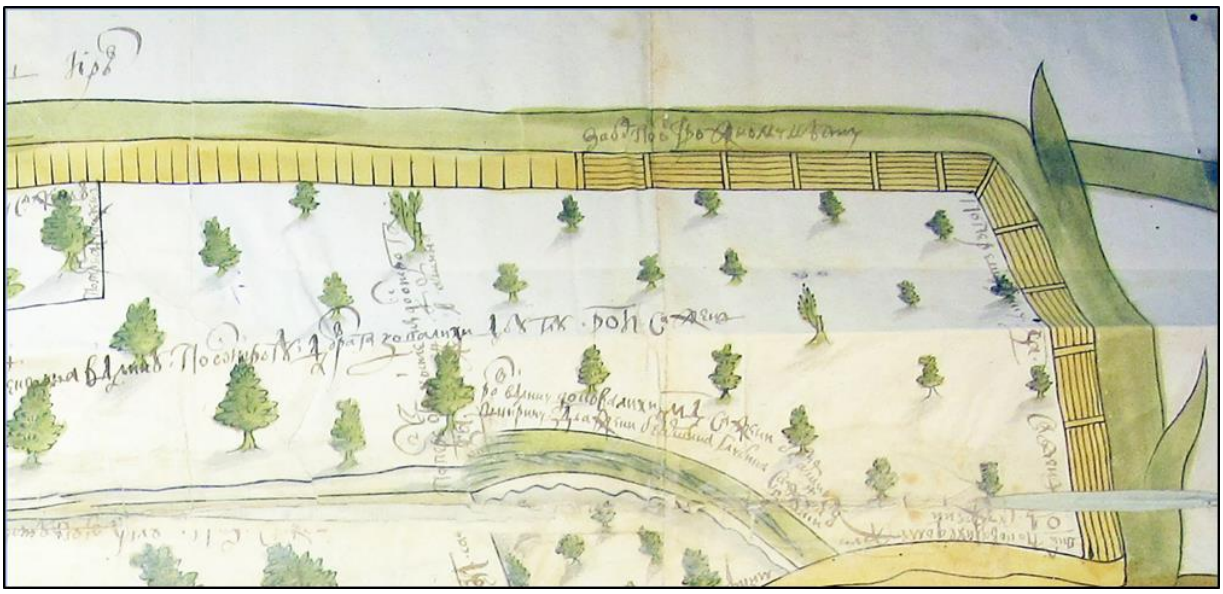


Рис. 3. Фрагмент плана части Нижнего Новгорода 1699 г. с показанием «заплота» по линии Большого острога и дополнительного рва на территории «огорода и сада Аврама Дуренкова».

Ермилова А. С.
заведующая Реставрационного отдела, ГИАХМЗ «Остров-град Свияжск»
zavrest@ostrovgrad.ru
Втюрина К. Н.
художник-реставратор, ГИАХМЗ «Остров-град Свияжск»
kvtyurina@inbox.ru
Степанова А. В.
к.б.н., старший научный сотрудник, Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН,
ведущий научный сотрудник, Государственный Эрмитаж,
stepanovabot@mail.ru
Шатый Г. А.
младший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж
baldwin1@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ РУКОЯТЕЙ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХНОЖЕЙ ИЗ РАСКОПОК СВИЯЖСКА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РЕСТАВРАЦИИ)

Рассмотрены три ножа из раскопок в посадской части Свияжска. Данные артефакты происходят из контекстов, датированных второй половиной XVI-началом XVII века. Реставрация этих ножей позволила выявить особенности расположения на пластинах отверстий под металлические элементы рукоятей, которые можно рассматривать как признаки допущенных при изготовлении рассматриваемых предметов неаккуратностей.

Ключевые слова: Свияжск, «Татарская слободка», реставрация, позднесредневековая археология, археологическое дерево, нож, рукоять, *Dalbergia* sp., палисандр, кость скелетная.

В материалах археологических исследований низовой (посадской) части Свияжска (раскоп «Татарская слободка») среди ножей со сборными рукоятями, на продолжении клинка которых с двух сторон устанавливались пластинчатые накладки, были выявлены три ножа с накладками из двух материалов – дерева и кости. Первый нож ОГС КП-3037/99 (полевой номер СвО5-14Я/769) найден в слое второй половины XVI в. (Старков, 2020) Два других ножа, ОГС КП-3037/61 (полевой номер СвО5-13Я/655) и ОГС КП-3037/62 (полевой номер СвО5-13Я/776), обнаружены при исследовании неотапливаемой постройки № 95 (вторая половина XVI – начало XVII вв.) (Лыганов, 2020).

Проведённое микроскопическое исследование показало, что деревянные накладки ножей изготовлены из палисандра (*Dalbergia* sp.), вероятнее всего *Dalbergia melanoxylon* Guill. & Perr. – африканского чёрного дерева. У одного из ножей из постройки №95 с левой стороны клинка расположено клеймо (рис. 1), другой нож с клеймом из раскопок Свияжска был описан ранее (Садриев Н. Р., Старков, 2001. С. 307-310). Следует отметить, что в отечественной археологической литературе кузнечные изделия с клеймами принято относить к продукции европейских ремесленников (Завьялов, Розанова, Терехова, 2020. С. 180).

Реставрация ножей была проведена в Реставрационном отделе ГБУК РТ ГИАХМЗ «Остров-град Свияжск». Необходимость вмешательства была вызвана, во-первых,

состоянием металлических частей изделий (на них наблюдалась рецидивная коррозия в виде рыхлых рыжих продуктов коррозии в язвах, на лезвии одного из ножей имелись утраты) и, во-вторых, сохранностью накладок. Так, оригинальная поверхность пластин рукоятей была скрыта слоем почвенных загрязнений и продуктами минерализации железа рыжего и синего цветов. Кроме того, поверхность накладок вокруг крепёжных деталей была более тёмная, на них также присутствовали продукты коррозии. На деревянных и костяных пластинах имелись различные по форме и размеру трещины (от волосяных до сквозных), потёртости, утраты, проеды от насекомых (рис. 2 и 3).

В первую очередь были удалены старые консервационные покрытия, после чего стало возможным провести очистку и расчистку металла, сухую механическую очистку и удаление нестойких поверхностных загрязнений с деревянных и костяных пластин с последующей химической очисткой. Несмотря на проявление рецидивной коррозии металла, стабилизация щелочным сульфитом не была проведена ввиду невозможности демонтажа всех составляющих ножей без причинения ущерба сохранности. По этой причине был выбран метод ингибирования танином. С целью укрепления внутренней структуры предметов была проведена консолидирующая пропитка, а также доделочные работы: склейка, восполнение утрат, мастиковка швов, тонирование восполненных участков.

В результате расчистки костяных накладок были выявлены губчатая ткань и Гаверсовы каналы на кортикальной костной ткани в виде тёмных штрихов, кость идентифицирована как трубчатая, переходная часть от метафиза к диафизу (Милосердов, 2017, С. 38).

Кроме того, расчистка накладок выявила особенности расположения отверстий для металлических деталей на рукоятях ножей, которые можно считать примерами допущенной изготовителями ножей неаккуратности. Обозначим их:

1. Количество декоративных элементов не совпадает по сторонам ножа ОГС КП-3037/61: на деревянной накладке насчитывается 13 деталей, а на костяной – 11.
2. На пластинах двух ножей зафиксированы отверстия без металлических деталей, расположенные не по линии, т.е. с нарушением порядка (рис. 4 и 5).
3. На правой стороне ножа ОГС КП-3037/61 не все металлические детали были установлены строго по оси.
4. Вокруг крепёжных деталей на накладках ножа ОГС КП-3037/62 декоративные вставки группируются вокруг крепёжного элемента по-разному, т.е. не соблюдается единство оформления.

Таким образом, реставрация трёх позднесредневековых ножей из раскопок Свияжска позволила выявить скрытые особенности расположения отверстий под металлические элементы на накладках, что повысило информативность данных находок.

Список источников и литературы

Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.: Знак, 2007. 280 с.

Лыганов А. В. О проведении археологических работ на раскопе «Татарская слободка» на территории с. Свияжск Зеленодольского района Республики Татарстан в 2017 году. В 11 т. Казань, 2020 // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 402–412.

Милосердов Д. Ю. Определение остеологических материалов (кости и рога) в художественных и декоративно-прикладных изделиях на основе коллекций Государственного Дарвиновского музея: методическое пособие. М.: ГДМ, 2017. 95 с.

Садриев Н. Р., Старков А. С. Нож с клеймом из раскопа Татарская слободка на территории Остров-града Свияжск // Документ в социокультурном пространстве региона: теория, история и современность: материалы IV Международной научно-практической конференции. Казань, 2021. С. 307–310.

Сережникова Д. С. Железные бытовые предметы с клеймами из раскопок в Великом Новгороде XIII – первой половины XV века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25, № 186. С. 175–182.

Старков А. С. Отчет о проведении археологических работ на раскопе «Татарская слободка» на территории с. Свияжск Зеленодольского района Республики Татарстан в 2018 году. В 14 т. Казань, 2020 // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 414.

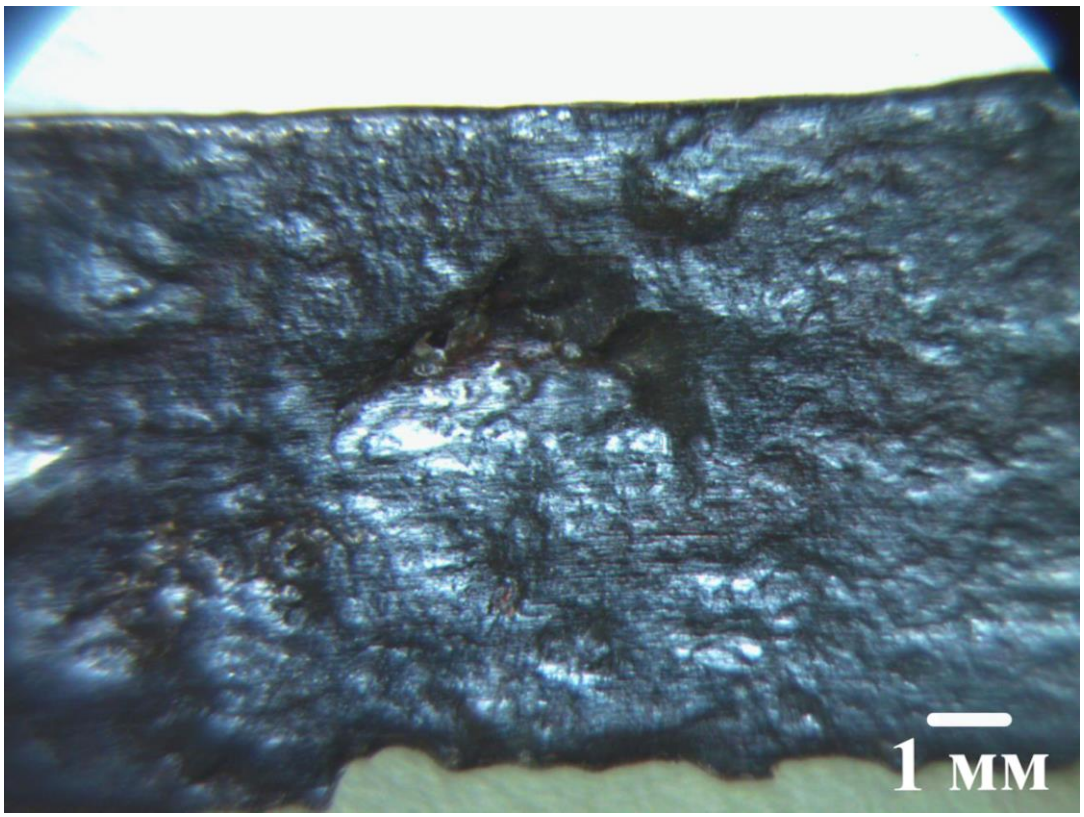


Рис. 1. Нож (ОГС КП 3037/62). Фрагмент с клеймом.

Рис. 2. Нож (ОГС КП 3037/99). Вид до реставрации.

1 - нож с пластинчатым продолжением клинка; 2 - накладки из дерева (слева) и кости (справа).

Рис. 3. Ножи (ОГС КП 3037161 и ОГС КП 3037162). Вид до реставрации.
1 - нож (ОГС КП 3037161); 2 – нож (ОГС КП 3037162).

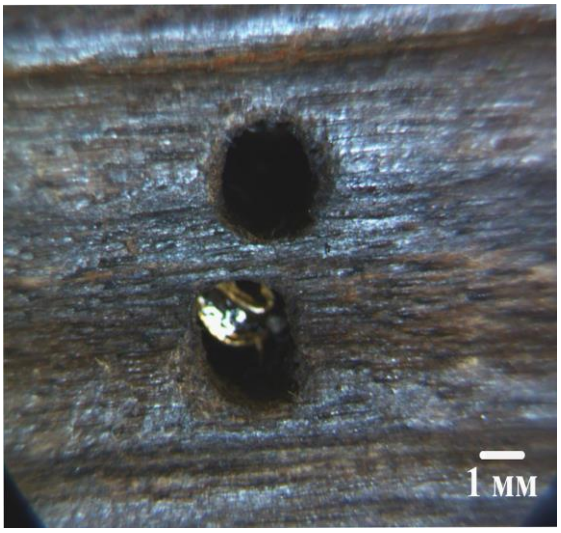


Рис. 4. Нож (ОГС КП 3037/99). Микрофотография отверстий для крепления на деревянной пластине.

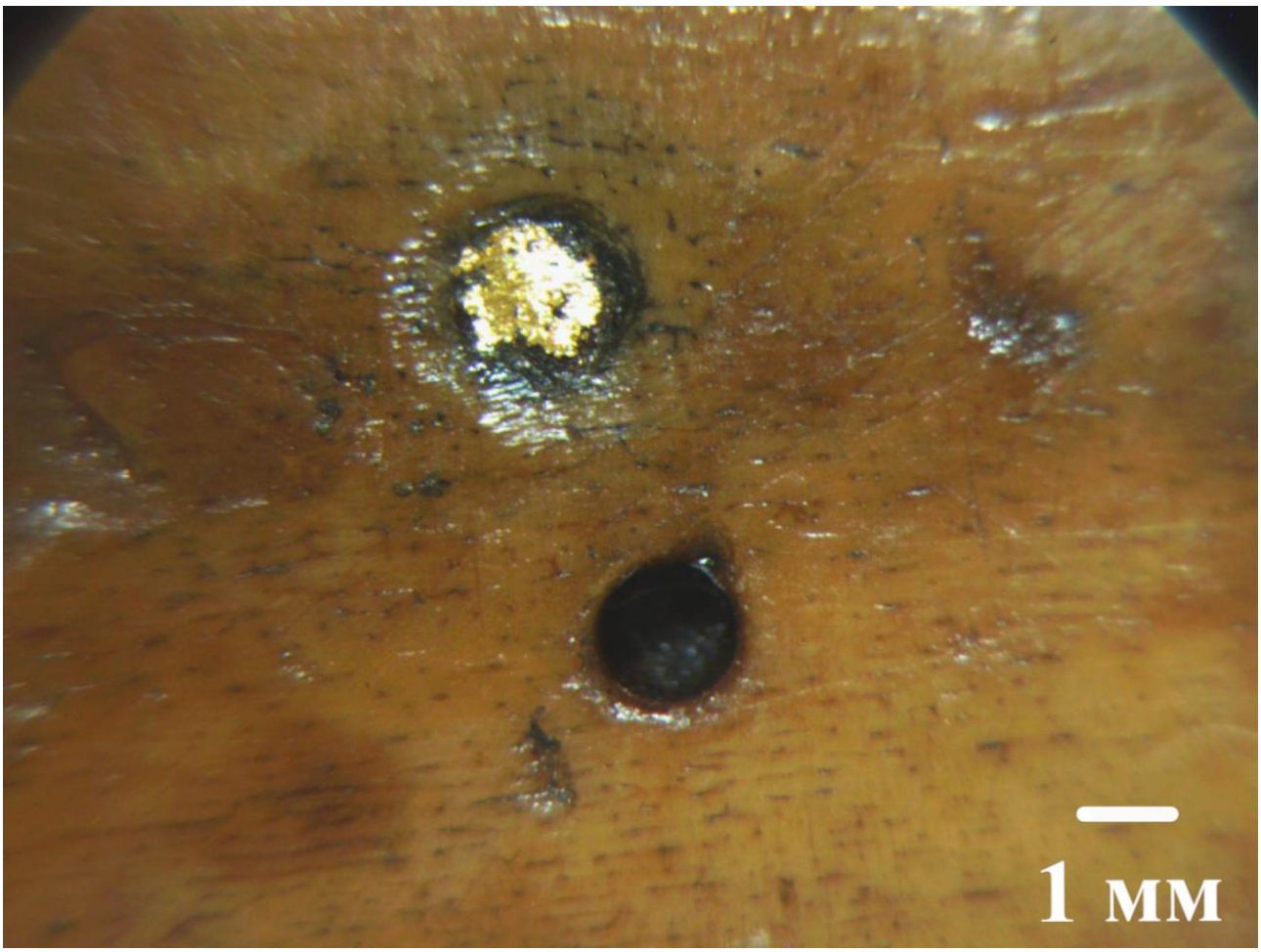


Рис. 5. Нож (ОГС КП 3037/61). Микрофотография двойного отверстия декоративной вставки на костяной пластине рукояти.

Электронное издание

ПОВОЛЖСКИЕ ЗЕМЛИ МЕЖДУ МОСКВОЙ И КАЗАНЬЮ
вопросы исторического развития в период XV-XVII веков

Сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного 500-летнему юбилею сражения на Итяковом поле в 1524 году

В оформлении обложки использован фрагмент карты России, составленной Джакомо Гастальди для венецианского издания «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна 1551 г.

Текст публикуется в авторской редакции.
Точка зрения авторов статей может не совпадать
с точкой зрения редколлегии и рецензентов.

ISBN 978-5-6056918-0-8

9 785605 691808 >